

Пронь С.В.*

АЗІАТСЬКО-ТИХОООКЕАНСЬКИЙ РЕГІОН, США, СУЧАСНІ ВИКЛИКИ КИТАЮ У ПРОСТОРІ МІЖНАРОДНИХ ІСТОРИЧНИХ ДИСКУСІЙ

Автор статті підіймає питання американсько-китайських багатовекторних взаємин; терміно-географічних конфігурацій Азіатсько-Тихоокеанського регіону (АТР).

Ключові слова: АТР, США, Китай, зовнішня політика, доктрина, чинники, міжнародні відносини.

Автор статті рассматривает вопросы американо-китайских многовекторных взаимоотношений; понятийно-географических конфигураций Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Ключевые слова: АТР, США, Китай, внешняя политика, доктрина, факторы, международные отношения.

The author makes a study of U.S.-China multi-vector relations; and Asia-Pacific Region (APR) configurations of definition and geography.

Key words: APR, the USA, China, foreign policy, doctrine, factors, international relations.

До сьогоднішнього дня в історико-політологічних колах продовжується обговорення проблеми щодо терміну (або визначення) «Азіатсько-Тихоокеанський регіон». Думки і аргументація, зазвичай, різні.

Український політолог професор С.О. Шергін стверджує, що «Тихоокеанське кільце» нараховує від 32 до 43 країн [1]. Російський дослідник А.І. Уткін у книзі «Тихоокеанська вісь» (маючи на увазі, безумовно, американсько-японські відносини) вводить поняття «тихоокеанський світ», до якого, на думку автора, «саме на засаді тихоокеанських зв'язків, підключається Мексика і Бразилія з Заходу та азійські країни зі Сходу, які стрімко розвиваються» [2, с. 146-147].

Доктор політичних наук О.В. Шевчук у монографії «Система безпеки Азіатсько-Тихоокеанського регіону: фактори формування та тенденції розвитку» підкреслює, що «у російській політологічній науці виокремлюються чотири основні підходи щодо визначення кордонів АТР» (перший обмежується західним узбережжям обох Америк, східним узбережжям Азії і зоною Австралії, включаючи країни Південної Азії; другий – країни Тихоокеанської Азії, США, Канади, Австралії, Нової Зеландії (без латиноамериканських держав); третій передбачає простір від протоки Берінга до Бірми; четвертий включає Східну Азію, яка складається з північно-східної (Далекий Схід) і південної-східної частини) [3, с. 8].

Російський вчений професор А.Д. Воскресенський в розділі «Східна Азія і АТР: регіональний вимір міжнародних відносин» (книга «Сучасні міжнародні відносини і сві-

* доктор історичних наук, професор Чорноморського державного університету імені Петра Могили

това політика») дає ще більшу низку варіантів визначень АТР, при цьому цікавими та небезпідставними є два напрямки. Науковець пише: «Що стосується інших держав або політико-економічних об'єднань, які входять у будь-який з варіантів розширеного тлумачення АТР – США, Австралія, Нова Зеландія, Канада, Індія та навіть Євросоюз, то їх зв'язки з регіоном не заперечуються, а активно залучаються для аналізу, але в якості зовнішньої складової». Це – перший. Другий. «Згідно із ще одним підходом АТР охоплює географічний простір від Японії на півночі до Нової Зеландії на півдні та включає в себе три основним субрегіона: Північно-Східну Азію (Японія, Північна і Південна Корея, Китай, Тайвань, Монголія), Південно-Східну Азію (Малайзія, Сінгапур, Філіппіни, Індонезія, Таїланд, Бруней, В'єтнам, Камбоджа, Лаос, М'янма (Бірма)) та південну частину Тихого океану (Австралія, Нова Зеландія і острівні країни Океанії). У такому уявленні Східна Азія – регіональне ядро АТР...» [4, с. 599-601].

Автор статті, у наукових розробках якого дві монографії, які безпосередньо торкаються АТР («Сан-Франциська система і країни Азіатсько-Тихоокеанського регіону» – Москва, 1992 р. і «Японія – США – Росія: співробітництво та суперництво в Азіатсько-Тихоокеанському регіоні» – Миколаїв, 2008 р.) [5], є прихильником об'єднаного варіанту цих двох підходів визначення АТР, виключаючи, безумовно, Євросоюз та обов'язково враховуючи Росію і латиноамериканські країни зони Тихого океану – Мексику, Панаму, Перу, Чилі, Колумбію, Гватемалу, Гондурас, Сальвадор, Нікарагуа, Коста-Ріку, Еквадор. В цілому до складу АТР входять або 34 держави, або 46 з країнами тихоокеанських островів [6, с. 305-332].

Окремі представники російської історико-політологічної школи активно використовують термін «АТР», наприклад, В.М. Єрьомін, К.О. Саркісов, А.І. Сенаторов [7]. В.О. Кістанов у монографії «Японія в АТР» не тільки пише про «анатомію економічних і політичних відносин» у регіоні, але й надає своєрідну історію створення «азіатсько-тихоокеанського співробітництва» від Тихоокеанської економічної ради (ТЕР) 1967 р., яка нараховувала 900 потужних корпорацій; Конференції тихоокеанського економічного співробітництва (КТЕС) 1980 р., що у січні 1992 р. була перейменована у Раду з тихоокеанського економічного співробітництва (РТЕС, входило 20 країн тихоокеанського басейну) до Азіатсько-Тихоокеанського економічного співробітництва (АТЕС, проголошено створення у листопаді 1989 р. – Канберра; в 1994 р. у Богорі біля Джакарти прийнята декларація про розвиток до 2020 р.), яке об'єднує 21 державу [8, с. 8-9].

П. Ю. Самойленко, С.В. Мухіна словосполучення «Азіатсько-Тихоокеанський регіон» винесли у назву своїх дисертаційних досліджень, які захищені 2004-го і 2006-го рр. у Владивостоці та Санкт-Петербурзі [9].

Інші вчені Російської Федерації, яскравим прикладом яких є д.і.н. О.О. Арін (Р.Ш.-О. Алієв) взагалі відкидають й сам термін, й безпосередньо регіон, прирівнюючи його до Східної Азії [10]. Арін/Алієв пише: «...ніякого цілісного регіону «АТР» ні в економічному, ні в політичному розумінні не існує. Тоді прийшлося б доводити, що політика й економіка Мексики, Чилі або Нової Зеландії (які теж є частиною «АТР») міцно зв'язані з політикою чи економікою Південної Кореї, Китаю..., Росії, що у принципі неможливо довести. Будувати «загальний дім» з неіснуючим регіоном, це вже «Палата №6». Таке можуть тільки росіяни» [11, с. 135]. Самокритика, беззаперечно, позитивна річ, але, стверджуючи про «штучний характер поняття «АТР» та намагаючись знайти політичну мотивацію його появи» [12, с. 123], Арін, разом з тим, виносить вищезазначений термін у назву монографії.

Своєрідну, не зовсім зрозумілу і чітку трактовку АТР, надає С.Г. Лузянін. На початку книги він переконує, що «Великий Схід» для Росії сьогодні – «це п'ятдесят одна країна –

партнер в Азіатсько-Тихоокеанському регіоні, на Близькому і Середньому Сході, у Південній та Центральній Азії»; у середині стверджує – «східно-азіатська стратегія Росії у широкому розумінні... – це... пошук оптимальної парадигми відносин з великими і малими державами Азіатсько-Тихоокеанського регіону»; наприкінці підсумовує, що регіон Північно-Східної Азії (!) «одночасно є й «мостом» для Росії в АТР; й важливим чинником внутрішньоросійського (сибірсько-далекосхідного) розвитку» [13, с. 5, 314, 435].

Якщо поняття «Західна Європа» або «Північна Америка» не протирічать загальностановленим поглядам, то чому необхідно сьогодні конструювати визначення «Азіатсько-Тихоокеанський регіон»?

У статті, виходячи з назви, мені необхідно підняти, як мінімум, три проблеми – АТР, США, Китай. Отже, відштовхуючись від АТР, зауважу, що азіатсько-тихоокеанський вектор зовнішньої політики США, починаючи з першої чверті XX століття, завжди був пріоритетним. Межі публікації не дозволяють широко висвітлити зазначене питання, тому, як приклад, тезно зосередимось на американській політиці в регіоні за часів президентства Річарда Ніксона, Джеральда Форда, Джиммі Картера, Рональда Рейгана.

На першочергових засадах далекосхідної політики США завжди знаходилися дві країни – Китай і Японія (американсько-японські відносини, зрозуміло, можуть бути предметом окремого цілеспрямованого дослідження).

«Азійські шоки» Річарда Ніксона, починаючи з «гуамської доктрини» 1969 р. [14, с. 284], призвели до якісно нового рівня взаємин США, перш за все, з Китаєм [15, с. 111-112]: «гра у зближення» завершилася стратегічним діалогом», спрямованим суто проти Радянського Союзу [16, с. 76-77].

«Тихоокеанська доктрина» Джеральда Форда надала Китаю статус американського партнера у справі підтримки рівноваги сил в АТР і концептуально закріпила «позитивну» оцінку місця та ролі КНР у далекосхідній політиці Сполучених Штатів Америки [17, с. 186-187].

Політика Вашингтона щодо Пекіну як «підбурювача» в американсько-радянських відносинах, отримала подальший розвиток у президентство Дж. Картера; було й остаточно сформовано «коло» загальних китайсько-американських «інтересів» - Корейський півострів, Японія, Іран, Туреччина, Албанія, Західна Європа.

«Нова азіатська доктрина» Рональда Рейгана, серед головних пріоритетів якої знаходилася Японія, «нові індустріальні країни» (Південна Корея, Тайвань, Гонконг (Сянган), Сінгапур, Таїланд, Малайзія, Філіппіни, Індонезія) [18, с. 3] та Китай [19, с. 160], призвела до ситуації, коли американсько-китайський «шлюб по любові» змінився «шлюбом за контрактом» [20, с. 117].

Сучасних світових викликів, як і регіональних амбіцій Китайської Народної Республіки, вистачає – це й поява до 2021 р. (100-річчя КПК) нового актора – «Великого Китаю» (з приєднанням Тайваню); й до 2049 р. (100-річчя утворення КНР) за темпами ВВП зрівнятися із Сполученими Штатами Америки; й найвищі валютні резерви КНР на межі 400 млрд. дол. [21, с. 40]; й нове покоління китайців, яке в змозі сказати сьогодні американцям рішуче: «Hi!» [22, с. 256].

Найголовніше питання залишається одне. Чи зуміє американський ковбой приборкати і приручити китайську панду? Або симпатична панда, не поспішаючи, але упевнено буде продовжувати завойовувати світ? Час покаже...

Список використаних джерел

1. Шергин С. Азиатско-тихоокеанская дилемма // Зеркало недели. – 2004. – 14 августа.

2. Уткин А. И. Тихоокеанская ось. – М.: Мол. гвардия, 1988. – 159 с.
3. Шевчук О. В. Система безпеки Азіатсько-Тихоокеанського регіону: фактори формування та тенденції розвитку: Монографія. – Миколаїв: ЧДУ ім. Петра Могили, 2010. – 200 с.
4. Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / [А.В. Торкунов, И.Г. Тюлин, А.Ю. Мельвиль и др.]; Моск. гос. ин-т междун. отношений (МГИМО – Университет) МИД России; отв. ред. А.В. Торкунов. – М.: Просвещение, 2005. – 990 с.
5. Пронь С. В. Сан-Францисская система и страны Азиатско-Тихоокеанского региона (Япония, Китай, Корея) 1951-1991 годы. – Москва: Изд-во НТЦ «Информ-техника», 1992. – 108 с; Пронь С. В. Японія – США – Росія: співробітництво та суперництво в Азіатсько-Тихоокеанському регіоні. 1951-2007 роки: Монографія. – Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2008. – 296 с.
6. Страны и народы. Популярная энциклопедия. – С.-Петербург: Изд-во «Дельта», 1997. – 352 с.
7. Япония: Справочник / Под общ. ред. Г.Ф. Кима и др.; Сост. В.Н. Еремин и др. – М.: Республика, 1992. – 543 с.
8. Кистанов В.О. Япония в АТР: анатомия экономических и политических отношений. – М.: Изд-ская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 335 с.
9. Самойленко П.Ю. Российско-американские отношения и проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: 90-е годы XX века. Рукоп. канд. диссерт. Специальн. 23.00.02. – Владивосток, 2004. – 235 с.; Мухина С.В. Российский Дальний Восток во внешнеполитической стратегии Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Рукоп. канд. диссерт. Специальн. 23.00.04. – Санкт-Петербург, 2006. – 175 с.
10. Арин О. Азиатско-Тихоокеанский регион: Мифы, иллюзии и реальность. Восточная Азия: экономика, политика, безопасность. – М.: «Флинта»-«Наука», 1997. – 435 с.
11. Арин О.А. (Алиев Р.Ш.) Стратегические контуры Восточной Азии в XXI веке. Россия: ни шагу вперед. – М.: «Альянс», 2001. – 192 с.
12. Загорский А. Азиатско-Тихоокеанский регион: границы понятия // Мировая экономика и международные отношения. – 1999. - № 6. – С. 122-126.
13. Лузянин С.Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004-2008 гг.) / С.Г. Лузянин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 447 с.
14. Дипломатический словарь. – Т. 2. – М.: Изд-во «Наука», 1986. – 504 с.
15. Пронь С. В. Роль і місце «доктрини Річарда Ніксона» в американсько-японських відносинах // Історична пам'ять: Наук. зб. – Полтава: ТОВ «АСМІ», 2003. - № 1-2. – С. 111-119.
16. Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. – М.: Международные отношения, 1990. – 352 с.
17. США и проблемы Тихого океана: Международно-политический аспект / Под ред. В.П. Лукина, И.Б. Булая и В.А. Кременюка. – М.: Международные отношения, 1979. – 328 с.
18. Сычева В.А. Труженики четырех «маленьких драконов». – М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1991. – 135 с.
19. Богомоллов А.О. Тихоокеанская стратегия США и АСЕАН. – М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1989. – 172 с.
20. Пронь С.В. Азіатсько-Тихоокеанська доктрина Рональда Рейгана: пошук нових форм військово-політичного співробітництва США та Японії // Наукові праці: Науково-ме-

тодичний журнал. Історичні науки. – Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2002 – Т. 23. – Випуск № 10. – С. 117-123.

21. Китай в мировой и региональной политике: история и современность. Отв. ред. А.Г. Яковлев. – М.: Институт Дальнего Востока, 2001. – 200 с.
22. Китай в мировой политике. Отв. ред. А.В. Торкунов. – М.: Московский гос. институт междун. отношений (Университет): РОССПЭН, 2001. – 528 с.

США И МНОГОСТОРОННИЕ СТРУКТУРЫ ПО ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ В АТР

© 2013 г. **А.Н. Панов***
Институт США и Канады РАН, Москва

Для обеспечения своих стратегических интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе США после окончания Второй мировой войны использовали различные средства и методы. Среди них – создание двусторонних военно-политических союзов, попытки формирования региональных военно-политических объединений, участие в военных конфликтах.

После окончания «холодной войны» США продолжают делать акцент на укреплении двусторонних союзнических связей, однако постепенно начинают уделять больше внимания региональным многосторонним соглашениям и структурам – АСЕАН, АРФ, Советанию министров обороны АСЕАН-плюс, Восточно-Азиатскому саммиту.

Ключевые слова: стратегические интересы в АТР, двусторонние военно-политические союзы, региональные многосторонние соглашения и структуры.

После окончания Второй мировой войны США, стремясь обеспечить свои стратегические военно-политические и экономические интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, прибегали к различным средствам и методам.

На первом этапе, который продолжался до поражения США во Вьетнамской войне, применялась триединая схема. В основе стратегии находилась политика создания двусторонних военных союзов с максимально возможным по количеству региональных государств. Эти союзы с Японией (1951 г.), Филиппинами (1951 г.), Южной Кореей, Таиландом, Тайванем (1953–1954 гг.), Австралией позволяли обеспечивать защиту американских союзников и гарантировать американским компаниям благоприятный доступ на азиатские рынки.

Помимо опоры на двусторонние союзы Вашингтон предпринимал попытки сформировать региональные военно-политические объединения, в том числе наподобие азиатско-тихоокеанской НАТО. Так, в сентябре 1954 г. была создана СЕАТО в составе США, Англии, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Филиппин, Таиланда и Пакистана. Создание СЕАТО рассматривалось Вашингтоном в качестве первого шага по формированию более значительной по составу и функциям организации.

* ПАНОВ Александр Николаевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: panov.taishi@yandex.ru

Не случайно, при подписании пакта о создании СЕАТО был принят специальный протокол, распространявший сферу действия организации на Лаос, Камбоджу и Южный Вьетнам.

Однако опыт создания азиатско-тихоокеанской НАТО оказался неудачным. В 1975 г. было принято решение о роспуске СЕАТО, которое состоялось спустя два года.

После создания в 1957 г. Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в составе Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда, Филиппин США не проявляли интереса к её деятельности. Только при администрации президента Дж. Картера США начали уделять внимание контактам с АСЕАН в намерении повлиять на её ориентацию в выгодном для американских интересов направлении, используя то обстоятельство, что ряд стран «пятёрки» имел развитые военные связи с США, особенно Таиланд и Филиппины. Однако эти расчёты не оправдались. Важную роль в неудаче американских замыслов сыграла усиливавшаяся ориентация асеановских стран на нейтрализм и неприсоединение, а также поражение США во Вьетнамской войне. В ноябре 1971 г. на конференции руководителей стран – членов АСЕАН была принята «Декларация о мире, свободе и нейтралитете», провозгласившая курс организации на превращение Юго-Восточной Азии в зону, свободную от иностранного военного присутствия, а также на создание в этом районе безъядерной зоны.

После этого решения последовали и конкретные действия. В 1976 г. была закрыта последняя военно-воздушная база США в Таиланде, затем в 1991 г. последовало закрытие двух американских военных баз на Филиппинах.

Испытав неудачу с асеановцами, Вашингтон, тем не менее, позитивно воспринимал их намерение «не допускать коммунистической экспансии в Юго-Восточной Азии», опасность которой после победы Вьетнама рассматривалась асеановцами как реальная угроза.

Третьей составляющей американской стратегии в АТР на первом послевоенном этапе стала готовность США участвовать в военных конфликтах по защите своих азиатско-тихоокеанских союзников – войны в Корее и Вьетнаме.

Поражение Соединённых Штатов во Вьетнамской войне, а также неудачные попытки создать под эгидой Вашингтона или кого-либо из его союзников региональную организацию по типу НАТО привели к пересмотру основных положений тихоокеанской доктрины США.

В провозглашённой Р. Никсоном в июле 1969 г. «Гуамской доктрине» на фоне приближающегося поражения США во Вьетнамской войне предусматривалось не только сокращение прямого участия американских вооружённых сил в войне во Вьетнаме, но и в целом серьёзное ограничение «непосредственной, т.е. военной вовлечённости» в азиатско-тихоокеанские дела. Имелось в виду, что страны региона будут обеспечивать свою безопасность собственными силами, а США ограничатся функциями оказания помощи в материальном обеспечении и обучении вооружённых сил.

В рамках «Гуамской доктрины» значение АТР в глобальной американской политике несколько снизилось, однако это не означало уход США из региона. По определению Р. Никсона, США планировали проводить в АТР «курс между чрезмерной вовлечённостью и уходом» [12].

В конце 1975 г. президент Дж. Форд выступил с «новой тихоокеанской доктриной», развивавшей положения «Гуамской доктрины». Центральное место в ней занимала концепция «гибкой и сбалансированной позиции силы» Соединённых Штатов в качестве обязательной составной части «какого бы то ни было стабильного соотношения сил на Тихом океане».

Президент Дж. Картер подтвердил намерение США остаться «азиатско-тихоокеанской державой», подчеркнув решимость сохранять сильное военное присутствие в регионе [6].

После распада Советского Союза, когда в американском общественном мнении распространились настроения «всеобщей победы демократии, прав человека и рыночной экономики», стали появляться идеи о возможности сократить передовое американское военное базирование, в том числе, в Азии.

В американском политическом и экспертном сообществе, изучая новые явления в Азиатско-Тихоокеанском регионе, приходили к выводу о том, что целесообразно разработать новую американскую региональную стратегию, которая бы не замыкалась исключительно на двусторонних военных союзах, а уделяла большее внимание возможности осуществлять многосторонние действия, формы которых рождались бы в зависимости от возникающих потребностей. Именно в таком духе высказался в 1991 г. государственный секретарь США Джеймс Бейкер в статье «Америка в Азии: нарождающаяся архитектура для тихоокеанского сообщества» [3].

Однако размышления о новой роли США в АТР не означали, что они отказываются или существенно пересматривают политику сохранения двусторонних союзов в качестве главного фактора американского присутствия в регионе.

Тем не менее, с приходом к власти администрации Клинтона эволюция американских взглядов на роль США в АТР получила дополнительное ускорение.

В апреле 1993 г., выступая на слушаниях в Конгрессе, помощник госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана Уинстон Лорд в числе десяти приоритетов политики новой администрации в Азии обозначил «приверженность многостороннему диалогу по проблемам безопасности». Он подчеркнул, что администрация Клинтона будет настроена «опробовать консультации и диалог по вопросам безопасности и политики, которые могут с течением времени привести к созданию новых институтов» [4].

Вскоре после этого, 10 июля 1993 г., президент Б. Клинтон во время поездки по странам Северо-Восточной Азии произнёс в парламенте Республики Корея речь, в которой призвал к созданию «нового Тихоокеанского сообщества, построенного на общей силе, общем процветании и общей приверженности демократическим ценностям» [4].

При этом имелось в виду, что такое сообщество будет опираться на сохраняемые американские военные обязательства региону, на более решительные усилия борьбы с распространением оружия массового уничтожения, на создание новых региональных диалогов в отношении общих вызовов безопасности и на поддержание демократии и более открытых обществ повсюду в регионе.

Таким образом, несмотря на определённую новизну в подходе к тихоокеанской стратегии, Б. Клинтон в целом не изменил верности американской политики двусторонним союзам, которые он охарактеризовал как «крае-

угольный камень роли Америки в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе», при этом он пояснил: «Мы нуждаемся в сохранении того, что было надёжным».

И всё же в речи американского президента впервые отчётливо прозвучало признание того, что целесообразно начать дискуссию по новой ситуации в сфере безопасности в регионе. Отметив, что, в отличие от Европы, в АТР нет структуры, которая может предоставить площадку для таких дискуссий, он предложил использовать с учётом разнообразной ситуации «специфический подход».

При всей туманности и неопределённости высказанной президентом США идеи было очевидно, что развивать новые многосторонние соглашения рациональнее не на пустом месте, а с использованием хотя и ограниченных по функциям и значению, но существующих структур.

Именно тогда США обратили более серьёзное внимание на асеановские структуры, в том числе на Региональный форум АСЕАН (АРФ). В речи в южнокорейском парламенте Б. Клинтон особо подчеркнул «большую надежду» на то, что площадка АСЕАН «предоставит непосредственную возможность продвинуть диалог по вопросам безопасности».

15 июля 1991 г. в ходе постминистерской конференции АСЕАН, проходившей в столице Малайзии Куала-Лумпуре, министр иностранных дел Японии Таро Накаяма выступил с предложением сформировать общерегиональный форум для проведения многостороннего политического диалога и обсуждения проблем в области безопасности.

Это был весьма редкий случай, когда Япония выступила с важной внешнеполитической инициативой без получения предварительного одобрения США. О том, что дело обстоит именно таким образом, свидетельствовала американская реакция на японскую идею. Госсекретарь Дж. Бейкер заявил, что эта идея является «угрозой для существующих двусторонних соглашений в регионе» [3].

«Смелость» Токио объяснялась опасениями, связанными с серьёзным усилением нестабильности в регионе в связи с возможным уходом США из АТР после окончания «холодной войны», а также активизацией китайской региональной экспансии. В этой обстановке, в новой, как считали японцы, система двусторонних договоров в сфере безопасности не в полной мере эффективна и её следует дополнить многосторонним диалоговым институтом.

Асеановцы первоначально сдержанно отнеслись к японской инициативе, опасаясь, что в новой структуре они могут потерять лидерство и право решающего голоса. Однако в итоге в 1993 г. страны – члены АСЕАН пришли к консенсусу в пользу создания общерегионального форума по вопросам безопасности. Изменение подхода асеановцев объяснялось рядом обстоятельств.

Итоги окончания «холодной войны» воспринимались в столицах стран – членов АСЕАН неоднозначно. С одной стороны, позитивно оценивалась новая ситуация, при которой угроза столкновения двух сверхдержав на азиатско-тихоокеанских просторах уже не стояла в повестке дня, и странам региона не было нужды решать сложную проблему, чью сторону принимать в «борьбе двух слонов». С другой – появились опасения о возможном уходе США из региона и создании в результате «вакуума силы», который будут готовы заполнить Япония и Китай.

Руководители стран – членов АСЕАН, поняв важность «выживания» в новых исторических условиях, на основе собственных инициатив и усилий приняли решение, во-первых, расширить состав постминистерских конференций АСЕАН, которые проводились после ежегодных асеановских встреч, с семи партнёров (Австралия, Канада, США, Япония, Новая Зеландия, Республика Корея и ЕС) до десяти, пригласив Китай, Россию и Вьетнам (впоследствии Вьетнам стал полноправным членом АСЕАН), и, во-вторых, начать проведение конференций в рамках Регионального форума АСЕАН.

Первое заседание Регионального форума АСЕАН прошло в Бангкоке в июле 1994 года. Основная цель создания Форума, как было провозглашено, заключалась в формировании «предсказуемой и конструктивной формы взаимодействия в АТР». В основу деятельности новой структуры легло проведение переговоров и консультаций, когда решения принимались исключительно на основе достижения консенсуса, т.е. возобладал консультационно-консенсусный подход к проблемам региональной безопасности.

На второй встрече министров иностранных дел стран – членов АРФ в августе 1995 г. в столице Брунея Бандар-Сери-Бегаване была принята разработанная странами – членами АСЕАН концепция деятельности АРФ, которая определила трёхэтапный подход:

- первый – разработка мер доверия;
- второй – выработка механизмов превентивной дипломатии на краткосрочный период;
- третий – проведение консультаций для выработки подходов при урегулировании региональных конфликтов.

В концепции и в других документах Форума подчеркивалось, что его деятельность будет осуществляться «со скоростью, удобной для всех стран-участниц», т.е. без спешки, а сам Форум объявляется местом для «открытого диалога и проведения консультаций по вопросам региональной политики и проблемам региональной безопасности, для обсуждения и улаживания различий в позициях стран – членов Форума для того, чтобы сократить возможные риски возникновения угроз безопасности».

АРФ является своеобразным форумом по вопросам безопасности.

Во-первых, его учредители считают, что он представляет собой «процесс», а не организацию. Форум не имеет своего секретариата, и его участники при решении административных вопросов полагаются на образованную только в 2004 г. секцию АРФ в Секретариате АСЕАН.

Во-вторых, незыблемым остаётся основной принцип деятельности на основе консенсуса, который получил наименование «асеановский путь», а также такие принципы, как отказ от применения силы, невмешательство во внутренние дела государств.

В-третьих, Форум уникален в том, что объединяет сейчас 26 стран плюс ЕС, будучи единственным региональным азиатско-тихоокеанским форумом, в котором принимают участие ключевые государства – США, Россия, Китай, Япония, Индия.

В-четвёртых, хотя в Форуме участвуют ведущие государства мира, руководящую роль в определении его работы играют не они, а страны – члены АСЕАН. Официально АСЕАН остаётся «основной движущей силой» АРФ.

В-пятых, АРФ остаётся местом не решений, а главным образом площадкой для проведения дискуссий, обмена мнениями по мерам доверия применительно к АТР, т.е. находится всё ещё на первом этапе своей деятельности.

В 2010 г. руководители стран АСЕАН и их партнёры по диалогу приняли решение расширить работу АРФ путём проведения совещаний министров обороны стран АСЕАН плюс партнёры по диалогу (СМОА-плюс). Первое совещание министров обороны состоялось в октябре 2010 г. в Ханое. На нём присутствовали десять министров обороны стран – членов АСЕАН, а также восемь министров обороны стран – партнёров по диалогу, а именно Австралии, Китая, Индии, Японии, Республики Корея, Новой Зеландии, России и США.

Было решено, что формат СМОА-плюс будет схож с форматом АРФ. Совещание было позиционировано, как форум, в рамках которого министры обороны будут вести диалог по проблемам в сфере региональной безопасности, стимулировать применение мер по укреплению доверия, а также способствовать повышению уровня взаимодействия стран при решении проблем, вызванных «нетрадиционными» угрозами безопасности. Таким образом, сформировался комплексный механизм по вопросам безопасности в АТР, включающий АРФ и СМОА-плюс.

Отношение США к АРФ неоднократно претерпевало изменения. Первоначально настороженная реакция сменилась уже через полгода после создания Форума на позитивную.

В январе 1995 г. помощник государственного секретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана У. Лорд объяснил такой подход тем, что, по мнению США, «АРФ сможет играть важную роль в разъяснении намерений правительств, уменьшении напряжённости, продвижении транспарентности, развитии доверия, сдерживании гонки вооружений и воспитанию привычки консультироваться и сотрудничать по вопросам безопасности» [4].

Но это опять-таки не означало отказа от традиционной стратегии союзов. Тот же У. Лорд подчёркивал, что многосторонние диалоги по вопросам безопасности «будут дополнять, а не вытеснять наши союзы и передовое военное присутствие, которое мы будем решительно сохранять» [4].

Тем не менее, в тот период в Вашингтоне исходили из того, что АРФ может стать важным и даже постоянным фактором азиатской региональной безопасности.

Американская администрация позитивно оценивала первые шаги АРФ по налаживанию практической деятельности. Среди них – приглашение военных на заседание Форума, создание рабочих групп, существенное расширение тематики обсуждаемых вопросов безопасности, начиная с проблем борьбы с тропическими заболеваниями и кончая тематикой операций по поддержанию мира.

Приход к власти в Вашингтоне администрации Дж. Буша-мл. привёл к формулированию новой повестки дня американской политики в АТР. Было заявлено, что, во-первых, США должны сохранить доминирование в регионе (и в мире в целом) и не позволить кому бы то ни было бросить вызов амери-

канскому превосходству [15]. Во-вторых, Китай был определён как государство – стратегический конкурент. Ставилась задача уделять больше внимания азиатским союзникам, прежде всего, Японии, которая была отодвинута на второй план на фоне «формирования новых отношений» с Китаем администрацией Клинтона. И соответственно, к многосторонним усилиям и институтам было проявлено недоверие и критический подход, поскольку они угрожали свободе американских действий. В документах администрации Дж. Буша-мл. многосторонние механизмы и переговорные процессы по вопросам безопасности, включая АРФ, даже не упоминались.

Однако многое изменилось после террористических атак 11 сентября 2001 г. Хотя Белый дом по-прежнему уповал, прежде всего, на единоличное могущество США, тем не менее, стало признаваться, что региональные форумы могут быть полезны для того, чтобы сосредоточиться на новых проблемах безопасности, особенно террористических.

Внимание было вновь обращено на АРФ, на совещаниях которого стал регулярно присутствовать государственный секретарь США. Американские представители начали настойчиво продвигать в повестку дня Форума контртеррористическую проблематику и более активно добиваться противодействия распространению оружия массового уничтожения. На девятом совещании АРФ в июле 2002 г. в Брунее по инициативе США в повестку дня заседаний Форума на среднесрочную перспективу был внесён пункт о том, что «борьба с международным терроризмом – главнейшая задача в работе» этой структуры. В результате во многом благодаря американским усилиям страны АРФ приняли ряд контртеррористических решений – препятствовать финансированию террористов, контролировать перемещение террористов, активизировать обмен информацией и данными разведки о террористических организациях. Ставились также вопросы о мерах по борьбе с незаконным оборотом оружия, международной преступностью, по реагированию на природные катастрофы.

Всё же США делали акцент на совещаниях в АТР на контртеррористической проблематике, прежде всего, в азиатских мусульманских странах, что создавало впечатление у ряда региональных государств о заикленности Вашингтона на борьбе с исламом.

Те же задачи ставила администрация Дж. Буша-мл. и в развитии отношений с АСЕАН. В 2005 г. на саммите асеановских лидеров в Пусане американский президент подписал совместно с ними документ «Усиленное партнёрство АСЕАН – США», предусматривавший пятилетний план совместного противодействия терроризму, распространению оружия массового уничтожения, транснациональной преступности.

В 2008 г. США первыми среди стран – партнёров АСЕАН по диалогу назначили посла при этой организации. Эволюция взглядов Белого дома на роль АРФ вылилась в признание того, какое значения имеет этот Форум «в продвижении свободы, процветания и региональной безопасности». Однако опять-таки с известной оговоркой, что подход к деятельности любой региональной многосторонней структуры «должен строиться на фундаменте крепких двусторонних отношений с ключевыми государствами региона» [16].

Примечательно, что в это время, представляя республиканскую администрацию, помощник государственного секретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана Кристофер Хилл, начал говорить словами, которые использовали сотрудники предшествовавшей администрации Демократической партии. В частности, он заявлял о том, что АРФ – «это ключевой институт в продвижении региональной интеграции в Юго-Восточной Азии. И мы хотим подкрепить двусторонние отношения многосторонними, и таким образом тесно работать с АСЕАН и очень тесно с Региональным форумом АСЕАН» [7].

Такая оценка АРФ была закреплена в официальных документах Государственного департамента, в которых было признано, что АРФ «обеспечивает и полезный форум для дискуссий по важным вопросам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и прогресс по некоторым из этих вопросов» [15].

Наконец, министр обороны Роберт Гейтс в выступлении 9 ноября 2007 г. в Токио, отметив центральную роль двусторонних американских союзов в АТР, добавил, что США «хотели бы видеть большую вовлечённость и сотрудничество у наших союзников и партнёров по безопасности, т.е. больше многосторонних связей» [4].

Администрация Обамы с самого начала своей деятельности продемонстрировала намерение уделить серьёзное внимание АТР и отношениям со странами АСЕАН.

В феврале 2009 г. государственный секретарь Хиллари Клинтон в ходе своего первого заграничного визита посетила Секретариат АСЕАН, что стало первым посещением этого органа главой американского внешнеполитического ведомства. Вместе с тем, явно благожелательное отношение к АСЕАН не означало проявления энтузиазма в отношении деятельности АРФ, которому, по мнению американских дипломатов, не хватает «практических результатов».

Как отмечал заместитель государственного секретаря Джеймс Стейнберг: «Наша стратегия... состоит из трёх элементов: поддержка традиционных двусторонних связей, которые обеспечили мир и процветание поколениям; строительство новых отношений сотрудничества с появляющимися силами в Азии и с нашими азиатскими друзьями; строительство новых структур сотрудничества как в регионе, так и повсюду в мире, которые свяжут Азию с более широким глобальным порядком» [10].

В июле 2009 г. США подписали асеановский Договор о дружбе и сотрудничестве, что было условием для возможности принятия в Восточно-Азиатский саммит.

Администрация Дж. Буша-мл. не пошла на такой шаг, исходя из того, что договор делает акцент на невмешательство во внутренние дела государств, а это будет ограничивать свободу американских действий, особенно в отношении Мьянмы. Более того, присоединение к договору могло, на взгляд сотрудников Белого дома, означать признание Соединёнными Штатами правящей хунты. Кроме того, был сделан вывод о том, что участие в договоре может нанести ущерб двусторонним союзам Вашингтона с азиатскими странами.

В 2011 г. президент Б. Обама уже в качестве главы полномочного члена Восточно-Азиатского саммита посетил его заседание. В ноябре 2009 г. Б. Обама первым среди американских президентов принял участие во встрече с глава-

ми государств и правительств АСЕАН в Сингапуре. Накануне этого события, выступая 14 ноября в Токио, он заявил, что Вашингтон отныне рассматривает многосторонние организации в качестве потенциальных вкладчиков в региональную безопасность и будет активно поддерживать такие структуры.

Министр обороны США Роберт Гейтс 12 октября 2010 г. принял участие в первой встрече министров обороны стран АСЕАН и глав военных ведомств стран-партнёров: Китая, Японии, Республики Корея, Индии, России, Австралии и Новой Зеландии.

С тех пор главы Пентагона регулярно присутствуют на подобных встречах. При этом, как отмечают американские аналитики, ставится задача подтвердить, что США в военном плане остаются серьёзно вовлечёнными в дела региона и готовы к развитию сотрудничества по широкому спектру вопросов безопасности, начиная с оказания помощи при стихийных бедствиях и кончая действиями, направленными против распространения оружия массового уничтожения [11].

Однако главная задача американских военных заключается в формировании отношений в области военного сотрудничества на двусторонней основе. За последние годы Вашингтон серьёзно укрепил контакты и обмены в сфере безопасности с Австралией, Филиппинами, Таиландом, Индонезией, Вьетнамом, Республикой Корея, Японией.

После окончания «холодной войны» разработчики американской внешней политики пытались найти обоснование американского военного присутствия в регионе. При отсутствии явно выраженной угрозы и наличии успешно развивающейся экономической ситуации в Вашингтоне стало высказываться мнение о чрезмерном присутствии США в АТР, а это породило в ряде стран региона опасения о возможности ухода США.

Поиски предлога остаться вылились в заключение о том, что американская роль необходима в качестве «честного посредника», «балансира», который обеспечивает стабильность и безопасность в АТР. Кроме того, был сделан вывод о том, что сокращение военного присутствия США уменьшило бы возможности Вашингтона влиять на развитие обстановки в АТР, а применительно к АРФ не позволило бы участвовать в определении повестки для его работы.

После того, как было принято решение «остаться», предстояло ответить на вопрос о наиболее подходящей форме вовлечённости США в дела региона.

Основной вывод при всех администрациях США после «холодной войны» состоит в том, что американским интересам в наибольшей степени отвечает укрепление двусторонних союзнических отношений, которые обеспечивают передовое американское базирование, необременённое какими-либо ограничениями в действиях. Попытки со стороны наиболее надёжных союзников даже в незначительной форме наложить ограничения на деятельность американских вооружённых сил решительно пресекаются [13].

Отношение к многосторонним структурам остаётся двойственным. С одной стороны, присутствует мнение о том, что они могут ограничивать «свободу американских действий». Ральф Косса, один из ведущих специалистов по политике США в Азии, предупреждал, что «любые усилия, которые могут восприниматься как подрывающие двусторонние соглашения США, и особенно

те, которые направлены на ограничение или замену американских ключевых двусторонних союзов безопасности, безусловно, должны быть отвергнуты Вашингтоном в настоящее время и любой будущей администрацией» [5]. Написано это было в 2007 году.

Однако в то же время в поддержку многостороннего подхода выступил известный американский политолог Фрэнсис Фукуяма. Он не оспаривал важность двусторонних альянсов США с азиатскими странами, поскольку они позволяют Вашингтону «получить уникальную санкцию на военное и политическое присутствие в регионе и обеспечить сильные позиции для того, чтобы предотвращать появление враждебных коалиций».

Ф. Фукуяма высказался за целесообразность разработки в Азии системы многосторонних организаций при активной поддержке США. Важность создания такой системы он видит в том, что «на фоне окончания «холодной войны» и продолжающегося экономического развития Восточной Азии соотношение сил изменилось таким образом, что «на волю вырвались националистические страсти и соперничество». «Непонимание и конфликты между Южной Кореей, Японией и Китаем, по его мнению, весьма вероятны в грядущие годы, однако степень этой опасности уменьшится, если использовать возможные каналы для международного диалога» [9].

Мнение Ф. Фукуяма разделяет ряд видных американских политических деятелей и исследователей, полагая, что многосторонние институты в АТР нужны для того, чтобы в них были отражены особенности и многообразие региональных государств. Однако в отношении возможных многосторонних инициатив, которые могли бы появиться в недрах этих институтов, преобладают настроения настороженности. Более того, распространено мнение, что деятельность АРФ ограничивается бесконечными разговорами вокруг темы мер доверия, а даже робких попыток разработки общих подходов к решению острых региональных проблем не просматривается. Делается заключение о том, что, с одной стороны, АРФ является сравнительно «молодым» форумом, а с другой – страны АТР не готовы пойти даже на малейшие уступки своих суверенных прав ради достижения общих договорённостей. Указывается и на отсутствие в АРФ интеллектуального лидерства, на «асановский путь» согласования позиции, при котором жёстко соблюдается принцип консенсуса для всех коллективных действий опять-таки из-за боязни, что в противном случае возможно вмешательство во внутренние дела того или иного члена организации.

Хотя, по мнению американских политиков и учёных, АРФ не готов заниматься насущными проблемами региональной безопасности, он рассматривается подходящим для выполнения второстепенных или вспомогательных целей.

В повестке дня Форума значатся встречи по проблемам морской безопасности, контроль за наркотиками, компьютерный терроризм, контртерроризм, поддержание мира, торговля лёгким оружием, энергетическая безопасность, запрещение противопехотных мин, меры против отмывания денег, борьба с инфекционными заболеваниями. Указанные встречи поощряют сотрудничество, транспарентность и помогают создавать основу для реагирования в случае возникновения кризисных ситуаций или их предотвращать.

Ещё одна важная задача АРФ, как она видится в Вашингтоне, заключается в «социализации» Китая, вовлечении его в «общее дело» в качестве «ответственного участника» [1].

Вашингтон неоднократно предпринимал попытки, направленные на то, чтобы придать АРФ «солидность» и эффективность.

Прежде всего, продвигалась идея институализации Форума, в частности, благодаря созданию постоянного секретариата для выполнения координирующих функций. При этом имелось в виду, что процесс институализации АРФ будет способствовать налаживанию основ превентивной дипломатии в регионе. Например, для заблаговременного предупреждения о возможности появления конфликтной ситуации путём сбора и систематизации соответствующей информации. Подобная деятельность требует постоянно действующего секретариата либо специального органа при АРФ, например, Регионального центра по уменьшению рисков.

На пятом заседании министров иностранных дел АРФ госсекретарь США Мадлен Олбрайт заявила о том, что вне зависимости от достижения согласия по мерам доверия АРФ следует двигаться вперёд в вопросах превентивной дипломатии, чтобы Форум «оставался жизнеспособным» [8].

Однако страны – члены АСЕАН намерены сохранять малоинституализированный многосторонний формат обсуждений, в котором они играют ведущую роль и который позволяет им устанавливать нормы и правила поведения в регионе, ограничивающие возможности крупных держав вмешиваться в их внутренние дела и нарушить региональную стабильность.

В Вашингтоне испытывают разочарование и по поводу того, что не удаётся направить деятельность АРФ на обсуждение проблематики прав человека. В последнее время асеановцы парируют упреки в свой адрес по этой теме, приводя пример Мьянмы, когда их подход невмешательства во внутренние дела этого государства в итоге дал свои позитивные результаты.

Участие в АРФ рассматривается в Вашингтоне как американский сигнал странам Юго-Восточной Азии о том, что вовлечённость США в дела региона остаётся и регион находится в приоритетном списке районов внешней политики США.

В целом американский подход к АРФ сохраняет двусторонний характер. С одной стороны, существуют опасения, что Форум обладает потенциалом, способным ослабить американские союзы в регионе, лидерство Вашингтоне, его превосходство.

С другой стороны, делается вывод о «полезности» АРФ, который создал новые каналы общения для обсуждения традиционных и возникающих новых проблем безопасности и образовал новые механизмы для сотрудничества. АРФ, как отмечают американские аналитики, предоставил площадку для региональной поддержки глобальных норм поведения и является испытательным полигоном для выявления китайской готовности принять статус-кво безопасности в Азии. Наконец, он служит двигателем американской вовлечённости в ЮВА.

Список литературы

1. Россия в глобальной политике. 2005. № 1. С. 139–140.
2. Abramowitz Morton and Stephan Bosworth Chasing the Sun: Rethinking East Asian Policy. New York, 2006.
3. *Baker James A.* America in Asia: Emerging Architecture for a Pacific Community // Foreign Affairs. 1991. No. 5. P. 1–18.
4. Cooperative Security in the Asia – Pacific. The ACEAN Regional Forum / Ed. by Jurgen Haake and Noel M. Morada. 2010.
5. *Cossa Ralph A.* East Asia Community Building: Time for the United States to Get on Board. Pacific Forum. CSIS. Issues and Insights. 2007. Issue 7.
6. *Hifer M.* The ACEAN Peace Process: A Category Mistake // The Pacific Review. 1999. Vol. 12. No. 1. P. 25–38.
7. *Hill Christopher.* The U.S. and Southeast Asia. Remarks to the Lee Kuan. New School of Public Policy. Singapore. 22.05.2006.
8. *Johnston AI, Ross R.S.* Engaging China: The Management of an Emerging Power. London, 1999. P. 309.
9. The New York Times. 30.06.1977.
10. *Steinberg James B.* Engaging Asia 2009: Strategies for Success. Remarks at National Bureau of Asian Research Conference. Washington D.C. 1.04.2009.
11. *Swaine Michael.* America's Challenge. Engaging a Rising China in the Twenty-First Century. Washington, 2011. P. 121.
12. The Quadrennial Defense Review Report. September 2001. P. 4.
13. The United States and the Association of Southeast Asian Nations: Thirty Years of Dialogue and Cooperation. Fact Sheet. U.S. Department of State Bureau of Public Affairs. Washington D.C. July 31, 2007.
14. U.S. Foreign Policy for the 1970's. A Report to the Congress by President Nixon. 03.05.1973. P. 109.
15. The National Strategy of the United States of America. White House. September, 2002. P. 1.
16. The National Security Strategy of the United States of America. White House. March 2006. P. 40.

ВТОРАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ БАРАКА ОБАМЫ

© 2013 г. **А.А. Попов***
Институт США и Канады РАН, Москва

Статья посвящена формированию нового кабинета Барака Обамы после его победы на выборах 2012 г. В ней приводятся факты биографии и даётся персональная характеристика основным фигурам новой администрации. В статье анализируются задачи, стоящие перед новым кабинетом и его возможный курс в области внутренней и внешней политики, в том числе в отношениях с Россией.

Ключевые слова: президент Обама, вторая администрация, министры, члены кабинета, внешнеполитический курс кабинета, экономическая политика администрации, правоохранительная деятельность.

Новые задачи и формирование кабинета

После победы на выборах 6 ноября 2012 г. президент Обама был вынужден сразу же заняться неотложными проблемами, требующими срочного решения. Наиболее острой из них была проблема так называемого фискального обрыва, его необходимо было избежать, чтобы не ввергнуть США в новую рецессию. Эту задачу, по крайней мере частично, удалось решить, когда в первый день нового, 2013 года Конгресс США принял компромиссный вариант закона, повышающий верхнюю ставку подоходного налога с 35 до 39,6% для семей, чьи доходы превышают 450 тыс. долл. в год. После этого президент смог заняться формулированием задач на ближайшее четырёхлетие и формированием нового кабинета министров.

Приоритеты второй администрации Обама сформулировал в своей инаугурационной речи и в послании «О положении страны» от 12 февраля 2013 г. Среди главных задач – стабилизация экономики, создание новых производственных центров, борьба с безработицей, сокращение бюджетного дефицита, развитие транспортной инфраструктуры и экологически чистой энергетики. Президент изложил также либеральную повестку дня, включающую продвижение таких ценностей, как сохранение социальных программ; обеспечение прав сексуальных меньшинств; всеобъемлющая иммиграционная реформа, позволяющая легализоваться миллионам нелегальных иммигрантов; ужесточение контроля за оборотом оружия и борьба с изменением климата. При этом основой процветания страны должен стать, по мнению Б. Обамы, преуспевающий средний класс. Чтобы пополнить его ряды, он предложил поднять минимальный уровень оплаты труда с 7,25 долл. до 9 долл. в час и принять ряд

* ПОПОВ Алексей Аронович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: 16311346@mail.ru

других мер, направленных на повышение благосостояния беднейших американцев. В области внешней политики акцент был сделан на выводе американских войск из Афганистана к концу 2014 г. и на достижении нового соглашения с Россией о дальнейшем сокращении числа ядерных боеголовок. Важной инициативой стало предложение о заключении соглашения о свободной торговле с Европейским Союзом.

Первая администрация характеризовалась низкой текучестью кадров. Из 15 министерств только в двух поменялись руководители. Министра обороны Р. Гейтса, перешедшего в кабинет Обамы еще из предыдущей администрации Дж. Буша, в 2011 г. сменил Леон Панетта, и в том же году министр торговли Гэри Локк передал полномочия Джону Брисону. Остальные министры отслужили весь четырехлетний срок «от звонка до звонка» и некоторые из них сохранили свои посты и во второй администрации. Более подвижным оказался ряд неминистерских позиций. В течение первого президентского срока сменились три руководителя аппарата Белого дома (Р. Эмануэль, У. Дейли и Дж. Лью), два директора АБУ (П. Орсак и Дж. Лью), два директора ЦРУ (Л. Панетта и Д. Петреус), два помощника президента по национальной безопасности (Дж. Джонс и Т. Донилен) и три председателя Совета экономических консультантов (К. Роумер, О. Гулсби и А. Крюгер). Ещё три руководителя, по своему статусу приравненные к членам кабинета, не менялись на своих должностях. Это Л. Джексон (Агентство по защите окружающей среды); Р. Кирк – представитель США на торговых переговорах; С. Райс – представитель США в ООН [20].

Однако второе четырёхлетие Б. Обама решил начать с обновлённым кабинетом, причём перемены должны были коснуться ключевых фигур в администрации. На этот раз формирование кабинета проходило очень тяжело и с большими задержками по времени. Президент столкнулся с серьёзным противодействием республиканцев в Сенате. Единственным исключением стала кандидатура Дж. Керри, который был утверждён на пост госсекретаря быстро и без проблем, поскольку пользовался двухпартийной поддержкой. Напротив, назначение и утверждение других новых членов кабинета затягивалось на месяцы. Ситуация кардинально поменялась по сравнению с тем, как проходил процесс формирования первой администрации Обамы после его победы на выборах в 2008 г. Тогда в обстановке эйфории в результате избрания первого чернокожего президента США всё происходило очень быстро. В первую же неделю после инаугурации, 20 января 2009 г., Сенат утвердил 13 министров и других чиновников в ранге членов кабинета, причём 11 из них были утверждены процедурой единодушного согласия [20]. Теперь же настроение изменилось, от эйфории не осталось и следа. Республиканцы были, мягко говоря, разочарованы исходом выборов и с большим подозрением относились к назначениям Б. Обамы. Кроме того, в ряде случаев президент и сам долго не мог определиться с выдвижением кандидатур. Таким образом, весь процесс проходил очень медленно и растянулся на месяцы.

Внешнеполитический блок

В первую очередь Б. Обама приступил к формированию внешнеполитического блока своей администрации. В него входят пять главных фигур: госсекретарь, министр обороны, директор ЦРУ, помощник президента по национальной безопасности и постоянный представитель США в ООН. Центральная фигура – безусловно, госсекретарь; им стал **сенатор, председатель сенатского комитета по международным отношениям Дж. Керри (John Forbes Kerry)**.

Джон Форбс Керри родился 11 декабря 1943 г. Его дед и бабушка по отцовской линии были выходцами из еврейских семей бывшей Австро-Венгрии. Дед Керри Фриц Кон стал Фредериком Керри и перешёл из иудаизма в католичество. Вместе с женой он эмигрировал в США в 1905 г., а в 1915 г. у них родился сын Ричард. Будущий отец Дж. Керри был чиновником Госдепартамента, мать Розмари (Форбс) Керри, принадлежала к богатой англосаксонской протестантской семье Форбсов, чьи предки прибыли в Америку ещё в 1630 г. Благодаря деньгам семьи Форбс Джон учился в элитных школах Новой Англии, а затем в 1962 г. поступил в Йельский университет, где защитил диплом по политологии. Во время учёбы Керри вступил во влиятельное тайное общество «Череп и кости». Он также упражнялся в ораторском искусстве и выиграл много студенческих дебатов, организованных в национальном масштабе. Керри был политически активен: возглавлял Либеральную партию и Политический союз Йельского университета.

После окончания учёбы Керри в 1966 г. записался добровольцем в резерв военно-морского флота США. После 16-недельного обучения в тренировочном центре ВМФ он был направлен на ракетноносный фрегат «Гридли» в чине младшего лейтенанта. Фрегат курсировал в Тонкинском заливе вдоль берегов Вьетнама, его главной задачей было спасение сбитых летчиков. Керри не устраивала такая пассивная боевая задача, и он вызвался служить командиром быстроходного катера. Эти 15-метровые катера с командой из пяти человек заходили в устья рек и вступали непосредственно в боевые действия с противником с целью нарушить их линии снабжения. За четыре месяца боев Керри был трижды ранен и трижды награждён. После третьего ранения он, в соответствии с правилами ВМФ, был отстранён от непосредственного участия в боях.

Покинув военную службу, Керри, стал активным участником антивоенного движения, вступил в организацию «Ветераны Вьетнама против войны». В апреле 1971 г. вместе с тысячами других ветеранов он бросил свои боевые награды к стенам Капитолия в знак протеста против войны. Однако позднее Керри отошёл от антивоенного движения из-за разногласий с его более радикальными участниками.

В 1972 г. Керри безуспешно пытался стать конгрессменом от одного из избирательных округов Массачусетса. Он выиграл демократические праймериз у десяти кандидатов, но на всеобщих выборах уступил сопернику-республиканцу. В 1973 г. Керри поступил на юридический факультет Бостонского колледжа и в 1976 г. получил учёную степень доктора права. Сдав профессиональный экзамен, он был принят в юридическую коллегия Массачусетса.

чусетса, после чего работал помощником районного прокурора, представляя сторону обвинения в судах. В 1979 г. Керри основал собственную юридическую фирму, но, занимаясь частной практикой, продолжал интересоваться политикой. В 1982 г. он выдвинул свою кандидатуру на пост вице-губернатора Массачусетса и вместе с кандидатом в губернаторы от Демократической партии М. Дукакисом победил на выборах. В должности вице-губернатора Керри пробыл два года. В 1984 г. он выиграл выборы в Сенат США, затем 5 раз подряд переизбирался сенатором от Массачусетса и занимал это кресло вплоть до своего назначения госсекретарем в феврале 2013 г. Будучи сенатором, Керри в разное время состоял в четырёх комитетах и девяти подкомитетах Сената, включая комитеты по торговле, науке и транспорту, финансовый, по малому бизнесу и предпринимательству и по международным отношениям; председателем последнего он стал с 2009 г. Керри был автором и соавтором десятков законопроектов.

По своим убеждениям Керри либерал и даже считается более либеральным, чем большинство сенаторов-демократов. Керри защищает социальные программы, в частности, выступает против приватизации государственной пенсионной системы, поддерживает право женщин на аборт и выступает за легализацию однополых браков. Керри – противник смертной казни, за исключением применения этой меры против террористов. Он – сторонник контроля за оборотом оружия. Он также поддерживает торговые соглашения США, такие как НАФТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле) [10].

В 2004 г. Керри был кандидатом в президенты США от Демократической партии. Основу его кампании составляла оппозиция войне в Ираке. Взгляды Керри по этому вопросу менялись. В 2002–2003 гг. он выступал за применение силы против Саддама Хусейна, считая, что Ирак обладает оружием массового уничтожения (ОМУ). Однако, когда после вторжения в Ирак такого оружия не обнаружилось, Керри заявил, что президент Буш обманул американский народ. На выборах Керри получил 48,3% голосов. Ему не хватило 19 голосов выборщиков, чтобы стать президентом.

Керри был дважды женат. От первого брака у него две дочери. Его вторая жена Тереза Хайнц обладает состоянием в 750 млн. долл. Однако Керри и сам богат. Он – бенефициарий по крайней мере четырёх трастов семьи Форбс. Его состояние оценивается в 230–320 млн. долл. Среди сенаторов Керри считался самым богатым [12].

21 декабря 2012 г. президент Обама номинировал Керри на пост госсекретаря. Его кандидатура была утверждена Сенатом 29 января 2013 г. соотношением голосов 94:3. Против голосовали один сенатор-республиканец из Оклахомы и два из Техаса. 1 февраля 2013 г. Керри принёс присягу и стал 68-м государственным секретарем США.

Гораздо более спорной и противоречивой стала фигура 66-летнего **Чака Хейгела (Chuck Hagel)**, выдвинутого **Б. Обамой на пост министра обороны**. Эта кандидатура удивила многих. Во-первых, Хейгел – республиканец; во-вторых, он отошёл от активной политической деятельности, когда в 2008 г. отказался переизбираться на третий сенаторский срок; в-третьих, Хейгел

занимал нестандартную для американского политика позицию по таким вопросам, как ядерная программа Ирана, отношения с Израилем и проблема ближневосточного урегулирования. Тем не менее, несмотря на возражения против его кандидатуры ряда сенаторов-республиканцев, Хейгел в конце концов был утверждён на указанном посту.

Чарлз (Чак) Тимоти Хейгел родился 4 октября 1946 г, окончил Университет штата Небраска по специальности история. В годы Вьетнамской войны он служил командиром взвода пехоты в чине сержанта, имеет боевые награды. С 1971 по 1977 г. работал в аппарате конгрессмена от Небраски Дж. Макколлистера, затем был лоббистом в Вашингтоне. В 1980 г. он принял активное участие в избирательной кампании Р. Рейгана. После избрания Рейгана короткое время работал заместителем главы администрации по делам ветеранов. В 1982 г. Хейгел оставил государственную службу и занялся бизнесом. Им основана компания мобильной связи «Вангард Селлулар» (*Vanguard Cellular*), которая сделала его мультимиллионером [24]. В 1992 г. Хейгел стал президентом инвестиционной банковской компании «Маккарти груп» (*McCarthy Group LLC*). Он также был президентом и исполнительным директором «Американских информационных систем», компании по производству компьютеризованных аппаратов для голосования и подсчёта голосов.

В 1996 г. Хейгел выдвинул свою кандидатуру на выборах в Сенат от штата Небраска и победил. В 2002 г. его переизбрали на новый срок. В течение первого срока пребывания в Сенате и частично второго Хейгел проявил себя как типичный консервативный республиканец: голосовал за снижение налогов в 2001 г. и против предоставления по льготным ценам (за 25% их стоимости) лекарств пенсионерам. Он поддержал учреждение Министерства внутренней безопасности и из года в год голосовал за увеличение военных расходов. Он также одобрил развертывание системы ПРО [11].

Разногласия Хейгела с администрацией Дж. Буша-мл. и внешнеполитическим курсом республиканцев начались из-за войны в Ираке. Первоначально (11 октября 2002 г.) Хейгел голосовал за резолюцию, одобрявшую применение силы в Ираке, однако позднее, начиная с 2005 г. превратился в критика войны в Ираке, сравнивая её с войной во Вьетнаме, и настаивал на выводе оттуда войск [16]. В 2008 г. Хейгел назвал войну в Ираке одной из пяти величайших ошибок в истории США. Подобная эволюция происходила и со взглядами Хейгела в отношении войны в Афганистане: во время пребывания в Сенате он её поддерживал, однако в 2011 г. заявил, что войну в Афганистане надо заканчивать.

Хейгел также известен как критик политики Израиля. Он считал, что «еврейское лобби запугало кучу народа в Вашингтоне», и настаивал на том, что союзнические отношения с Израилем не должны мешать развитию отношений с арабским и мусульманским миром. Более того Хейгел был за прямые переговоры США с такими группировками как «Хамас» и «Хезболла». Аналогичную позицию он занимал по отношению к Ирану, выступая против превентивных ударов и даже против применения санкций к этой стране, призывал к прямым

переговорам с Ираном [7]. Наконец, в 2011 г. Хейгел заявил, что бюджет Пентагона раздут и может быть сокращён.

Последние заявления Хейгел сделал, уже не будучи сенатором. После ухода из Сената он преподавал в Джорджтаунском университете, а также был членом правления директоров ряда компаний, включая «Шеврон». Помимо этого президент Обама назначил Хейгела сопредседателем Совета по делам разведки, совещательного органа при президенте США.

Из-за нестандартной позиции Хейгела по вопросам внешней политики утверждение его кандидатуры на пост министра обороны шло с большим трудом и в несколько заходов, однако в итоге Сенат утвердил её в конце февраля 2013 г. соотношением голосов 58 против 41. Против голосовали почти все республиканцы – однопартийцы Хейгела, тогда как демократы поддержали его в полном составе.

Следующей кандидатурой, имеющей отношение к формулированию внешней политики, стал **Джон Бреннан (*John Brennan*)**, номинированный на пост **директора Центрального разведывательного управления**. Директор ЦРУ формально не входит в состав кабинета, однако по своему реальному весу он – не менее важная фигура. Сын ирландских иммигрантов, 57-летний Джон Бреннан – кадровый разведчик, проработавший в ЦРУ 25 лет, в частности, был резидентом в Саудовской Аравии. Бреннан считается специалистом по Ближнему Востоку и бегло говорит по-арабски. В 2001 г. он стал заместителем исполнительного директора ЦРУ, возглавив Объединенный центр по предотвращению террористических угроз, и ежедневно докладывал президенту Бушу данные, основанные на анализе более чем десяти разведывательных ведомств.

Президент Обама хотел назначить Бреннана на пост директора ЦРУ еще в период формирования своей первой администрации в конце 2008 г., однако тогда его кандидатура столкнулась с сильной оппозицией. Возражения исходили от либеральных сторонников Б. Обамы и были связаны как со службой Бреннана в администрации Дж. Буша-мл., так и прежде всего с его позицией в отношении «усиленной техники допросов», проще говоря, пыток, применявшихся к лицам причастным или подозреваемым в терроризме. В результате Бреннан снял свою кандидатуру и вместо этого был назначен главным советником Б. Обамы по контртерроризму. Официально должность Бреннана звучала как заместитель помощника по национальной безопасности, по внутренней безопасности и контртерроризму. Он ежедневно докладывал президенту Обаме о существующих угрозах. На этом посту Бреннан также зарекомендовал себя сторонником максимально широкого применения беспилотников, которые без разбора убивают и правых, и виноватых. В апреле 2012 г. он признал, что США используют беспилотники в Пакистане, Афганистане, Йемене, Сомали и Ливии и назвал эту практику законной и морально оправданной. Позиция Бреннана по ряду вопросов показалась слишком жёсткой даже некоторым республиканцам, в частности сенатору Дж. Маккейну [13].

Ещё один 57-летний американский ирландец в составе внешнеполитической команды Б. Обамы **Томас Донилен (*Thomas Donilon*)**, с октября 2010 г. занимающий пост помощника президента по национальной безопасности. По

профессии Донилона юрист. Он был помощником госсекретаря в администрации Клинтона в 1993–1996 гг. и принимал участие в подготовке многих важных вопросов, включая мирное соглашение по Боснии и расширение НАТО. В 1999–2005 г. Донилон был вице-президентом и лоббистом федеральной ипотечной компании «Фэнни Мэй», затем практиковал в частной юридической фирме. В январе 2009 г. он был назначен заместителем помощника по национальной безопасности в администрации Обамы, а с октября 2010 г. возглавил этот совет. Деятельность Донилона подвергалась критике, особенно со стороны высокопоставленных военных, однако он продолжает оставаться ближайшим советником президента. Донилон известен как разработчик стратегии выхода США из Афганистана. Он также принимает участие в формулировании политики США по отношению к России. В середине апреля 2013 г. Донилон посетил Россию, передав личное послание Б. Обамы В.В. Путину. Визит Донилона прошёл в позитивном ключе.

Интересы США в ООН защищает, как и в первой администрации Обамы, **Сюзан Райс (Susan Rice)**, 48-летняя афроамериканка. Райс родилась в семье управляющего одним из банков Федеральной резервной системы. Она училась в Стэнфордском и Оксфордском университетах. При президенте Клинтоне в 1993–1997 гг. она работала в Совете национальной безопасности, а с 1997 по 2001 г. занимала должность помощника госсекретаря по вопросам Африки. После прихода в Белый дом Дж. Буша-мл., Райс работала в Брукингском институте. Во время президентской кампании 2004 г. она была советником по внешней политике Джона Керри. В 2008 г. Райс на ранней стадии присоединилась к избирательной кампании Б. Обамы. После его победы на выборах она входила в команду советников, обеспечивавших переход власти от республиканцев к демократам (так называемый переходный проект Обамы – Байдена). Б. Обама номинировал Райс на должность представителя США в ООН, её кандидатура была единогласно утверждена Сенатом, и с 22 января 2009 г. она занимает этот пост.

С. Райс сыграла особо заметную роль в период гражданской войны в Ливии. Тогда три женщины – госсекретарь Х. Клинтон, С. Райс и Саманта Пауэр из Совета национальной безопасности преодолели внутреннюю оппозицию более миролюбиво настроенных мужчин – министра обороны Р. Гейтса, помощника по национальной безопасности Т. Донилона и советника по контртерроризму Дж. Бреннана – и настояли на принятии Советом безопасности ООН резолюции №1973 от 17 марта 2011 г., открывшей дорогу для военной интервенции Запада в Ливии, приведшей затем к свержению режима М. Каддафи военным путём.

Такую же жёсткую позицию Райс заняла по отношению к режиму Б. Асада в Сирии. При этом она весьма резко отзывалась о позиции России и Китая по сирийской проблеме [3]. Этот стиль вообще характерен для Райс. Многие дипломаты в ООН называют её поведение резким и грубым, однако Райс чувствует себя неуязвимой, пользуясь своей близостью к президенту.

В период формирования второй администрации Обамы кандидатура Райс рассматривалась в качестве вероятной при назначении на пост госсекретаря

США взамен уходящей Х. Клинтон, однако из-за оппозиции сенаторов-республиканцев Райс была вынуждена отозвать свою кандидатуру.

Внешнеполитический курс нового кабинета

Каким же будет внешнеполитический курс обновленной команды Б. Обамы во время второго срока его президентства? Безусловно, последнее слово в формулировании внешней политики принадлежит президенту. Однако назначенные им деятели на ключевые посты могут служить индикатором того, какой внешнеполитический курс он выбирает. Обозреватели называют Керри и Хейгела антинеоконсерваторами. В то же время их трудно назвать голубями. Они не исключают применения военной силы, но считают, что к этому средству нужно прибегать лишь в случае крайней необходимости. Профессор Дж. Зелицер из Принстонского университета писал о Керри, Хейгеле и Бреннани: «То, что объединяет этих трёх мужчин, это не их склонность к голубиной политике, а вера в то, что сила должна использоваться лишь тогда, когда это абсолютно необходимо, и что война – это последнее средство» [23].

По сообщениям СМИ, **в отношениях с Россией** США готовят новые разоруженческие инициативы. США намерены предложить дальнейшее сокращение ядерных арсеналов обеих стран. По мнению Вашингтона обе стороны без ущерба для собственной безопасности могут уменьшить число ядерных боеголовок до 1–1,1 тыс. Как известно, недавно вступивший в силу договор СНВ позволяет иметь обеим странам более внушительные арсеналы. В соответствии с договором каждая из стран к 2018 г. может иметь на боевом дежурстве до 1550 боеголовок, а фактически общее число боеголовок может быть ещё больше. Теперь же США хотят сократить число боезарядов ниже установленного договором СНВ предела.

Основой для этой инициативы послужил доклад, в составлении которого участвовали Госдепартамент, Министерство обороны, Совет национальной безопасности, Комитет начальников штабов, разведслужбы и стратегическое командование США. Данный доклад предусматривал новый список целей для стратегических сил США. Ракеты с ядерными боеголовками будут по-прежнему нацелены на объекты в России, Китае, Северной Корее и Иране, однако количество таких целей уменьшится. Так, 10 лет назад США держали под прицелом 660 ракетных шахт на территории России. Теперь же таких объектов стало вдвое меньше, и их число продолжает сокращаться. По прогнозам аналитиков в ближайшие годы число российских баллистических ракет, стоящих на боевом дежурстве, не превысит 230.

Новые лица в нынешней администрации Обамы также приложили руку к разработке инициативы по дальнейшему сокращению ядерных вооружений. Например, Чак Хейгел летом 2012 г. направил президенту доклад, в котором отмечалось, что число ядерных боеголовок в распоряжении США «намного превышает то количество, которое необходимо для обеспечения ядерного сдерживания» [1, 11.02.2013].

К разоруженческим инициативам США подталкивают и их финансовые проблемы. Поскольку администрации не удалось договориться с республикан-

ским Конгрессом о конкретных шагах по сокращению бюджетных статей, с 1 марта 2013 г. вступил в действие автоматический секвестр бюджета. Только в 2013 г. военные расходы должны быть урезаны более чем на 40 млрд. долл. Такая ситуация побуждает к экономии – выдвигаемая, например, инициатива позволит отказаться от строительства 2 из 12 подводных лодок класса «Трайдент», что приведёт к экономии 16 млрд. долларов.

Для изучения реакции России на возможные новые предложения США в сфере разоружения в Москву в феврале 2013 г. была направлена заместитель госсекретаря США Роуз Гёттемюллер. По сообщениям печати, ей было сказано, что Россия не заинтересована в рассмотрении дальнейших шагов в сфере разоружения без решения проблемы ПРО. Как сообщил источник в МИДе, «для России ПРО – краеугольный вопрос. Без договорённости в этой сфере на дальнейшее сокращение арсеналов РФ не пойдёт» [1, 15.02.2013].

Большого прогресса в ходе визита Р. Гёттемюллер в Москву удалось добиться в отношении другой инициативы США: замены программы Нанна – Лугара новым соглашением. В её рамках с начала 1990-х годов на американские деньги ликвидировались устаревшие запасы ядерного и химического оружия. Действие программы истекает в июне 2013 г. Россия объявила о выходе из программы, заявив, что больше не нуждается в американском субсидировании. Теперь же переговоры ведутся о новом соглашении, вероятно, сроком на десять лет. При этом упор может быть сделан на проекты по повышению безопасности в третьих странах, в том числе в странах СНГ и на Ближнем Востоке. Эти проекты могут предусматривать совместные действия США и РФ по повышению безопасности на атомных станциях, переобучение военных учёных-ядерщиков, биологов и химиков, а также меры по борьбе с распространением оружия массового уничтожения. Однако пока – это предварительные переговоры.

Уже после визита Гёттемюллер в Москву США, в марте 2013 г., заявили, что они отказываются от четвертого этапа развертывания ПРО в Европе. Это означает, что в Польше и Румынии не будет наиболее продвинутых американских перехватчиков *SM3 Block IIB*, способных сбивать МБР. Вместо этого Соединённые Штаты планируют дополнительно разместить 14 систем ПРО на Аляске для противодействия угрозам, исходящим от Северной Кореи. Этот шаг, однако, не снимает полностью озабоченности России, которая по-прежнему настаивает на юридически обязывающем соглашении о ненаправленности американской программы ПРО против России.

Ещё один пункт разногласий – ситуация в Сирии. На конференции «друзей Сирии», прошедшей в конце февраля 2013 г. в Риме, США и другие страны Запада обязались расширить поддержку сирийской оппозиции. В Москве это было расценено как поощрение повстанцев на насильственное свержение режима Б. Асада. Тем не менее, США пока не приняли решения о прямом военном вмешательстве и объявлении Сирии зоной, закрытой для полётов авиации. Начать поставки оружия повстанцам требовали деятели предыдущей администрации – госсекретарь Х. Клинтон, министр обороны Л. Панетта и директор ЦРУ Д. Петреус. Однако на это не пошёл президент

Обама из-за опасений, что американское оружие может попасть в руки радикальных исламистов, связанных с Аль-Каидой. Новые лица во второй администрации Обамы – Керри, Хейгел и Бреннан, напротив, не спешат вооружать сирийскую оппозицию. Это подтверждает их репутацию как умеренных, по вашингтонским меркам, политиков. В то же время союзники США – Англия и Франция заявили о своей готовности вооружать и обучать мятежников.

Между Москвой и Вашингтоном существуют не только текущие, но и более глубокие фундаментальные разногласия. Вице-президент Байден после мюнхенской конференции в январе 2013 г. ещё раз обозначил принципиальную позицию Вашингтона. По его словам, США никогда не признают независимость Абхазии и Южной Осетии и всегда будут считать их частью Грузии. США не собираются учитывать мнение России по вопросу о расширении НАТО. США выступают против установления сферы влияния России на постсоветском пространстве и интеграционные процессы они рассматривают как замаскированную попытку воссоздания СССР. Наконец, Вашингтон оставляет за собой право вмешиваться во внутренние дела РФ под предлогом защиты демократии и прав человека. Насколько указанные противоречия будут или нет препятствовать совместным действиям РФ и США там, где существуют общие интересы, во многом зависит от позиции внешнеполитического блока в администрации Обамы.

Отношения с Россией при всей их важности не являются для администрации США приоритетом номер один. Таким приоритетом служит Большой Ближний Восток, Иран, Афганистан, Сирия, вопросы ближневосточного урегулирования между Израилем и Палестиной. В своём первом после переизбрания послании о положении страны президент Обама заявил о планах ухода из Афганистана. В 2013 г. США сократят своё военное присутствие в этой стране на 34 тыс. человек, а в 2014 г. выведут оставшиеся войска, оставив лишь ограниченный контингент, который, не принимая участия в боевых действиях, займётся исключительно подготовкой афганской армии. Эти планы были с энтузиазмом восприняты как демократами, так и республиканцами в Конгрессе. Однако какую страну оставят американцы после своего ухода большой вопрос. США терпят явное поражение в Афганистане, переговоры с талибами, на которые возлагались большие надежды, фактически провалились. Талибы отказались от контактов с официальными властями в Кабуле. Выпущенные из тюрем в качестве жеста доброй воли талибы в своём большинстве вновь вернулись в отряды боевиков. Существует реальная угроза, что после ухода США Афганистан попадёт под власть талибов и будет представлять угрозу для соседних государств, особенно для государств Средней Азии. Он и так уже превратился в поставщика героина номер один. Однако администрация Обамы стремится покончить с войной в Афганистане невзирая на последствия.

Острой остается проблема иранского атома. По мнению американской прессы, умеренные деятели новой администрации находятся в лучшем положении, чем их предшественники, чтобы попытаться решить эту проблему. Как писала американская печать, «созвездие новых внешнеполитических

назначенцев, объединившихся вокруг президента Обамы во время его второго президентского срока, указывает на один доминирующий приоритет: Иран. Б. Обама собрал команду, которая представляется идеальной, чтобы предложить Ирану лучшую из всех возможных сделок. Если же ничего не получится, эта же группа будет идеальной для того, чтобы убедить американское общественное мнение: в случае провала переговоров и решения администрации прибегнуть к какой-то форме военных действий, эти политические деятели решатся на войну как на последнее средство, и потому, что у них не остаётся другого выбора... Внешнеполитическая команда, сплотившаяся вокруг оси Керри – Хейгел – Бреннан, посылает ясный сигнал Тегерану: что бы США ни предложили, это будет наилучшей сделкой, которую вы можете получить» [18].

Американские обозреватели отмечают разницу в позициях США и Израиля по иранскому вопросу. Израиль считает недопустимым саму способность Ирана, его «пятиминутную готовность» к созданию ядерного оружия. США, напротив, называют данную способность «красной чертой», за которую нельзя переходить, т.е. фактически обладать атомной бомбой. Правда в вопросе о том, что считать реальным обладанием ядерным оружием, существует много неясностей [2]. Пока же США и их союзники пытаются воздействовать на Иран в режиме экономических санкций. При этом силовое решение проблемы не снимается с повестки дня.

Те же деятели администрации, особенно Хейгел и Бреннан, считаются не самыми большими друзьями Израиля в Вашингтоне. Тем не менее, администрация намерена активизировать процесс ближневосточного урегулирования, зашедший в тупик во время первого президентского срока Б. Обамы. Этому должен был способствовать его первый за всё время пребывания у власти визит в Израиль, состоявшийся 20–22 марта 2013 г. Однако он не принёс каких-то прорывных результатов.

Новой инициативой, озвученной Б. Обамой в его послании о положении страны, стало предложение заключить соглашение о свободной торговле с Европейским Союзом. Эта далеко идущая инициатива, предполагающая создание своего рода «экономического НАТО», призвана укрепить позиции США в меняющемся полицентрическом мире.

Таким образом, задачи второго четырехлетия во внешней политике, сформулированные президентом Обамой, выполнять президенту предстоит с командой опытных профессионалов, людей с большим политическим и жизненным опытом. По своим взглядам эти люди принадлежат к умеренным политикам. Они предпочитают действовать дипломатическим путем, методами «мягкой силы», но при этом не исключают возможности силового решения тех или иных проблем, если все другие возможности будут исчерпаны. Внешняя политика считалась сильной стороной администрации Обамы во время его первого срока. Определённые предпосылки для этого сохраняются и во втором четырехлетии.

Социально-экономический блок

Для России и других стран главное значение имеет внешняя политика США, однако для самих американцев важнее внутренняя политика, процессы, происходящие во внутривластной и социально-экономической жизни страны.

Внутренняя политика гораздо в большей степени затрагивает американский народ. Кроме того, основные проблемы США находятся внутри страны. Во второе четырехлетие правления Б. Обамы Соединённые Штаты вступили с серьёзным грузом долгосрочных и трудно решаемых проблем. К ним относятся громадный государственный долг, превысивший ВВП страны, дефицит бюджета, неукротимый рост расходов на социальные и медицинские программы, прежде всего на программы «Медикэр» и «Медикейд», ветшающая инфраструктура, вялый экономический рост и высокий уровень безработицы. Наконец, глубокий раскол между демократами и республиканцами, их неспособность договариваться, что часто приводит к политическим тупикам. Внутривластное положение США имеет большое значение и для внешнего мира. Экономическая ситуация в этой стране может служить как источником мировых кризисов, так и годами подъёма мировой экономики. Политика Федеральной резервной системы, которая осуществляет уже третий раунд так называемого количественного смягчения, поддерживает мировые финансовые рынки, в том числе цены на углеводороды. Наконец, от того или иного развития внутривластной ситуации зависит, какие силы придут к власти в США: будут ли это неоконсерваторы или антинеоконсерваторы, более либеральные или более консервативные, более умеренные или более агрессивно настроенные политики.

Назревшие проблемы второго четырехлетия призваны решать министры социально-экономического блока. Центральной фигурой, осуществляющей экономическую стратегию администрации, является министр финансов. На этот пост Б. Обама назначил главу аппарата Белого дома Дж. Лью.

Новый министр финансов 57-летний **Джейкоб Джозеф Лью (Jacob Joseph «Jack» Lew)**, известный как **Джек Лью**, – опытный правительственный администратор. Он учился в Гарвардском и Джорджтаунском университетах. Ещё студентом Лью начал свою карьеру, работая помощником конгрессмена Джо Моукли в 1974–1975 гг. После этого он был старшим советником спикера Палаты представителей Тима О’Нила. Лью отвечал за подготовку социально-экономических вопросов, таких как пенсионная система, «Медикэр», бюджет, налоги, торговля и энергетика. После ухода из Палаты представителей Лью в течение пяти лет практиковал в частной юридической фирме. Затем, в 1993 г., он был назначен специальным помощником президента Клинтона: отвечал за текущую политику, а также принимал участие в разработке предложенной Клинтонем реформы здравоохранения. В октябре 1994 г. Лью ушёл из аппарата Белого дома и начал свою карьеру в Административно-бюджетном управлении (АБУ) сначала в качестве помощника директора, затем в 1995–1998 гг. заместителем директора и с августа 1998 г. до конца действия администрации

Клинтон в январе 2001 г. – директором АБУ. Как член кабинета и старший член экономической команды Лью был советником президента Клинтона по широкому кругу вопросов внутренней и даже внешней политики. Одновременно он входил в состав СНБ.

С 2001 г. по 2006 г. Лью был исполнительным вице-президентом и профессором Нью-Йоркского университета. В 2006 г. он перешёл на работу в «Ситигруп», где возглавил одно из инвестиционных подразделений. Его кратковременная (в течение двух лет) деятельность в частном финансовом секторе не было столь же успешной: он вложил средства в «Хедж фонд», который понёс большие убытки из-за падения стоимости ипотечных бумаг [9].

С началом президентства Б. Обамы Лью вернулся на государственную службу; в 2009–2010 гг. был заместителем Х. Клинтон, отвечающим главным образом за хозяйственное и финансовое обеспечение деятельности Госдепа; в ноябре 2010 г. Сенат утвердил его директором АБУ. Представленный им бюджет на 2011 г. был составлен в соответствии с принципиальной позицией президента Обамы. В нём предусматривалось повышение налогов на богатых и сокращение расходов на 1,1 трлн. долл. за 10 лет, в том числе расходов на оборону. При этом все главные социальные программы были сохранены, хотя и немного урезаны. Однако республиканский Конгресс внёс значительные изменения в этот проект, прежде всего отказавшись от повышения подоходного налога на богатых. Этот налог был повышен только в 2013 г., причём в меньшем объёме, чем этого хотел президент.

В январе 2012 г. Лью назначили руководителем аппарата Белого дома. Он принимал активное участие в переговорах Белого дома с Конгрессом, прежде всего со спикером Палаты представителей Дж. Бейнером, по вопросам налоговой и бюджетной политики. Главной темой переговоров было заключение сделки с Конгрессом, позволяющей избежать фискального обрыва. Решить эту проблему удалось лишь частично: 1 марта 2013 г. президенту пришлось подписать указ о принудительном секвестировании бюджета.

10 января 2013 г. Б. Обама номинировал Дж. Лью на пост министра финансов в своей второй администрации, подчеркнув при этом: «Я доверяю его суждению и ценю его дружбу. Я знаю очень немногих более достойных людей... но моя потеря обернётся приобретением для страны» [13].

Приход Лью на пост министра финансов означает важный сдвиг в приоритетах экономической политики Белого дома. Его предшественник на посту министра финансов в первой администрации Обамы, Т. Гайтнер, был банкиром. Он пришёл из ФРС Нью-Йорка и пользовался уважением на Уолл-стрит. Главной задачей Гайтнера была борьба с финансовым кризисом и оздоровление американской экономики. Карьера Лью протекала на государственной службе, а кратковременная работа в «Ситигруп» не была удачной. Как отмечали американские обозреватели, назначение Лью «говорит о том, что финансовый кризис больше не главный вопрос... Лью – эксперт по бюджету, и это то, что стоит на повестке дня президента на следующие четыре года: заключение бюджетных и налоговых сделок с республиканцами, попытки найти вечно ускользающий большой компромисс между социальными программами и

бюджетным дефицитом. Это – та область, где Лью отменный эксперт, и это то, над чем он будет работать» [26].

По мнению профессора Д. Зелицера «назначение Лью, ветерана бюджетных войн с 1990-х годов, сигнализирует о готовности Б. Обамы сражаться с республиканцами по вопросам бюджетных сокращений и потолка госдолга. Для этого он назначил на высокий пост одного из своих самых эффективных и хитрых переговорщиков. Лью – тот человек, который глубоко верит в то, что богатые должны платить свою честную долю налогов и что государственную пенсионную систему и программу «Медикэр» необходимо сохранить. Это будет один из главных вопросов в предстоящих бюджетных войнах. Выбрав Лью для этой работы, Б. Обама посылает ясный сигнал, что не уступит по этим позициям» [23]. В целом комментарии обозревателей сводятся к тому, что Лью хорошо разбирается как в цифрах бюджета, так и в политическом процессе, сопровождающем его принятие, и что поэтому он – подходящий человек для решения задач во второй администрации Обамы.

Преемником Дж. Лью на посту руководителя аппарата Белого дома стал 43-летний Денис Макдоноу (*Denis McDonough*). Макдоноу родился в многодетной католической семье, в которой было 11 детей. Он получил степень бакалавра по истории и испанскому языку в Университете Сент-Джон в Миннесоте. После окончания учёбы в 1992 г. Макдоноу путешествовал по Латинской Америке и был учителем школы в Белизе. Позже он поступил в Джорджтаунский университет, специализируясь по внешней политике. Свою карьеру Макдоноу начал в аппарате Конгресса: с 1996 г. по 1999 г. помощником по Латинской Америке в комитете по международным делам Палаты представителей, затем – старшим советником по внешней политике сенатора Т. Дэшла. После поражения Дэшла на выборах в Сенат в 2004 г. Макдоноу стал работать в аппарате новоизбранного сенатора К. Салазара, впоследствии ставшего министром внутренних дел в первой администрации Обамы.

В 2007 г. Макдоноу перешёл на работу в аппарат сенатора Б. Обамы, и с тех пор его карьера была связана только с ним. В президентской кампании 2008 г. Макдоноу был советником будущего президента по внешнеполитическим вопросам, а после победы Б. Обамы Макдоноу стал работать в СНБ сначала в качестве руководителя аппарата СНБ, а с октября 2010 г. – как заместитель помощника президента по национальной безопасности Т. Донилона. В этой должности он проработал до 25 января 2013 г., когда президент Обама назначил его руководителем своего аппарата. Среди первых шагов Макдоноу на новом посту были его попытки убедить сенаторов как можно быстрее утвердить назначенцев Б. Обамы на министерские посты в его второй администрации.

Поскольку вопросы бюджетной политики выходят на первый план в новом четырехлети президентства Б. Обамы, важным шагом стало **назначение Сильвии Мэтьюс Бёрвел (*Silvia Mathews Burwell*) на пост директора Административно-бюджетного управления.** С. Бёрвел родилась в 1965 г. в греческо-американской семье. Ещё будучи студенткой колледжа, она начала помогать конгрессмену из Западной Вирджинии Н. Рахаллу, а затем губернатору Мас-

сачусетса М. Дукакису. Бёрвел приняла активное участие в предвыборной кампании Б. Клинтона в 1992 г. После его победы она работала в администрации, поднимаясь вверх по служебной лестнице: в 1993 г. перешла на службу в Национальный экономический совет, в 1995–1997 гг. руководила аппаратом министра финансов Р. Рубина; с 1997 г. Бёрвел – заместитель руководителя аппарата президента Клинтона. В 1998–2001 гг. Бёрвел была уже заместителем директора АБУ Дж. Лью. Годы работы Бёрвел в АБУ были отмечены редким для современных США профицитом федерального бюджета.

В 2001 г. Бёрвел стала исполнительным директором Фонда Билла и Мелинды Гейтс, а с октября 2011 г. получила должность президента фонда «Уол-март», где проработала до марта 2013 г., когда была номинирована на пост директора АБУ. Во время её назначения уже действовал секвестр бюджета. Объявляя о номинировании С. Бёрвел, президент отметил, что секвестр уже начал приводить к потере рабочих мест и вредить ... экономике. Поэтому он ожидает, что Бёрвел «сделает всё, что в её силах, чтобы смягчить воздействие бюджетных сокращений на бизнес и семьи среднего класса» [21]. Таким образом, задачи нового директора АБУ были определены с самого начала.

Председателем Совета экономических консультантов (СЭК) с октября 2011 г. является профессор экономики Принстонского университета 52-летний **Алан Крюгер (Alan Krueger)**. Эта должность, так же как и пост директора АБУ, по рангу приравнена к членству в кабинете. Основная деятельность А. Крюгера была связана с научной работой, однако в периоды правления демократических президентов он неоднократно приходил на государственную службу: в 1990-х годах он был главным экономистом Министерства труда; в марте 2009 г. – помощником министра финансов. В октябре 2010 г. Крюгер вернулся в Принстонский университет, а в октябре 2011 г. был номинирован и позже утверждён Сенатом в должности председателя СЭК. А. Крюгер входит в число 50 ведущих экономистов мира, он автор многих научных работ.

Важным шагом в формировании кабинета Б. Обамы стало назначение нового министра энергетики вместо С. Чу. **Во второй администрации Обамы пост министра энергетики занял Эрнст Мониц (Ernest Moniz)** – профессор физики и директор лаборатории энергетики и окружающей среды в Массачусетском технологическом институте. Ему 69 лет, он потомок португальских эмигрантов. Мониц уже работал в Министерстве энергетики в 1997–2001 гг. в качестве одного из заместителей министра.

Следует отметить, что если, например, в сфере борьбы с государственным долгом или бюджетным дефицитом будущее США не выглядит радужным, то энергетика стала огромным прорывом. Во многом это связано с так называемой сланцевой революцией. США, как считают ряд специалистов, практически выходят на уровень самообеспечения природным газом путём добычи дешевого сланцевого газа. С 2005 г. США неуклонно снижают свою зависимость от импорта нефти и в 2012 г. перестали быть импортером нефти № 1 в мире, уступив пальму первенства в этой области Китаю. В декабре 2012 года США импортировали 5,98 млн. баррелей нефти в сутки (Китай – 6,12 млн. баррелей) и по прогнозам компании Шелл к 2020 г. смогут добывать 3–4 млн. баррелей

сланцевой нефти, что ещё больше сократит их зависимость от внешних источников. К 2030 г., по прогнозу МЭА, США станут чистым экспортёром углеводородов. Новый министр энергетики, считает президент, должен будет ускорить этот процесс, в частности заняться вопросами развития возобновляемой энергетики и энергосбережением [22].

Одновременно с назначением Моница президент Обама номинировал **Джину Маккарти (*Gina McCarthy*) на пост главы Агентства по защите окружающей среды**. Дж. Маккарти – профессионал, всю жизнь посвятившая защите окружающей среды. Она была советником по этим вопросам у пяти губернаторов Массачусетса, в том числе у М. Ромни. С 2004 г. по 2009 г. она возглавляла департамент Коннектикута по защите окружающей среды. В первой администрации Обамы Маккарти работала помощником главы агентства Лайзы Джексон.

Назначение Дж. Маккарти, по мнению обозревателей, говорит о том, что президент Обама серьёзно намерен бороться с изменением климата. В своём выступлении перед Конгрессом он подчеркнул, что «12 самых жарких лет в истории пришлось на последние 15 лет. Жара, засухи, лесные пожары, наводнения участились и стали сильнее... Я дам директивы своему кабинету принять все необходимые меры, чтобы уменьшить загрязнения, подготовить наше население к изменениям климата и ускорить переход к более надёжным источникам энергии» [22].

Министр сельского хозяйства 63-летний **Том Вилсак (*Tom Vilsack*)** работал в этой должности в течение всего первого срока президентства Б. Обамы. При Т. Вилсаке (в 1999–2007 гг. он был губернатором сельскохозяйственного штата Айова), сельскохозяйственная отрасль успешно развивалась. Его деятельность на посту министра поддерживали все основные сельхозпроизводители, такие как Ассоциация переработчиков кукурузы, Национальная зерновая ассоциация, Национальный фермерский союз и др. Единственной организацией, находившейся в оппозиции к Вилсаку, была Ассоциация производителей органических продуктов. Дело в том, что Вилсак – сторонник и защитник производства генномодифицированных продуктов. Вилсак также прилагал большие усилия, чтобы добиться энергетической независимости США путём производства биотоплива. Ещё в Айове он запустил программу производства этанола из кукурузы. Однако, как признал сам Вилсак, этого недостаточно для достижения энергонезависимости. По его мнению, более перспективным может стать производство этанола из целлюлозы.

Одним из последних номинирован 42-летний афроамериканец **Энтони Фокс (*Anthony Foxx*) – на пост министра транспорта**. Э. Фокс был мэром города Шарлотты в штате Северная Каролина в 2009–2013 гг. По профессии он юрист, работал в частных юридических фирмах и в Министерстве юстиции США. Фокс стал вторым чернокожим назначенцем в новой администрации (после Э. Холдера), сменив проработавшего на этом посту весь первый президентский срок Б. Обамы республиканца Р. Лахуда. Перед Министерством транспорта стоят большие задачи по модернизации ветшающей инфраструктуры. Причём такие задачи Э. Фоксу предстоит решать в условиях, когда на

эти цели выделяется недостаточно средств из-за жёстких бюджетных ограничений. Б. Обама в своём последнем послании «О положении в стране» предложил привлекать для развития инфраструктуры частный капитал.

Изменения в правительстве затронули социальный блок в меньшей мере чем экономический. Министры здравоохранения, образования и жилищного строительства перешли в новый кабинет из прежней администрации. Яркой личностью среди министров социального блока стала **Кэтлин Себелиус (Kathleen Sebelius), министр здравоохранения и социального обеспечения**. К. Себелиус была губернатором Канзаса в 2003–2009 гг. В республиканском штате демократка Себелиус дважды избиралась на эту должность. Она была популярным губернатором с достаточно либеральной повесткой дня – в частности, ярая сторонница права женщин на аборт, она четырежды накладывала вето на законодательство, ограничивающее это право. В результате католический архиепископ Канзаса отлучил её от «святого причастия», так как «несмотря на увещания церкви, она продолжает упорствовать в серьёзном грехе» [5]. Закон Канзаса ограничивает пребывание губернатора на посту двумя сроками, поэтому Себелиус не могла избираться на третий срок. Она приняла предложение Б. Обамы и в апреле 2009 г. была утверждена Сенатом в качестве министра здравоохранения и социального обеспечения.

К. Себелиус сыграла центральную роль в принятии главной реформы первого срока президентства Обамы – всеобъемлющей реформы здравоохранения. В течение большей части 2009 г. и первых месяцев 2010 г. Себелиус без устали колесила по стране, агитируя за реформу. Она произнесла множество речей и провела десятки встреч с различными группами, имеющими отношение к системе здравоохранения, в частности с врачами. Себелиус заняла жёсткую позицию по отношению к медицинским страховым компаниям, заявив что администрация Обамы не позволит им страховать только здоровых и оставлять больных страдать. Реформа здравоохранения вызывала ожесточённые споры до и после её принятия; республиканцы приняли её в штыки. Однако реформа состоялась, и её основные положения должны войти в силу с 2014 г. Тем временем рост расходов на здравоохранение замедлился: с 2009 г. по 2013 г. эти расходы находились на одном уровне –17,6% ВВП [15]. Данную тенденцию Себелиус предстоит поддержать и в период второй администрации Б. Обамы. Для этого ей придётся проводить достаточно болезненные сокращения, в первую очередь программы «Медикэр».

Министр образования, 49-летний **Арни Дункан (Arne Duncan)**, также перешёл в новый кабинет из предыдущей администрации. До того как занять этот пост в 2009 г., А. Дункан был главным администратором государственных школ Чикаго. Он принадлежит к числу самых либеральных министров Б. Обамы. Его усилия как во время работы на предыдущей должности так и на посту министра были направлены главным образом на то, чтобы повысить уровень образования учеников из бедных семей до среднего уровня. Результаты этой политики были неоднозначными и не раз подвергались критике, в том числе со стороны Национальной ассоциации образования [19]. Тем не менее, Б. Обама наметил расширить поле деятельности в образовательной сфере для

своей второй администрации – от развёртывания сети детских садов до снижения стоимости обучения в колледжах.

Министр жилищного строительства и городского развития 47-летний **Шон Донован (Shaun Donovan)** также старожил в правительстве Обамы. Донован – профессионал: до своего назначения министром в январе 2009 г. он возглавлял нью-йоркский департамент жилищного строительства. Ещё раньше он работал заместителем помощника министра жилищного строительства и городского развития в администрации Клинтона. На посту министра главным направлением его работы была борьба с ипотечным кризисом. После нескольких трудных лет в этой сфере ему удалось добиться некоторого прогресса. Стоимость жилья пошла вверх, и число покупок домов выросло на 50%. Трудно сказать, было ли это результатом деятельности Донована или достижением американской экономики как таковой. Однако, по-видимому, работа Донована была признана успешной, и он сохранил свой пост.

На пост министра труда вместо Х. Солис **назначен Томас Перес (Thomas Perez)**. Перес – латиноамериканец. На выборах 2012 г. латиноамериканцы отдали 71% голосов за Б. Обаму и тем самым сыграли важную роль в его избрании. После выборов они требовали для себя, как минимум, две министерские должности [14]. В первой администрации Обамы это были министр труда Хильда Солис и министр внутренних дел Кен Салазар. Им на смену пришли новые лица.

52-летний Томас Перес, сын иммигрантов из Доминиканской Республики, всю свою карьеру сделал как государственный служащий. По образованию он юрист, степень доктора права получил в Гарвардском университете. С 1989 г. по 2001 г. Т. Перес служил в министерствах юстиции и здравоохранения. С 2001 г. по 2007 г. он был членом совета округа Монтгомери в штате Мэриленд. В 2007 г. его назначили министром труда этого штата. На этой должности Перес находился до октября 2009 г., когда президент Обама назначил его помощником генерального прокурора США по соблюдению гражданских прав. 18 марта 2013 г. Перес был номинирован на пост министра труда. На этой должности ему предстоит бороться с безработицей и решать другие вопросы, в частности, повышение минимального уровня оплаты труда.

Многочисленными программами помощи ветеранам заведует **министр по делам ветеранов Эрик Шинсеки (Eric Shinseki)** – 71-летний гавайский японец. Э. Шинсеки – четырехзвёздный генерал в отставке, бывший начальник штаба Армии США. Он – самый высокопоставленный азиат, когда-либо служивший в американской армии, ветеран вьетнамской войны. По её окончании он служил в Азии и Европе; после отставки был директором в ряде корпораций, в том числе в «Ханиуэлл». С января 2009 г. он стал министром по делам ветеранов и в этом качестве перешёл во вторую администрацию Обамы. Программы помощи ветеранам предусматривают поддержку в получении медицинского обслуживания, образования, жилья и в некоторых случаях выплату пособий.

Министром внутренних дел назначена 58-летняя **Салли Джуэл (Sally Jewell)**, англичанка по рождению, переехавшая с семьей в США в 4-летнем

возрасте. По образованию С. Джуэл инженер, работала в «Мобил ойл» в 1978–1981 гг. Затем в течение 20 лет – в банковском секторе. С 2000 г. она перешла на работу в компанию-ритейлер (*REI*), торгующую различными механизмами и приспособлениями, и была её исполнительным директором вплоть до февраля 2013 г., когда президент Обама номинировал её на пост министра внутренних дел.

В отличие от других стран, где министр указанного ведомства руководит полицией, расследованием преступлений и другой правоохранительной деятельностью, в США деятельность министра внутренних дел связана с охраной природы. В его ведении находятся заповедники, национальные парки, государственные земельные и лесные угодья, водные ресурсы, охрана животного мира, особенно редких и исчезающих видов. Министру внутренних дел подчинены такие организации как Служба национальных парков, Управление землеустройства, Служба дикой природы, Топографическая служба, Управление по делам индейцев и другие. Министр внутренних дел часто оказывается в центре споров между защитниками дикой природы и представителями бизнеса, претендующими на разработку тех или иных природных ресурсов. Так, руководитель ведомства в первой администрации Обамы Кен Салазар, неоднократно подвергался критике за свои якобы чересчур тесные связи с бизнесом, особенно с угледобытчиками и крупными аграриями. Новому министру Салли Джуэл также предстоит доказать, что её предыдущая карьера в бизнесе не помешает её новой деятельности.

Правоохранительный блок

В США правоохранительная система на 80% находится в руках местных властей. В каждом штате и муниципалитете всё своё – полиция, суды, генеральный прокурор и подчинённые ему районные прокуроры. В каждом штате действует также свои законы. Федеральная юстиция действует параллельно, хотя зачастую рассматривает наиболее важные споры, особенно в случае решений Верховного суда США. Что касается кабинета, то правоохранительный блок состоит всего из двух министров: министра юстиции, который в США называется генеральным прокурором, и министра внутренней безопасности. Директор ФБР в состав кабинета не входит, и его должность не приравнена по рангу к члену кабинета. Этот пост с 2001 г. занимает Роберт Мюллер, назначенный ещё президентом Дж. Бушем-младшим.

Генеральным прокурором США в течение всего президентского срока Б. Обамы работает 62-летний **Эрик Холдер (*Eric Holder*)** – первый афроамериканец на этом посту. В течение своей карьеры Э. Холдер был либо работником прокуратуры, либо судьей; частной практикой занимался недолго. В отличие от других членов кабинета Холдер работал в федеральных органах юстиции как при президентах-демократах, так и республиканцах. Он получил степень доктора права в Колумбийском университете в 1976 г. После этого он с 1976 г. по 1988 г. работал в Министерстве юстиции США. В 1988 г. президент Рейган назначил Холдера судьей Верховного суда округа Колумбия. В 1993 г. Холдер

стал федеральным прокурором в округе Колумбия. В 1997 г. президент Клинтон назначил его заместителем Генерального прокурора США. В этой должности Холдер служил до окончания срока президентства Клинтона.

В 2001–2008 гг. Холдер практиковал в частной юридической фирме в Вашингтоне. В 2007 г. он стал юридическим советником сенатора Б. Обамы и в этом качестве принимал участие в его президентской избирательной кампании. В январе 2009 г. он был назначен Генеральным прокурором США и с тех пор занимает эту должность.

Холдер – довольно противоречивая фигура. Он – противник смертной казни, но поддерживает войну с террором. Уничтожение Бен Ладена признано им законным. Холдер также защищал использование беспилотников против террористов в Йемене и других местах. Во внутренней политике его позиция по ряду вопросов вызывает споры. Например, он защищает право американцев голосовать на выборах без предъявления документов, удостоверяющих личность. По этому вопросу Холдер вступил в конфликт с такими штатами как Техас, Флорида и ещё дюжиной штатов, которые приняли специальные законы, требующие предъявления документов на избирательных участках. Холдер считает, что эти законы ущемляют права меньшинств, престарелых и студентов [25]. Холдер боролся против закона штата Аризона «О нелегальной иммиграции». Закон, в частности, предписывал иммигрантам иметь при себе документы, подтверждающие их право на пребывание в США. В июне 2012 г. Верховный суд США с подачи Холдера отменил основные статьи закона Аризоны.

Холдер поддерживает либеральную повестку дня. Он считает законным заключение однополых браков. В то же время он выступает за ограничение права на приобретение и ношение наиболее опасных видов оружия.

Холдера обвиняли в том, что он потворствует представителям меньшинств. Так, он отказался преследовать членов радикальной группировки «Чёрные пантеры», которые оскорбляли белых избирателей на избирательных участках и препятствовали их голосованию. В то же время он заявил, что это пустяки по сравнению с тем, что пришлось в своё время пережить «его народу», подразумевая под этим афроамериканцев. По этому поводу «Уолл-стрит джорнел» заявляла: «Если он называет “своим народом” любую, небелую, группу, он – неподходящий человек для этой должности» [8].

Наконец 28 июня 2012 г. Холдер получил порицание Палаты представителей за проявленное «неуважение к Конгрессу». Речь шла о том, что он отказался представить затребованные документы о довольно запутанном деле, связанном с поставками оружия, которое каким-то образом попало в руки мексиканского наркокартеля.

Тем не менее, несмотря на критику, Холдер продолжает пользоваться доверием президента Обамы и имеет все шансы дослужить до конца второго президентского срока.

Вторым членом кабинета, отвечающим за безопасность, является **министр внутренней безопасности**. Этот пост с 2009 г. занимает 55-летняя **Джанет Наполитано (Janet Napolitano)**. Министерство внутренней безопасности – самое

молодое в составе администрации США. Оно было создано после террористического нападения 11 сентября 2001 г. В задачи министерства входит предотвращение террористических атак, борьба с экстремистскими проявлениями, оценка угроз безопасности США, безопасность на транспорте, особенно воздушном, охрана границ и недопущение проникновения нежелательных элементов на территорию США. В составе министерства работает также иммиграционная служба, ответственная за депортацию нелегальных иммигрантов.

Джанет Наполитано по образованию юрист, степень доктора права получила в Университете Вирджинии, затем работала в федеральном суде и в частной юридической фирме в Аризоне. В 1998 г. она была избрана генеральным прокурором Аризоны, в 2002 г. выдвинула свою кандидатуру на пост губернатора Аризоны и одержала победу. В 2006 г. её вторично избрали на этот пост, но закон Аризоны ограничивает пребывание в должности губернатора двумя сроками. Наполитано активно поддерживала Б. Обаму в его избирательной кампании в 2008 г. и была вознаграждена за это: Б. Обама предложил ей занять пост министра внутренних дел.

Деятельность Наполитано по посту министра нередко вызывала споры и подвергалась критике. В 2009 г. она сделала удивившее многих заявление о том, что канадская граница опаснее, чем мексиканская, и что террористы, осуществившие атаку в сентябре 2001 г., прибыли в США через Канаду. Это вызвало возмущённые комментарии посла Канады в Вашингтоне и канадских властей. Однако Наполитано продолжала стоять на своём: канадская граница представляет угрозу [6]. Наполитано также применяла нестандартные ходы для решения своих задач. Так, она заключила «соглашение о партнёрстве» с сетью магазинов «Уолмарт». Соглашение действовало следующим образом: Наполитано появлялась на телевизионных экранах в магазинах и призывала покупателей сообщать обо всём, что им покажется подозрительным. За это её также критиковали.

Наполитано никогда не была замужем и не имела детей. Это дало повод некоторым наблюдателям усомниться в её сексуальной ориентации. Наполитано отрицала обвинения в нетрадиционной ориентации, называя себя «одиноким трудолюбом».

На начало мая 2013 г. в правительстве Б. Обамы оставались вакантными две позиции: министра торговли и торгового представителя, причём последняя должность приравнивается по рангу к членству в кабинете. По сообщениям американских СМИ, президент уже определился с выдвижением кандидатур на оба поста.

Так, вместо исполняющей обязанности **министра торговли** с июня 2012 г. Ребекки Бланк эту должность должна занять 53-летняя **Пенни Прицкер (Penny Pritzker)** – бизнесвумен из Чикаго с состоянием в 1,85 млрд. долл., пользующаяся уважением в деловых кругах. П. Прицкер была главным сборщиком средств для Б. Обамы в избирательной кампании 2008 года. Однако П. Прицкер предстоит пройти ещё через утверждение её кандидатуры в Сенате США. Пока же исполняющим обязанности министра торговли был назначен **Кемерон Керри**

(Cameron Kerry). К. Керри, младший брат госсекретаря Дж. Керри, с 2009 г. работал генеральным советником в Министерстве торговли.

Также практически решённым считается и вопрос о назначении 50-летнего **Майкла Фромена (Michael Froman) на пост представителя США на торговых переговорах.** В первой администрации Обамы М. Фромен работал заместителем помощника по национальной безопасности. В зоне его ответственности находились международные экономические проблемы. Он был также так называемым шерпом Б. Обамы при подготовке саммитов в ходе Большой восьмёрки и Большой двадцатки.

Назначение Прицкер и Фромена происходит в ответственный момент, когда должны состояться важные переговоры о заключении стратегических торгово-экономических союзов. Первый из них – трансатлантическая зона свободной торговли между США и Европейским Союзом, второй – тихоокеанское партнёрство между США и их союзниками в бассейне Тихого океана. Эти соглашения, по замыслу администрации, должны во многом определять структуру международных торгово-экономических отношений в XXI веке.

Эти назначения должны завершить длительный, более чем 4-месячный, процесс формирования второй администрации Б. Обамы. Очевидно, что в составе кабинета произошли достаточно радикальные изменения. Из 15 министров, работавших в первой администрации, свои должности сохранили только семь. На ключевые позиции были назначены восемь новых министров: госсекретарь, министры обороны, финансов, энергетики, внутренних дел, труда, транспорта и торговли. Из шести позиций, приравненных по рангу к членству в кабинете, новые руководители появились на четырёх должностях. Это – руководитель аппарата Белого дома, директор Административно-бюджетного управления, глава Агентства по защите окружающей среды и торговый представитель США. Также был назначен новый директор ЦРУ, а назначение нового директора ФБР, по-видимому, дело ближайшего будущего.

В состав второго кабинета Б. Обамы вошли четыре женщины: Кэтлин Себелиус, Салли Джуэл, Джанет Наполитано и Пенни Прицкер, правда последней ещё предстоит утверждение в Сенате. Ещё три женщины: Сильвия Бервел, Джина Маккарти и Сюзан Райс занимают должности, приравненные по рангу к членам кабинета. Возможно также, что пост директора ФБР впервые в истории займёт женщина, однако пока это только спекуляции СМИ.

Из представителей меньшинств в состав кабинета вошли два афроамериканца – Эрик Холдер и Энтони Фокс и один латиноамериканец – Томас Перес. Это достаточно скромное представительство. Министров из числа меньшинств было больше даже в обеих администрациях Дж. Буша-мл. Б. Обама чаще всего подвергался критике именно за то, что в его администрации недостаточно представлены наиболее лояльные к нему группы избирателей, однако эта критика не оказала решающего влияния на кадровую политику президента.

Таким образом, во второй срок своего правления президент Б. Обама вступил с серьёзно обновлённым кабинетом. Перед этим кабинетом стоят важные определённые задачи, сформулированные как самим президентом, так и выте-

кающие из логики событий. Теперь только время покажет, насколько успешной окажется вторая администрация и, соответственно, насколько удачным был выбор президента при назначении основных фигур его кабинета.

Список литературы

1. Коммерсантъ.
2. *Свешникова Ю.* Иранский атом: дойдет ли дело до войны? // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 1.
3. Ambassador Rice Says Russia, China Will 'Come to Regret' Voting UN Syria Resolution (<http://thehill.com/videoadministration/208773>).
4. Another Cabinet Member Goes: Transportation Secretary LaHood to Leaving Obama Administration (<http://www.therepublic.com/view/story/Us-Obama-Transportation-Secretary>).
5. Archbishop Namann: Kansas Governor Should Stop Receiving Communion (<http://www.catholicnews.com/data/stories/ens/0802605.html>).
6. Canada More Lax Than US about Whom It Lets in, Napolitano Says (<http://www.cbc.ca/world/story/2009/04/21/napolitano-border-canada021.html>).
7. Chuck Hagel and Israel in Context: A Guide to His Controversial Statements // The Washington Post. 8.01.2013.
8. Eric Holder's people // The Wall Street Journal. 2.03.2011.
9. Flashback: Lew's Time at City and Other Disappointments (<http://www.motherjones.com/mojo/2012/01/>).
10. How Liberal is John Kerry? 28.01.2013 (<http://www.factcheck.org/how-liberal-is-john-kerry.html>).
11. Is Chuck Hagel a Republican? (<http://www.cato-at-liberty.org/is-chuck-hagel-a-republican/2010-12-27>).
12. John Kerry Personal Finance (<http://www.opensecrets.org/pdfs/CIDsummary.php?>).
13. Key Appointments in Obama's Second Term Cabinet (<http://www.theepochtimes.com/n2/united-states334711-print.html>).
14. Latino Activists Call for Secretary Posts in Obama's Second Term (<http://www.kpbs.org/news/2013/jan/14/latino-activists-call-for-secretary-posts-in-obamas-second/>).
15. National Health Expenditure Projections 2010-2020.
16. Nebraska's Sen. Hagel Calls for Immediate Cease-Fire (<http://www.cnn.com/2006/POLITICS/07/31/hagel.mideast/index.html>).
17. Obama Cabinet, Senior Post Announcement's Likely to Put More Diverse Face on Administration (<http://www.huffingtonpost.com/2013/02/05/obama-cabinet-diversity-n-2620217.html?view=print&comm-fef=false>).
18. Obama's Iran Cabinet (<http://now.mmedia.me/lb/en/commentary/analysis/obamas/iran-cabinet>).
19. Obama Surrounds Himself With The Most Extreme Appointees in American History (<http://www.westernjournalism.com/exclusive-investigate-reports>).

20. Presidency of Barack Obama
(http://en.wikipedia.org/wiki/Presidency_of_Barack_Obama).
21. Remarks by the President in Personal Announcements
(<http://www.whitehouse.gov/photos-and-video/2013/03/04/president-Obama-makes-personal-announcement>).
22. Remarks by the President in the State of the Union Address
(<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/02/12/remarks-president-state-union-address>).
23. Second-term Obama Will Play Defense
(<http://edition.cnn.com/2013/01/14/opinion/zelizer-obama-second-term/index.html>).
24. Seven Things You Need to Know About Chuck Hagel // The Washington Post.
20.12.2012.
25. Voting Rights Are Under Attack Says Attorney General
(<http://pollingout.com/politics/voting-rights-are-under-attack-says-attorney-general-eric-holder> 31.05.2012).
26. What Obama Cabinet Picks Say About His Second Term
(<http://m.npr.org/news/politics/169209904?start=20>).

ВЫБОРНЫЕ ЦИКЛЫ В США И КНР: СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2013 г. **С.М. Труш***
Институт США и Канады РАН, Москва

В фокусе статьи – полемика Б. Обамы и М. Ромни по китайской теме, а также внешнеполитический ракурс XVIII съезда КПК, его возможные следствия для китайско-американских отношений. Оба общества – американское и китайское – находятся на деликатной фазе развития, во многом перестраивая свои модели роста. Эта фаза, особенно в Китае, сопровождается обострением внутриэлитной борьбы. В ходе выборных циклов проявилась «интуитивная» установка обеих элит на взаимозависимость и минимизацию конфликтности. Наряду с этим риск обострения отношений сохраняется, особенно в военной сфере.

Ключевые слова: отношения КНР – США, XVIII съезд КПК, внутрифракционная борьба в КПК, президентская кампания в США.

Завершившиеся в США и Китае выборные циклы проходили сообразно сложившимся в этих социумах традициям и правилам политической игры. В Америке это была эстрадная, с претензий на максимальную открытость и активное гражданское участие предвыборная кампания, со всеми присущими ей атрибутами: ориентированными – порой достаточно искусственно – на конкуренцию программами претендентов, их часто срежиссированными пикировками, причём не всегда по самым злободневным сюжетам, скрупулёзным отслеживанием фокусных тем американского электората в надежде «наварить» на них драгоценные голоса. Каждый голос – на вес золота в условиях усилившейся поляризации общества, явно обозначившейся с начала десятилетия.

В Китае – практически закрытый, кулуарный процесс «демократических консультаций» по отбору, обкатке, тестированию лидеров «пятого» поколения, политиков, способных максимально эффективно в условиях усложняющихся реалий реформируемой страны двигаться к двум «сверхприоритетам» – стабильности и росту.

При всех атрибутах ритуала и «этнополитической» специфики, в каждой из этих двух всё более сопоставляемых «политий» подобные выборные циклы чрезвычайно важны для их будущего. Эти циклы представляют собой естественные для правящих элит периоды сверки политических часов, «переваривания» значимой социальной информации, зондажа настроений, корректировки

* ТРУШ Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: stroush@mail.ru

нынешней и выработки перспективной политической линии. В силу центрального статуса, который США и Китай имеют в мировой политике, в ходе этих циклов практически всегда присутствует соответственно «китайская» или «американская» тема. Они вербализируются либо открыто, как это принято в Америке, либо более косвенно и завуалировано, что свойственно политической традиции КНР. Сказанное или «не сказанное» в этой связи даёт ключ к пониманию будущего этапа отношений двух ключевых игроков.

Президентская кампания в США: китайские сюжеты

Китайская проблематика в предвыборной кампании в США была представлена широко и многоаспектно. Мотивация данного обстоятельства лежит на поверхности: растущая экономическая, торговая, финансовая, социальная взаимозависимость двух стран. Почти полутриллионный товарооборот и трёхсотмиллиардный дефицит, статус Китая как крупнейшего игрока на рынке ценных бумаг США, массированный перенос сборочных площадок и производств американских корпораций в КНР, сопровождающийся оттоком рабочих мест в контексте остро стоящей проблемы занятости делали присутствие китайской темы неизбежным в дискуссиях по американской экономике.

Китайские сюжеты рассматривались в контексте последствий финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. Обострившиеся и проявившиеся в ходе кризиса макроэкономические дисбалансы США – проблема тройного дефицита, ножницы «сверхпотребления», тупики «финансомики», – равно как и меры по преодолению этих дисбалансов, тесно связаны с Китаем, в первую очередь с его валютно-финансовой политикой.

Другой фактор, который стимулировал обсуждение китайских сюжетов в президентской кампании США – пересмотр военной стратегии США, сопровождающийся сокращением и оптимизацией военных расходов, перенос её регионального фокуса на АТР, о чём было заявлено в начале 2012 г. Этот пересмотр, весьма болезненно и неоднозначно воспринятый американской элитой, особенно её военным сегментом, неизбежно стал горячей дискуссионной темой. Это прямо затрагивало КНР как ключевого военного контрагента и соперника США.

Отмеченные выше моменты предопределили отличительную особенность президентской кампании 2012 г. Традиционная заикленность этих кампаний на вопросах внутренней жизни США, в первую очередь на проблемах экономики, была если не переориентирована полностью, то сильно разбавлена, во многом за счёт именно «китайского» фактора. Так, в ходе второго раунда дебатов претендентов, сфокусированных на экономической проблематике, Китай был упомянут 12 раз. Грань между «внутренним» и «внешним» стала всё более подвижной, что естественно в условиях глобализации.

В программах и выступлениях кандидатов весьма рельефно проявилась традиционная дихотомия в китайской политике США: «сдерживание» – «вовлечение». Республиканский кандидат явно, хотя и не без дипломатического маневрирования, представлял первую тенденцию. В своей демонстративно жёсткой критике в адрес китайских «обманщиков» и постоянно подчёркиваемом желании «жёстко разобраться» с Китаем М. Ромни однозначно превзошёл своих республиканских предшественников – Дж. Буша-мл. и Р. Маккейна, ни

одного из которых невозможно было упрекнуть в чрезмерных симпатиях к Поднебесной.

Обвиняя Б. Обаму в «мягкотелости», М. Ромни выдвинул три главные претензии к его китайской политике. Это валютные «махинации» Китая, намеренное занижение курса юаня к доллару; воровство интеллектуальной собственности и технологий; попустительство администрации в вопросе увода реальных производств и рабочих мест в Китай.

Особенно остро ставилась валютная проблема. Валютный «обман» Китая, по версии республиканского кандидата, был «квинтэссенцией» несправедливости в двусторонних торгово-экономических связях, причиной «катастрофического» внешнеторгового дефицита США и их пагубной зависимости от притока китайской валюты на американский финансовый рынок. Особое внимание избирателей губернатор обращал на стремительный рост американского дефицита в торговле с Китаем (295 млрд. в 2011 г.) при нынешнем хозяине Белого дома [9]. М. Ромни подчёркивал, что одним из первых шагов, в случае его прихода в Белый дом, будет признание Китая валютным манипулятором [7].

Не меньший акцент М. Ромни сделал на критике «порочной экономической мотивации», заставляющей американский бизнес уводить капиталы, производства, технологии, а главное – рабочие места в Китай. «Моя главная задача – обеспечить занятость как можно большего числа людей. Если мы обеспечим занятость, если мы вернём рабочие места в реальный сектор экономики, мы получим рост доходов простых американцев, которые ушли вследствие высокого уровня безработицы. Я знаю, что нужно делать для того, чтобы исправить положение. На это направлен мой план, и часть этого плана – заставить Китай играть по правилам» [7].

Тема «увода» рабочих мест в Китай педалировалась республиканским кандидатом с явным популистским прицелом: он делал ставку на недовольство американцев сокращением «реального производства» в США, высоким уровнем безработицы. При этом в экономической программе М. Ромни было достаточно смутно прописано как, посредством каких экономических мер, налоговых и инвестиционных инструментов, этот «увод» может быть приостановлен. Детализацией этих мер претендент себя не обременял. Дьявол, как известно, в деталях, в данном же случае – в их отсутствии. Непредвзятому избирателю было ясно, что проблема оттока рабочих мест, хотя и является частично регулируемой и управляемой, в основном связана с трудно преодолимыми экономическими трендами глобализации, переливом капиталов и производств в оптимальные инвестиционные зоны мира.

Спорной и также слабо проработанной была продвигаемая губернатором идея переориентировать фокус американской деловой активности – торговлю, инвестиции, размещение производственных площадей – с Китая на Латинскую Америку [7]. При всей заманчивости и частичной реалистичности такой переориентации, было ясно, что этот регион не может рассматриваться в качестве полноценной альтернативы Китаю по ряду причин. В их числе – узость потенциального рынка латиноамериканских стран по сравнению с КНР, неравномерность условий и характеристик инвестиционного климата в регионе, проблемы управляемости общества в ряде латиноамериканских стран и, наконец, отсутствие конфуцианской трудовой мотивации.

Подход Б. Обамы к заявленным претензиям М. Ромни к китайской политике США, отличался меньшей популистской заострённостью, не столь сильно выраженным стремлением видеть противоречия с Китаем в чёрно-белых тонах, более объёмным, перспективным видением двустороннего взаимодействия.

Реагируя на критику М. Ромни по «валютному спору» с КНР, Б. Обама подчёркивал, что его администрация не снимала этот вопрос с повестки дня и систематически оказывала на Пекин жёсткое давление. Реальным результатом такого давления стал рост курса китайской валюты к доллару на 11% в период с 2008 г., а суммарно с 2005 г., когда курс юаня перестал быть жёстко фиксированным, на 30% [7]. С точки зрения интересов США это можно считать значительным прогрессом. Кроме того, действующий президент полагал, что признание Китая «валютным манипулятором», на чём настаивал М. Ромни, почти наверняка вызовет ответную реакцию Пекина, приведёт к обмену протекционистскими мерами и торговой войне. Обама считал, что для долгосрочных интересов Америки, стремящейся максимально наращивать свой экспорт в КНР, искать для этого новые ниши и таким образом распутать проблему тройных дефицитов Америки, это контрпродуктивно. С такой аргументацией Обама выглядел весьма убедительно.

Ещё более выигрышно действующий президент выглядел в «обмене ударами» вокруг темы утечки рабочих мест в КНР в результате транснационализации производственных цепочек. Он обозначил свой подход к проблеме следующим образом. Во-первых, по его мнению, нельзя не понимать, что этот процесс объективен, необратим и представляет собой устоявшийся тренд мировой экономики. Во-вторых, задачу своей администрации он видит в совершенствовании налогового законодательства США. По мнению Б. Обамы, надо закрыть те налоговые дыры, которые позволяют компаниям, переносящим производство в Китай, уходить от налогообложения в США. В-третьих, подчеркнул Б. Обама, в тех случаях, когда производство экономически целесообразно оставить в стране, предпринимаются все возможные меры, включая налоговые преференции, инвестиционные рычаги, меры ВТО. В известной степени используя президентский «административный ресурс», Белый дом в разгар президентской кампании в августе 2012 г. инициировал в ВТО очередной иск к Китаю, по вопросу о субсидировании китайского экспорта комплектующих к автомобилям [4]. Важные психологические очки в этой теме Б. Обама набрал, обвинив губернатора-претендента в том, что последний активно использовал преимущества от переноса производств в Китай в своих прошлых бизнес-проектах. Причём особую остроту эти обвинения приобрели в связи с тем, что речь шла о поставках в Китай чувствительных технологий двойного назначения. «Вы явно не тот человек, который, придя в Белый дом, будет жёстко разбираться с Китаем», – резюмировал эту атаку президент [7].

Последняя фраза в данном обмене ударами была весьма симптоматичной. Она недвусмысленно даёт понять, что оба претендента на Белый дом, чувствовали необходимость продемонстрировать жёсткость в отношении КНР. Будучи искушёнными политиками, тонко чувствуя настроения избирателей, оба кандидата отчётливо понимали, что «твёрдая рука» в отношении КНР востребована американским электоратом. Эта потребность складывалась из настроений посткризисной нестабильности, страха безработицы, газетных отчётов о дина-

мике китайской экономики, информации об очередных интервенциях юаня на американском фондовом рынке, из новостей о растущей конфликтогенности ситуации в Южно- и Восточно-Китайском морях.

В отношении Китая Б. Обама, как и его республиканский оппонент, не производил впечатления «размазни» и выглядел достаточно твёрдо, но при этом его аргументация звучала более взвешенно, «диалектично», отличалась глубоким пониманием долгосрочных интересов США. Действующий президент успешно уходил от чёрно-белой интерпретации противоречий с Китаем, подчёркивал свою способность и решимость строить с ним полифонические и многоуровневые связи, сочетая твёрдость подходов с готовностью к конструктивному взаимодействию.

Очевидным просчётом республиканского претендента стал его чрезмерный акцент на валютных претензиях к Китаю, что фактически означало ставку на слабый доллар в торговле с ним. Как справедливо отмечали экономические аналитики, М. Ромни в валютных претензиях к Китаю фактически переходил черту разумного. Прагматичные американцы интуитивно поддерживали напор претендента в вопросе о защите рабочих мест в Америке, но их инстинкт самосохранения не позволял им поддерживать ослабление доллара с неизбежным снижением его покупательной способности на внутреннем рынке и повышением цен [10]. Для напуганного и неуверенного в завтрашнем дне американского потребителя это было уже слишком.

Тот факт, что в «прямой» дискуссии между М. Ромни и Б. Обамой приоритет отдавался экономической проблематике, не удивляет. Экономический аспект американо-китайских отношений – наиболее релевантная тема для массового американского избирателя. Прессингуя именно в этой проблемной зоне, соперники набирали – или сохраняли – наибольшее число голосов массового электората. Что касается иных аспектов американо-китайских отношений – стратегических, военных, идеологических, «общепланетарных проблем», то внимание к ним самих кандидатов было менее акцентированным. Об этом свидетельствовало, в частности, то, что в последнем раунде теледебатов, непосредственно посвящённом внешней политике, тема Китая практически осталась за кадром [8]. Приоритет был явно отдан ситуации на Ближнем Востоке – Ливия, Сирия, Иран, Афганистан – очевидным горячим точкам американской стратегии на временном срезе выборов.

Нюансы китайской политики США, позиции кандидатов по другим – неэкономическим – аспектам американской стратегии более внятно артикулировались членами их команд, профессионально ответственными за соответствующую проблематику. Их предвыборные дискуссии давали представление о ключевых ориентирах команд М. Ромни и Б. Обамы в более широком спектре отношений КНР и США.

В этой связи весьма иллюстративными для понимания будущего отношений стали специальные экспертные дебаты по Китаю, проведённые авторитетным университетско-исследовательским центром, Школой перспективных международных исследований (SAIS) при Университете Джонса Гопкинса*

* SAIS – School of Advanced International Studies.

совместно с «Комитетом 100» – влиятельной общественной организацией, работающей для стимулирования американо-китайского диалога. Эти экспертные дебаты привлекают интерес и считаются весьма репрезентативными прежде всего потому, что они – единственные в своей проблемной нише – «отношения с Китаем» – дебаты, которые проводились совместно двумя «штабам» кандидатов публично, в статусе *on record*. Мероприятие регулировалось правилами и регламентом, определёнными официальной Комиссией по президентским дебатам*, и широко освещалась Общественно-политической кабельной телесетью – CSPAN. Команду республиканцев представлял А. Фридберг – один из руководителей «Рабочей группы М. Ромни по азиатско-тихоокеанским проблемам», профессор Принстонского университета, в прошлом один из ключевых внешнеполитических советников Д. Чейни. Демократов представлял Д. Байдер, один из архитекторов китайской политики Б. Обамы, ответственный сотрудник СНБ в его администрации [15].

Эти экспертные дебаты оказались весьма индикативными по широкому кругу проблем американо-китайских отношений. Позиции участников демонстрировали существенные нюансы и различия между ними, давая понять, какой будет линия того или иного кандидата в отношении КНР в случае его победы.

Касаясь горячей темы о переориентации американской стратегии на Азиатско-Тихоокеанский регион, эксперт команды М. Ромни отметил, что прежняя американская политика в этом регионе явно страдала «недостатком ресурсов». Эта переориентация, прямо заявлял он, направлена на «сдерживание» Китая, предотвращение нежелательных для Америки последствий китайского роста. По его мнению, проблема для Америки заключается в том, в какой степени США способны реально «сдерживать» китайский рост. «Слишком многие в Китае уверены, что Америка необратимо ослабла», – отмечал А.Фридберг.

Эксперт от демократической команды Д. Байдер заявил в этой связи, что США не могли в полной мере осуществить переориентацию на АТР ранее, будучи связаны серьёзными проблемами и вызовами в других регионах мира, в первую очередь в Ираке и Афганистане. Тот поворот к АТР, который администрация Обамы начала фактически с 2011 г., был, по мнению Д. Байдера, продиктован сформировавшейся к тому времени «критической массой» вызовов. Многоаспектность этого решения проявилась не только в том, что США объявили об усилении своей военной группировки в АТР, о ротированном присутствии военного контингента США в Австралии, но и в параллельном продвижении концепта Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), восстановлении связей США с Мьянмой, дипломатических инициативах с Вьетнамом, Индией и другими странами АТР [15].

Показательная полемика экспертов развернулась по тайваньскому вопросу. Администрацию Обамы было трудно критиковать на этом поле: после её прихода в Белый дом Тайваню были санкционированы поставки вооружений более чем на 13 млрд. долл., что стало рекордной суммой для всех американских администраций. При этом Б. Обама разрешил поставки на Тайвань истребителей *F-16* (модификации А/В), от чего воздерживалась администрация Дж. Буша-мл.

* Commission on Presidential Debates.

Тем не менее, позиция команды М. Ромни и по тайваньскому вопросу выглядела жёстче. Её эксперт особо акцентировал существующий дисбаланс ракетных и военно-морских возможностей КНР и Тайваня, хотя и признавал «бесперспективность» строительства политики США на основе достижения военного паритета в Тайваньском проливе. Несмотря на это, он недвусмысленно обозначил решимость М. Ромни поставлять на Тайвань и более совершенное вооружение, в частности, истребители *F-16* самых продвинутых модификаций [15].

Оппоненты на экспертных дебатах существенно разошлись и в другом ключевом вопросе китайской политики США – проблеме нераспространения ядерного оружия, её иранской и северокорейской «подтеме». Представитель М. Ромни считал использование «китайского фактора» для давления на Иран и Северную Корею, если не провальным, то однозначно малоэффективным в период администрации Обамы. Говоря о Северной Корее, эксперт отметил, что хотя для Китая безъядерный статус Пхеньяна был бы предпочтительнее, КНР потенциально готова согласиться и на приобретение ядерного оружия Северной Кореей. В отношениях с КНДР, отметил А. Фридберг, Пекин имеет ряд более значимых для себя приоритетов. Среди них – благоприятный для КНР региональный баланс сил в северо-восточной Азии и «управляемость» Пхеньяна со стороны КНР, даже с его ядерным оружием.

Полемизируя с А. Фридбергом, эксперт из команды Б. Обамы Д. Байдер заявил, что при Обаме Китай продвинулся ближе к США в иранском и особенно корейском вопросах. В 2010 г. после инцидента с потоплением Пхеньяном южнокорейского судна и ускорения темпов северокорейской программы по обогащения урана, Вашингтон осуществлял эффективный нажим на КНР по корейской теме. В частности, в ходе встречи *G-20* в Торонто президент Б. Обама предпринял активный демарш в адрес КНР, и этот демарш возымел действие. В результате китайцы возобновили призывы к КНДР вернуться за стол шестисторонних переговоров [15].

В вопросе о результативности и действенности контактов на военном уровне позиции участников экспертных дебатов также были весьма далеки друг от друга. Республиканский эксперт считал, что связи США и КНР по военной линии не должны быть самоцелью. Более того, он отметил, что в нынешней общеполитической ситуации, когда стратегическое и военно-технологическое преимущество однозначно на стороне США, от таких связей с Вашингтоном китайцы получают больше чем американцы. Следовательно, заявил А. Фридберг, США «не должны гоняться за Пекином» в этом вопросе; «стратегическое доверие сторон» остаётся на низком уровне.

По мнению его оппонента – Д. Байдера, связи по военной линии, прерванные после поставок вооружений на Тайвань администрацией Дж. Буша-мл. и восстановленные при администрации Обамы в 2010 г., позволили Вашингтону и Пекину завязать диалог по широкому спектру весьма чувствительных тем. В их числе минимизация ядерных рисков, противоракетная оборона, открытый космос, морские вооружения, кибербезопасность. Обсуждение этих тем на уровне военных существенно важно, отметил эксперт-демократ, в том числе и с учётом особого – «изолированного, специфичного» – статуса китайских военных в структуре власти в Китае. Такие связи, несомненно, повышают уровень транс-

парентности военной сферы в КНР, и в этом смысле администрация Обамы, по мнению Д. Байдера, предпринимала оправданные, плодотворные шаги [15].

Пожалуй, единственной темой китайской политики США, в которой эксперты были более или менее солидарны друг с другом, стала позиция США по островным конфликтам в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. С учётом тех или иных нюансов, оба они были согласны, что поведение Китая в этом вопросе представляет собой тест на солидарность США со своими союзниками в регионе, прежде всего с Японией. Линия Китая по островным конфликтам, подчеркнули оба эксперта, стала следствием роста экономических возможностей, военных амбиций и энергетических appetитов КНР [15].

Предвыборная кампания в США со всей очевидностью показала растущее «горячее дыхание» Китая внутри американского общества. С учётом того широкого резонанса, который «китайская тема» получила в ходе предвыборных дебатов в Америке, можно сказать, что, голосуя за Б. Обаму, американский избиратель во многом позитивно реагировал на его философию отношений с Китаем, продемонстрированную в первый президентский срок. Для этой философии характерно сочетание «твёрдости», жёсткого отслеживания и регламентирования действий Китая на американской экономической площадке и в мировых делах с креативным расширением поля взаимозависимости, поиск новых и перспективных для Китая завязок, отход от назидательности и навязывания жёстких рецептов внутреннего развития.

Президенты США приходят и уходят, а Китай остаётся, и Б. Обама продемонстрировал понимание этого непреложного факта лучше и убедительнее чем его оппонент.

XVIII съезд КПК и американская тема

Переключаясь на выборный цикл в Китае, следует особо остановиться на трёх его взаимосвязанных составляющих. Это, во-первых, явно обострившееся напряжение внутри китайского правящего класса, вышедшее на поверхность в громком «деле Бо Силая». Этот внутриэлитный конфликт во многом предопределил и усилил нервозность и клановый торг в китайской верхушке накануне и в ходе съезда. Во-вторых, это конкретные кадровые назначения на высшие посты в КПК и китайской армии, понимание того, что они могут значить для китайского видения мира и внешней политики. В-третьих, формулировки партийных документов, имеющие прямое или опосредованное отношение к Америке – в первую очередь формулировки отчётного доклада Ху Цзиньтао съезду, сохраняющие «установочное», индикативное значение в китайском политическом дискурсе.

В марте 2012 г. было объявлено о выводе из состава Политбюро и снятии со всех постов Бо Силая – политического «тяжеловеса», весьма неординарного по стилю, идеологии и прежней карьере деятеля КПК. До своей опалы это был, пожалуй, один из наиболее заметных потенциальных лидеров КНР «пятого поколения», обладающий яркой индивидуальностью.

Карьерные перспективы Бо Силая в новом составе руководства оценивались весьма высоко: считалось, что он однозначно войдёт в Постоянный Комитет Политбюро на XVIII съезде. Ещё ранее, на этапах, предшествующих выдвижению

Си Цзиньпина на вторую позицию после Ху Цзиньтао, кандидатура Бо Силая даже рассматривалась в качестве варианта, альтернативного Си Цзиньпину. Их обоих относят к особой элитной группе «принцев» – потомков лидеров КПК эпохи Мао Цзэдуна. «Принцы», наряду с «шанхайцами» – выдвиженцами Цзян Цзэминя и «комсомольцами», группирующимися вокруг Ху Цзиньтао, считаются конкурирующими группировками в высшем эшелоне власти. Такое структурирование носит весьма условный характер; данные о связях конкретных фигур в номенклатуре спекулятивны, тем не менее фракционный характер китайского руководства мало кем оспаривается в мировой аналитической синологии [3; 13].

Конфликт вокруг Бо Силая развивался в нетрадиционной для постдэнковского периода острой и публичной форме. Имели место громкие критические заявления членов высшего руководства в адрес друг друга, шокирующие криминальные подробности и разоблачения, вплоть до явного противостояния региональных и центральных спецслужб и даже прямой вовлечённости в события властей США^{*}. Всё это, особенно последний факт, нанесло серьёзный удар по репутации руководства КПК. Несмотря на ограниченность и спекулятивность информации, многое говорит о том, что обострившийся конфликт в КПК глубже, чем банальная схватка кланов за власть. Он касается более широких проблем, таких как приоритеты и перспективы дальнейшего развития, будущая трансформация партии, судьба госпредприятий и госкорпораций, пересмотр политики сокращения рождаемости, демонополизации банковской сферы, социальные гарантии сельскому населению.

Бо Силай зарекомендовал себя явным сторонником «неолевых» подходов к реформам в КНР с особой ностальгией по «эпохе Мао Цзэдуна, акцентом на уравнительность, преодоление имущественной дифференциации, поощрение коллективизма и коммунистической идеологии. Его жёсткая, вне рамок даже китайского правового поля борьба с коррупцией снискала популярность в народе.

Деятельность Бо Силая как руководителя Чунцина – крупного мегаполиса на правах провинции – получила название «чунцинская модель» реформ. Эту модель часто противопоставляли «гуандунской модели» развития. Гуандун – это богатая приморская провинция, с высокими доходами населения, с продвинутой ориентированной на экспорт промышленностью, плотно интегрированная совместными производственными цепочками с корпорациями США, Японии, Европы и стран АСЕАН. Население Гуандуна, этнически и исторически отличающееся от северных и глубинных провинций Китая, традиционно дистанцировалось от них, в той мере в которой это было возможно под жёстким скрепом КПК.

С «гуандунской моделью» связывают имя другого яркого и полярно противоположного Бо Силаю руководителя – Ван Яна, который считается приверженцем либерально-рыночных, прозападных акцентов в социально-экономической политике. Сторонником Ван Яна по такой ориентации счи-

^{*} Ван Лицзюнь – вице-мэр и руководитель силового блока Чунцина – обратился в консульство США в Чэнду в просьбой о политическом убежище, в чём ему было отказано.

тался и бывший руководитель другого индустриального региона – провинции Цзянсу – Ли Юаньчао.

На протяжении всего 2012 г. – подготовительного периода к съезду – наблюдатели-китаеведы констатировали прямые и косвенные симптомы подковёрной борьбы. В сентябре 2012 г. в западной прессе были опубликованы компрометирующие материалы о коррупционных доходах Си Цзиньпина и нынешнего премьера Вэнь Цзябао, что, скорее всего, можно было расценить как атаку на них влиятельных сторонников группировки Бо Силая.

Конфликт негативно сказался на эффективности госуправления на местах, увеличил отстранённость социальной массы от управленческого механизма, ещё больше ослабил действенность идеологической индоктринации. Косвенным образом эти проблемы отражены даже в следующем пассаже Отчётного доклада ЦК КПК XVIII съезду, принимая во внимание всю специфику, тональность и стиль этого партийного документа. «Твёрдо оберегая авторитет ЦК, необходимо идеологически, политически и в конкретных действиях оставаться с ЦК партии в максимальном единстве, неуклонно следовать теории, линии, курсу и политике партии, обеспечивать неукоснительное исполнение решений ЦК и абсолютно не допускать таких явлений, когда «наверху – меры, а внизу – контрмеры», ни в коем случае не допускать несоблюдения полученных указаний и нарушения запретов» [1].

Процедура перехода власти к новому поколению руководителей была серьёзно осложнена. Фракционный торг продолжал идти вплоть до последней минуты, что для съездов КПК совершенно нетипично. Съезд проходил в обстановке гораздо большей закрытости и усиления мер по поддержанию правопорядка и безопасности в Пекине.

Центральным решением съезда стало назначение Си Цзиньпина и формирование центральных органов партии – ПК Политбюро, Военного Совета ЦК (он же Центральный Военный Совет КНР), Политбюро, ЦК, Комиссии по проверке дисциплины ЦК.

В состав ПК Политбюро вошли семь человек: Си Цзиньпин, Ли Кэцян, Ван Цишань, Чжан Гаоли, Чжан Дэцзян, Лю Юньшань, Юй Чжэншэн. Одновременно в него не вошли пролиберальные фигуры Ван Ян и Ли Юаньчао, что было расценено как компромиссный шаг, сделанный под давлением влиятельных в партии сил, симпатизирующих Бо Силаю. Другим симптомом компромиссного подхода стало то, что по возрастным ограничениям, которым последние 20 лет строго следуют в КПК, 5 из ныне избранных 7 членов ПК ПБ считаются своего рода «хромыми утками». Они вынуждены будут уйти уже на следующем XIX съезде партии. Это косвенно усиливает шансы Си Цзиньпина на формирование в значительной степени «своей» команды на последующее пятилетие.

Хотя фракционная принадлежность каждой из семи фигур в ПК Политбюро, самом Политбюро и ЦК спекулятивна, по мнению тайваньских и западных аналитиков, уверенную победу в продвижении своих кадров одержал Цзян Цзэминь, в то время как позиции Ху Цзиньтао ослабли [2; 11]

Ху Цзиньтао оставил, несмотря на иную традицию на предыдущих съездах, высший военный пост в стране – Председателя Центрального военного совета КНР. Это обстоятельство, судя по всему, стало результатом «пакетного компромисса», устроившего соперничающие группировки. Новый генсек таким образом

концентрирует в своих руках всю полноту партийно-военного управления. Си Цзиньпин при таком раскладе становится максимально независимым и от Цзян Цзэминя и от Ху Цзиньтао, хотя они по существующей парадигме китайской политики и сохраняют за собой определённое неформальное влияние.

Каким образом проведённые кадровые назначения съезда релевантны для китайско-американских отношений? Следует отметить ряд аспектов.

Назначение Си Цзиньпина, не подвергавшееся сильному сомнению, вряд ли может считаться неблагоприятной для Америки опцией. Новый лидер КПК, судя по имеющимся о нём данным, волевой, достаточно самостоятельный и в меру гибкий политик постдэнсовской формации. Он обладает разносторонним опытом партийного управления на различных постах в номенклатуре КПК, включая и относительно глубинку, и средний мегаполис, и бурно развивающиеся приморские провинции. Провинции Фуцзянь и Чжэцзян, в которых он проработал несколько лет вплоть до перевода в центр – уникальные китайские провинции, сочетающие в себе и локально специфичное население, и крепкое сельское хозяйство, и гиперактивную, ориентированную на экспорт зону. Кроме того Фуцзянь – географически и экономически главная зона взаимодействия с Тайванем, а также весьма значимый «форпостный» регион в военном смысле (Тайваньский пролив)*. Как региональный руководитель он несомненно приобретал здесь знания в области мировой экономики, транснациональных производств, понимание региональных тихоокеанских проблем, военной стратегии, геополитики. В его послужном списке американцам не менее важны и другие обстоятельства. Он как минимум не «неолевый» политик и, скорее всего, достаточно взвешенно оценивает и маоистский, и дэнсяопиновский, и постдэнсяопиновский период китайской истории, причём первый из них в меру критично. Отец Си Цзиньпина – Си Чжунсюнь занимал пост вице-премьера Госсовета (правительства) КНР, в 1962 г. был репрессирован Мао Цзэдуном и реабилитирован при Дэн Сяопине.

В январе 2012 г. Си Цзиньпин совершил визит-смотрины в США, который прошёл весьма успешно. Турне имело «хорошую прессу» в США. Заместитель Председателя КНР вёл себя одновременно гибко и «не прогнулся» в ключевых вопросах, что зафиксировала и китайская блогосфера. По отзывам американской прессы, Си Цзиньпин продемонстрировал «более яркую индивидуальность», чем Ху Цзиньтао. Немаловажен для американцев и тот факт, что дочь Си Цзиньпина учится в Гарварде. Но первостепенное значение для американцев будет иметь следующее: насколько эффективно – при всей фракционной многослойности руководящей верхушки – Си Цзиньпин будет контролировать ситуацию. Полной ясности в этом нет: критерием истины станут будущие решения.

Какие темы, касающиеся Америки, будут в центре дискуссий нового китайского руководства? Их может быть несколько:

1. В какой степени «ослабла» Америка? Каковы ресурсы её адаптации и продолжения роста? С какими макроэкономическими и макрополитическими вызовами столкнётся администрация Обамы, и как она их разрешит?

* В Фуцзяньском военном округе дислоцированы крупные ракетные части, нацеленные на Тайвань.

2. Как реагировать на новую расстановку внешнеполитических приоритетов США и перенос «центра тяжести» в АТР? В какой мере это манёвр противоречит китайским «базовым интересам»? Какие конкретные шаги – военные, экономические, внешнеполитические – Китаю целесообразно предпринять?

3. Что делать с «островными» конфликтами в Южно- и Восточно-Китайском морях? До какого уровня конфронтации с США, Японией, вовлечёнными странами АТР их можно доводить? Как это ударит по макроэкономическим и торговым интересам Китая в мире?

Говоря о сюжетах с островными конфликтами, весьма показательным представляется следующее. В ходе прошедшего выборного цикла было радикально обновлено и высшее руководство Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Помимо назначения Си Цзиньпина главой Центрального военного совета (ЦВС), были назначены два его новых заместителя, новые руководители на ключевые посты в Минобороны, включая начальника Генштаба, командующего РВСН, главкома ВВС. Знаковыми можно считать и некоторые «неназначения»: в ЦВС двух военных руководителей – генералов Чжан Хайяна и Лю Юаня, которые, по оценкам, не получили постов из-за связей с опальным Бо Силаем.

Наблюдатели оценивают эти кадровые решения, во-первых, как свидетельство сосредоточения контроля над армией в руках профессиональных военных, «не запятнанных» участием в политической деятельности [2]. Это также усиливает позиции Си Цзиньпина, его контроль над военной сферой. Во-вторых, данные назначения красноречиво свидетельствуют и о другом важном изменении: снижении статуса и роли сухопутных войск в НОАК при одновременном усилении роли ВВС, ВМФ и РВСН; борьба за приоритеты такого рода, прежде всего, за распределение бюджетного пирога давно имеет место в китайских вооружённых силах. В-третьих, отмечается и то, что новые выдвиженцы-генералы представляют собой активных, амбициозных, более молодых, экспериментирующих военных руководителей – сторонников современных концепций ведения войны, хорошо усвоивших требования «революции в военном деле».

Так, один из вновь назначенных замов Си Цзиньпина по ЦВС, генерал Фань Чанлун, занимавший до этого пост командующего Цзинаньским военным округом, был выдвинут на эту должность, минуя две промежуточные ступени военной иерархии. С 2004 г., в период его руководства, Цзинаньский военный округ зарекомендовал себя как своего рода экспериментальная площадка по отработке новейших военных идей и доктринальных подходов, внедрению «революции в военном деле» в повседневную практику НОАК [2].

Новые военачальники в НОАК и обозначенные ими процессы могут иметь важное значение для китайско-американских отношений в военной сфере. Считается, что островные конфликты в Восточно- и Южно-Китайском морях пришлись весьма кстати для продвижения молодым генералитетом НОАК идей по расширению диапазона действий и ответственности китайских ВМФ по охране жизненно важных для КНР зон. Эти конфликты дали им повод организовать регулярное патрулирование спорных районов и прилегающих к ним акваторий. Кадровые решения в НОАК дают основание предполагать, что эти подходы в стратегии, скорее всего, будут подтверждены и продолжены.

Определённую информацию, немаловажную для внешней политики и китайско-американских отношений содержат и другие – некадровые – индикаторы.

торы прошедшего в КНР съезда. Документы съезда – Отчётный доклад ЦК – как это и принято в политической традиции КПК, в основном ориентированы на внутреннюю проблематику, выдержаны, как правило, в общих, эластичных формулировках, могут интерпретироваться достаточно многозначно. Внешней политике – не считая специальный раздел по Тайваню и Гонконгу – посвящены суммарно не более 5% текста доклада.

В Отчётном докладе съезду не принято поимённо называть страны, в отношении которых даются какие-либо политические или оценочные характеристики. Перечисляются лишь ключевые для Китая международные организации и политические форматы – ООН, Группа восьми, Группа двадцати, БРИКС, ШОС, АСЕАН. Специфика отчётного доклада такова, что он по своему содержанию одновременно является документом и итоговым, и программным. Процедура его «обкатки» и согласования по сложности, многоступенчатости и институциональному участию в этом различных партийных и аналитических структур намного превосходит известный нам аналог – Отчётный доклад ЦК КПСС [1].

Применительно к США, первое, что бросается в глаза, – подчеркнутая осторожность и деликатность соответствующих формулировок, по сравнению со средним «градусом» обычной антиамериканской риторики в последние годы. По существу, наиболее острыми оценочными формулировками в адрес США можно назвать две следующие: «в известной мере поднимают голову гегемонизм, силовая политика и интервенционизм»; «волчьи законы не ведут к сосуществованию человечества, бряцание оружием не ведёт к прекрасному миру». Вместе с тем, в качестве основной темы в докладе прослеживается тезис о том, что «мир и развитие по-прежнему остаются лейтмотивом нашей эпохи» [1].

Важные моменты внешнеполитического раздела – идеи «толерантности, взаимообогащающего диалога друг с другом и взаимовыгодного сотрудничества в международных отношениях». Если проецировать эти слова на США, то налицо преобладание установки на взаимозависимость, больше чем на противодействие и конфликт. Об этом же говорит и другое заявление: «Китай будет предпринимать все усилия, направленные на координацию макроэкономической политики с главными экономиками, посредством консультаций разумно устранять торгово-экономические трения» [1]. Понятно, что основной адресат этих слов – однозначно США.

Вместе с тем, в Отчётном докладе чётко зафиксировано, что Китай, по характеру экономики, объёму стоящих перед ним проблем, социальной структуре продолжает оставаться «социалистической развивающейся страной» [1]. Смысл этого тезиса, помимо всего прочего заключается в том, что КНР видит себя не второй экономикой мира, не потенциальным партнёром США по «большой двойке», а именно частью развивающегося массива стран, которым ещё предстоит длительный путь экономического роста и восхождения. Такое «самоназвание» позволяет, несомненно, большую свободу рук китайскому государству в мировых делах, в том числе и в отношениях с США. Именно статус развивающейся страны даёт возможность Китаю в поисках дипломатических союзников ассоциировать себя с широким кругом стран, участвовать и поддерживать большее число политических форматов (БРИКС, ШОС, АСЕАН) и инициатив, доступ к которым для США невозможен или затруднён.

Суммируя вышесказанное отметим, что в глазах США противоречия внутри китайской элиты оказывают непосредственное влияние на имидж КНР как внешнеполитического игрока, и вероятные выводы Вашингтона могут быть следующими.

Главный и наиболее очевидный вывод: Китай демонстрирует «слабину». При всей неизбежности «внутриэлитных» разногласий в столь сложной бюрократии, как китайская, при всём масштабе стоящих перед страной вызовов реформирования, деликатности и значимости текущего этапа преобразований, нынешний элитный конфликт – явный бонус для американской стратегии. В ближайшем будущем (год-два) китайский политический класс будет неизбежно «подтормаживать», тратить дополнительное историческое время и политический ресурс на выработку консенсуса, согласование позиций, оглядку по «фракционным сторонам». Поскольку главным – «сакральным» – политическим приоритетом для китайского ЦК остаётся социальная стабильность, подобная «фракционная пробуксовка» неизбежна.

На внешней политике КНР «внутриэлитные» противоречия, скорее всего, скажутся опосредованным образом, в мягкой форме. Эти противоречия способны на какое-то время привести к потере Китаем темпа «стратегической инициативы» во внешней политике, к потере «реактивности» (в смысле стимул – реакция) в отношениях с Америкой.

Все эти экстраполяции, разумеется, носят весьма условный характер. Прогнозировать перспективные позиции КНР по конкретным проблемам отношений с США, чрезмерно драматизируя «китайскую фракционность», было бы серьёзным упрощением.

Заключение

В настоящее время американское и китайское общества находятся на деликатной, чувствительной фазе своего развития, решая внутренние, системные проблемы, во многом перестраивая свои модели роста. Для США эти трудности связаны прежде всего с решением задачи сокращения дефицитов, несбалансированного потребления, безработицы, нахождения социально устойчивого баланса между «реальной» и «новой» экономикой, преодолением внутренних издержек глобализации и транснационализации производства. Для Китая это проблемы ухода от ориентированной на экспорт парадигмы развития, формирования полноформатного среднего класса со всем комплексом социальных и политических гарантий, задачи ускоренной урбанизации и догоняющей индустриализации, перестройки политической системы.

Весь круг этих масштабных задач, особенно в Китае, вызывает системное напряжение. Показателем этого напряжения служит ощутимая внутриэлитная борьба, результаты которой частично опосредовано затрагивают и сферу внешней политики. Вследствие этого обоюдного напряжения усиливается «интуитивная» установка США и КНР на взаимозависимость и минимизацию двусторонней конфликтности. В определённом смысле эта установка носит характер «со-урегулирования» возникающих проблем.

Итог выборных циклов ощутимо обозначил этот вектор движения. Выборы в США однозначно отдали предпочтение компромиссной, кооперативной сба-

лансированной линии Обамы в отношении Китая в противовес дестабилизирующей, неоправданно жёсткой и чреватой многими макроэкономическими осложнениями линии его республиканского оппонента. Несмотря на то, что жёсткая антикитайская риторика М. Ромни имела ярко выраженную популистскую направленность, американский избиратель не пошёл за ним в китайском вопросе. По другую сторону Тихого океана, в Отчётном докладе съезду КПК формулировки, фактически касающиеся США и мировой обстановки, были выдержаны в примирительной, гибкой тональности.

Завершившиеся выборные циклы дают понять, что, по крайней мере, в двух из трёх остро конфликтных темах китайско-американских отношений – тайваньской проблеме и валютном споре – обе стороны в ближайший период вряд ли пойдут на обострение. В вопросе о военных поставках США Тайваню, Китай фактически даёт понять, что его удовлетворяет та сдержанность в номенклатуре поставок, которую продемонстрировала администрация Обамы в свой первый срок. Что касается валютного спора юань – доллар, то он фактически решается поэтапно, «в рабочем порядке».

Проблема военного противостояния США и Китая в АТР – третий конфликтный сюжет американо-китайских отношений – представляется наиболее рискованной, чреватой потенциальным обострением. Несмотря на американские «разъяснения» и всё ещё ограниченность реальных военных шагов по переносу центра тяжести в АТР, Китай по-прежнему трактует его как стремление сыграть на упреждение военного роста КНР. В этой связи твёрдая реакция КНР на ситуации со спорными островами в Южно-Китайском (риф Скарборо) и Восточно-Китайском море (о-ва Сенкаку/Дяоюйдао) можно считать ответом КНР, обозначающим «черту» военного размежевания с США в регионе. Остаётся неясной степень решимости, энергичности и жёсткости, которую будет демонстрировать Китай в удержании этой «черты». В известной степени это станет тестом на решительность нового китайского руководства.

Противоборство двух стран в АТР будет в значительной степени определяться конкретными программами вооружений, которые запустит каждая из них под свою стратегию. Вероятное замедление темпов экономического роста КНР, связанное с перестройкой модели развития, ориентацией её на внутреннее потребление, ограничит ресурсную базу военных программ. Серьёзные ресурсные ограничения будут наблюдаться и в Соединённых Штатах, стоящих перед перспективой секвестирования военного бюджета. В силу этого гонка вооружений в регионе в ближайшие годы, скорее всего, будет носить контролируемый обеими сторонами характер.

Вместе с тем, несмотря на глубинную «интуитивную» линию на «соуправление», сильную мотивацию и очевидные дивиденды от взаимозависимости, два общества и экономики достаточно сложны и неоднородны, их политические и культурно-цивилизационные ценности пока трудно совместимы. В политических элитах США и КНР формируются и конфликтные интересы относительно друг друга, особенно в военной сфере. При неблагоприятных внешних «раздражителях», неадекватной коммуникации эти интересы способны привести к развитию конфронтационных сценариев. Однако эскалация этих сценариев до уровня горячей конфликтности, не говоря уже о системной конфронтации, в ближайшее время представляется маловероятной.

Список литературы

1. Ху Цзиньтао. Доклад на XVIII съезде Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 8 ноября 2012 г. (<http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html>).
2. America and China in the Aftermath of Election and Succession: Paths and Pitfalls. Uncorrected Transcript. The Brookings Institution. Washington, D.C. November 19, 2012 (http://www.brookings.edu/~media/events/2012/11/19%20america%20china/111912_america_china_uncorrected.pdf).
3. Cheng Li. China's Top Future Leaders to Watch: Biographical Sketches of Possible Members of the Post-2012 Politburo (Part 1) (<http://www.hoover.org/publications/china-leadership-monitor/9026>).
4. The Obama Administration Challenges China's Export Subsidies to Auto and Auto Parts Manufacturers in China. 17.09.2012 (<http://www.ustr.gov/about-us/press-office/press-releases/2012/september/obama-administration-challenges-china-auto-subsidies>).
5. The Way out for China (Part LXVI): From the Trials against the Family of Bo Xilai to Talk about the Fundamental Need of a Legal System Is for People to Trust It – Wei Jingsheng 《中国的出路》之六十六：法制的根本就是要取信于民，让人民感到这个制度能有公平 – 魏京生 (<http://www.weijsingsheng.org/report/report2012/report2012-09/WeiJS120902ChinaWayOut66LegalFoundationA731-W458.htm>).
6. Transcript and Audio: First Obama-Romney Debate (<http://www.npr.org/2012/10/03/162258551/transcript-first-obama-romney-presidential-debate>).
7. Transcript and Audio: Second Presidential Debate (<http://www.npr.org/2012/10/16/163050988/transcript-obama-romney-2nd-presidential-debate>).
8. Transcript and Audio: Third Presidential Debate (<http://www.npr.org/2012/10/22/163436694/transcript-3rd-obama-romney-presidential-debate>).
9. US-China Bussiness Council (<https://www.uschina.org/statistics/tradetable.html>).
10. Charles Kadlec. Will China Bashing Cost Mitt Romney the Election? (<http://www.forbes.com/sites/charleskadlec/2012/09/25/will-china-bashing-cost-mitt-romney-the-election/>).
11. 习近平：胡锦涛主动提出卸任军委主席 (http://news.ifeng.com/mainland/special/zhonggong18da/content-3/detail_2012_11/17/19264139_0.shtml).
12. 奥巴马致电胡锦涛 表示珍视两人所作共同努力 (http://news.ifeng.com/mainland/detail_2012_11/17/19265522_0.shtml).
13. 魏京生：迎接中国的大变革 (<http://www.weijsingsheng.org/report/report2012/report2012-08/WeiJSspeech120818inCopenhagen-DJY.htm>).
14. 习近平：中国的发展非我赢你输 决不称霸搞扩张 (博讯北京时间 2012 年 12 月 06 日 转载) (<http://www.boxun.com/news/gb/china/2012/12/201212060129.shtml#UMa1nuSZaSo>).
15. China Policy Debate. Committee of 100 China Studies Program at Johns Hopkins University. School of Advanced International Studies (SAIS). 24.10.2012. Washington, DC (<http://www.c-spanvideo.org/program/ChinaPoli>).

КИТАЙСКИЕ КИБЕРУГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США

© 2013 г. **П.А. Шариков***
Институт США и Канады РАН, Москва

Статья посвящена анализу китайских киберугроз национальной безопасности США. Автор приводит доказательства того, что в последнее время КНР проявляет наибольшую активность в киберпространстве. Эта активность носит не только экономический, но и военный характер. Такое развитие ситуации требует пересмотра ряда положений национальной стратегии Соединённых Штатов.

Ключевые слова: информационные войны, глобализация, национальная безопасность США, китайские киберугрозы.

В XXI веке всё большее влияние на политику США в области обеспечения национальной безопасности оказывает фактор киберугроз. С целью противодействия угрозам информационной безопасности американское политическое руководство вынуждено кардинально корректировать стратегию обеспечения национальной безопасности.

Как представляется, изменение американской стратегии в данной области происходит под влиянием двух ключевых факторов: научно-технического прогресса и трансформации системы международных отношений.

Стремительное распространение в глобальных масштабах информационной сети и внедрение информационных технологий (ИТ) во все сферы общественной жизни, с одной стороны, предоставляют значительные преимущества, но с другой – создают колоссальную уязвимость, связанную с тем, что развитие и стабильное функционирование национальной экономики напрямую зависят от работы информационной инфраструктуры. Широкое участие частного сектора в сфере ИТ не позволяет органам государственного управления обеспечить адекватный уровень информационной безопасности. Американское политическое руководство давно признало проблему информационной безопасности и призвало представителей частного сектора и гражданского общества активнее участвовать в обеспечении информационной безопасности на основе тесного взаимодействия.

Информационные технологии одновременно являются средством нападения, фактором развития и средой для взаимодействия. По мере их развития в XXI веке изменялись и инструменты нанесения урона. Так, в конце 1990-х – начале 2000-х годов основную проблему в области информационной безопасно-

* **ШАРИКОВ Павел Александрович** – кандидат экономических наук, руководитель Центра прикладных исследований ИСКРАН. E-mail: pasha.sharikov@gmail.com

Работа выполнена при поддержке гранта Администрации Президента № МК-189.2013.6.

сти создавали хакеры, создатели вирусов и т.д. По этой причине вопросами информационной безопасности на государственном уровне занимались Федеральное бюро расследований, генеральный прокурор и Министерство юстиции США. В 2000 г. генеральный прокурор США Дж. Рино в своём выступлении отмечала, что «телекоммуникации и банковские системы, станции энерго- и водоснабжения, национальная оборона и многие другие объекты инфраструктуры зависят от информационных сетей. Интернет проник в жизнь граждан как в офисе, так и дома, и, возможно, он станет самым удивительным изобретением человечества. Если правоохранительные органы не могут наказать преступников, безопасность общества и сохранность информации оказывается под угрозой. Нельзя жертвовать информационной безопасностью ради сохранности частной информации. Необходимо разработать всеобъемлющую стратегию обеспечения информационной безопасности, используя ресурсы промышленности, местных и федеральных законодательных органов, членов исполнительной власти» [9]. Таким образом, угроза информационной безопасности осознана на самом высоком государственном уровне.

Серьёзную угрозу безопасности США представляет проблема промышленного шпионажа и коммерческой разведки. Данная проблема выходит за рамки обеспечения индивидуальных пользователей, вместе с тем она создаёт угрозу конкурентоспособности американских компаний на мировом рынке.

В конце первого десятилетия XXI века киберугрозы всё в большей степени обретают стратегическое значение для национальной безопасности. Особую роль в данном случае играет использование ИТ в вооружённых силах. Если в начале века информационные технологии рассматривались в основном как фактор значительного тактического преимущества на поле боя, то к началу второго десятилетия XXI века они стали явным фактором глобальной американской военной стратегии.

Интересно проследить изменение подходов американского руководства к восприятию киберугроз на основе выступлений руководителей американского разведывательного сообщества на ежегодных слушаниях по вопросам угроз национальной безопасности в Объединённом комитете по разведке Сената США.

В 2007 г. на слушаниях вопрос кибербезопасности поднимался только в выступлении директора ФБР Р. Мюллера [21]. Вопросы кибербезопасности обсуждались в последнюю очередь, при этом основная опасность в киберпространстве, по его словам, исходила от террористов, криминальных группировок и отдельных преступников. Угрозы, которые могли представлять государственные лица даже не обсуждались.

Начиная с 2008 г. угрозы кибербезопасности уже ставились в повестку дня и освещались в выступлениях директоров национальной разведки. Основной проблемой была признана угроза американской экономической конкурентоспособности, исходящая от государств и криминальных группировок [5].

В 2009 г. новый директор разведки Д. Блэр [6] особо отметил угрозу финансовому сектору американской экономике, исходящую от террористов. Впервые была озвучена оценка разведывательного сообщества, в которой говорилось, что Россия и Китай обладают технической возможностью нанесения

критического ущерба американской информационной инфраструктуре и могут собирать разведданные.

В 2010 г. Д. Блэр [7] обратил внимание на значительный рост угроз в киберпространстве, причём впервые заявил, что для противодействия угрозам необходимо международное сотрудничество.

В 2011 г. вновь назначенный директор разведки Дж. Клэппер впервые отметил военную угрозу в сфере кибербезопасности, исходящую от ряда государств. Особое внимание он уделил проблемам сбора разведданных и угрозе американской экономической конкурентоспособности [22].

В 2012 г. директор национальной разведки заявил [27], что противодействие угрозам кибербезопасности является «стратегическим интересом» американского политического руководства [27]. Российские и китайские действующие лица упоминались как ключевые источники компьютерных атак на американские компьютерные сети и похитители объектов американской интеллектуальной собственности.

На слушаниях в 2013 г. вопросы кибербезопасности были поставлены уже на первое место. Дж. Клэппер утверждал [23], что государства и негосударственные акторы используют различные инструменты кибератак для достижения своих стратегических целей. Впервые в контексте обсуждения угроз кибербезопасности поднимался вопрос управления Интернетом и глобального регулирования информационного пространства.

Киберугрозы в настоящее время воспринимаются политическим руководством Соединённых Штатов в качестве стратегической угрозы национальной безопасности. Её основным источником признана уязвимость информационно-технической инфраструктуры, которая в настоящее время используется практически всеми элементами национального хозяйства США. Под влиянием необходимости обеспечения безопасности гражданских инфраструктур пересматривается вся стратегия действий государства.

Другой фактор, под влиянием которого меняются подходы к обеспечению национальной безопасности США, – трансформация системы международных отношений. С приходом новых лиц на руководящие посты в различных странах можно говорить о завершении периода «после "холодной войны"». Большинство исследователей мировой ситуации солидарны в том, что современное поколение становится свидетелем формирования полицентричного (или многополярного) мира.

Впервые идею формирования многополярного мира сформулировал академик РАН Е.М. Примаков. В своей книге «Мир без России» он отметил: «Реальную картину сегодняшнего мира создаёт диалектика между складывающейся многополярностью и взаимозависимостью образующихся центров мировой системы» [3, с. 24].

Даже ястреб американской политики Зб. Бжезинский согласен, что однополярный мир не состоялся. Развивая теорию глобального политического пробуждения, он пишет: «В своём развитии оно (глобальное пробуждение. – *П.Ш.*) вызывает смещение центра глобального притяжения. А это, в свою очередь, в глобальном масштабе меняет расположенность центров власти оказывать серьёзное влияние на роль Америки в мире» [1, с. 177].

Биполярная система, в которой все политические решения в мире так или иначе были связаны с ключевой «осью» СССР – США, перестала существовать с распадом Советского Союза. Вместе с тем, можно с уверенностью констатировать, что однополярный мир во главе с Соединёнными Штатами не состоялся и что нет оснований полагать, что это произойдёт в ближайшее время.

Среди ключевых тенденций развития современной системы международных отношений, авторы американского доклада «Глобальные перспективы 2030» отмечают «распространение мощи» (*power dissemination*). Иными словами, если в биполярной системе международных отношений значительная часть мощи (власти, влияния) была сосредоточена «в руках» США и СССР, то в современном мире происходит формирование новых центров силы, оказывающих всё большее относительное влияние на международную обстановку.

Одним из таких центров силы является Китайская Народная Республика. Именно КНР становится не только мощной региональной державой, но и демонстрирует беспрецедентные темпы роста по сравнению с такими традиционными мировыми лидерами международных отношений, как, например, США и Европейский Союз.

В первой половине 1990-х годов информационно-технический потенциал играл едва ли не определяющую роль в экономическом росте американской экономики. В начале XXI века можно сказать, что Китай перехватил инициативу у Соединённых Штатов и по многим показателям догнал и перегнал традиционных лидеров в области технического развития (прежде всего Японию, Германию, Великобританию и Францию).

Эта тенденция во многом определяет изменение подходов американского руководства к стратегии обеспечения национальной безопасности. Так, представители разведывательного сообщества Соединённых Штатов отмечают, в частности, что угрозы кибербезопасности, исходящие с территории КНР, представляют особую угрозу национальной безопасности Соединённых Штатов.

Китайская киберугроза

Одним из ключевых факторов экономического роста КНР в начале XXI века является динамичное развитие информационно-технического комплекса.

В табл. 1 представлен такой традиционно распространённый показатель информационного потенциала, как количество пользователей Интернетом. В таблице показана динамика развития количества китайских пользователей всемирной сети: Китай менее чем за 20 лет почти в 2 раза опередил количество американцев, пользующихся Интернетом.

На фоне общей тенденции увеличения числа пользователей Интернетом во всех странах, сегодня США уже уступают Китаю по их количеству в общемировом масштабе, которое превышает треть населения страны, что больше численности всего населения Соединённых Штатов, хотя относительное количество американцев – пользователей сети превышает две трети населения страны.

Одним из важнейших показателей информационного потенциала является количество сайтов в национальном домене. С самого начала существования Интернета, все сайты разделялись на различные категории. В начале 1990-х, когда технология Интернета только-только перестала быть одним из научно-

Таблица 1

Количество пользователей Интернета

Год	Китай, %	Россия, %	США, %	Всего пользователей в мире, млн.
1993	0,01	0,14	41,94	9,9
1995	0,13	0,49	54,95	39,3
2000	5,45	0,70	29,42	386,0
2005	10,87	2,14	19,67	1 018,3
2006	11,99	2,24	17,90	1 138,8
2007	15,43	2,58	16,55	1 353,2
2008	19,22	2,46	14,45	1 580,3
2009	21,99	2,36	12,45	1 809,5
2010	22,61	3,02	11,29	н.д.
2011	22,58	3,06	10,67	н.д.

World Bank. World Development Indicators 2012 (www.worldbank.org).

исследовательских проектов Министерства обороны США, основное количество сайтов в Интернете находилось в домене *.edu* (от *educational* – образовательный), данная тенденция хорошо видна в табл. 2. В 2005 г. их доля составляла около 20%, такое же количество сайтов находилось и в домене *.com*. Созданный домен «дотком» (от *commercial* – коммерческий) для коммерческих предприятий продолжает оставаться одним из наиболее популярных среди американских пользователей, даже не имеющих отношения к коммерции. Национальный американский домен *.us* не популярен.

Домены *.com* появились в начале 1990-х годов, что было связано с коммерциализацией Интернета. В то же время был создан институт управления доменными именами, который впоследствии получил название Интернет-корпорации по распределению доменных имён и адресов – ИКАНН.

Глобальное развитие Интернета в тот период было основано на том, что все страны приняли распространённый в США стандарт протокола связи и появление каждого нового домена зависело от корпорации ИКАНН.

В то же время Китай активно экспериментировал с собственными доменными именами и в 2005–2006 гг. создал собственные доменные имена: *.中国 (.china)*, *.公司 (.company)* и *.网络 (.network)* [10]. Подобные действия со стороны китайских властей представляли угрозу монополии ИКАНН на всемирное управление Интернетом. Именно этим, как представляется, была спровоцирована реформа ИКАНН в 2009 г., результатом которой стало создание механизма национальных доменов, не связанных с латиницей. В России, в частности, появился домен *.рф*, не получивший пока широкого распространения.

С определённой степенью уверенности можно говорить о «доткоме» как об американском домене. Сравнивая его с другими популярными доменами, необходимо отметить, что большей популярностью пользуются не связанные с государствами домены в зоне *.net* (*networks* – сети): они составляют почти 35% всех интернет-сайтов. Большое количество сайтов находится в японской доменной зоне *.jp* (почти 7,5%), что свидетельствует о высокой активности Японии в информационном пространстве. Важно отметить, что в абсолютных показателях количество доменов возросло. Согласно Консорциуму интернет-

систем [28], если в 1995 г. общее количество сайтов составляло менее 5 млн. единиц, то к концу 2011 г. их число выросло до 850 миллионов.

По данному показателю Китай также демонстрирует достаточно уверенные темпы роста. Важно отметить, что даже учитывая эксперименты с «китайским Интернетом», не связанным с всемирной информационной сетью, позиции Китая по этому показателю очень внушительные.

Высокая доля «доткомов», а также других сайтов, не привязанных к государственным информационным ресурсам, как представляется, является одним из подтверждений ключевой особенности современной системы международных отношений – высокой активности негосударственных участников в условиях полицентричности, а также роли информационного потенциала для повышения конкурентоспособности и обеспечения безопасности государства.

Опыт формирующихся центров силы в полицентричном мире доказывает, что развитие информационного потенциала становится приоритетом. Особенно интересным представляется опыт Соединённых Штатов, показывающий, что, даже учитывая проблемы сохранения государственного суверенитета в условиях глобализации, развития информационного пространства и полицентричности, взаимозависимость и взаимовыгодные интересы заставляют государство, бизнес и общество консолидироваться с целью развития информационного потенциала, оказывающегося в таком случае неким «общим благом».

Важно отметить, что информационно-технический комплекс включает не только показатели технического развития, но и показатели производства знаний. Необходимо обратить внимание на такой важный показатель производства знаний, как патентные заявки. Всемирный банк представляет данные по патентным заявкам, поданным резидентами и нерезидентами, работающими на территории страны. Судя по количеству поданных патентных заявок, в 1990 г. ситуация практически полностью повторяла производство высокотехнологичных товаров. Совокупная доля заявок в США, ЕС и Японии составляла почти 85% мирового уровня. Однако стоит отметить, что в Японии крайне низка доля патентных заявок, подаваемых нерезидентами. Это свидетельствует о том, что там созданы благоприятные условия для научно-исследовательской деятельности японцев, но при этом иностранные граждане сталкиваются с рядом проблем.

А в Канаде, например, доля иностранных патентозаявителей за 20 лет почти ни разу не опустилась ниже 90%, что свидетельствует, с одной стороны, о низкой патентной активности канадских граждан и, с другой – о благоприятных условиях работы в Канаде для иностранцев. При этом доля Канады в общемировом числе патентных заявок на протяжении 20 лет составляет 2–3%.

Нельзя не отметить динамику развития китайских патентных заявок. В 1990 г. доля Китая по количеству заявок в мире составляла менее 1,5%. До середины 1990-х годов даже Россия обгоняла Китай по данному показателю производства знаний, однако к концу первого десятилетия XXI века Китай занял уверенное место среди мировых лидеров по количеству патентных заявок, значительно обогнав Европейский Союз, а отставание Китая от Японии составляет менее 2%. Важно отметить, что в Китае, как и в Японии, большее количество заявок подаётся резидентами. Количество китайцев, подавших патентные заявки в 2010 г. уже в 2 раза превосходило совокупное количество заявок, поданных на территории Европейского Союза.

Таблица 2

Доля сайтов в Интернете (%)

Год Расширение:	.net	.com	.jp	.de	.cn	.ru	.edu	.uk	.in	.mil	.gov	.us	.org	.eu
1995	4,52	26,25	2,41	5,28	0,02	0,09	21,25	4,39	0,01	3,38	4,12	1,70	3,04	0,00
2000	25,18	35,14	3,67	2,06	0,09	0,28	7,18	2,24	0,04	2,06	0,89	2,42	1,17	0,00
2004	44,66	18,72	5,77	1,65	0,06	0,30	2,86	1,46	0,05	0,56	0,28	0,82	0,53	0,00
2005	44,28	17,89	6,03	2,17	0,05	0,37	2,56	1,33	0,22	0,52	0,21	0,67	0,41	0,00
2006	42,32	17,46	6,45	2,70	0,05	0,45	2,33	1,38	0,35	0,44	0,17	0,56	0,38	0,00
2007	36,87	17,48	6,81	3,37	2,17	0,58	2,06	1,47	0,47	0,40	0,17	0,40	0,28	0,00
2008	34,50	17,76	6,99	3,96	2,51	0,84	1,90	1,45	0,47	0,39	0,18	0,32	0,22	0,01
2009	33,10	20,19	6,94	3,49	2,08	1,13	1,77	1,37	0,53	0,39	0,22	0,32	0,29	0,02
2010	35,08	19,18	7,13	2,83	1,98	1,35	1,60	0,91	0,59	0,33	0,31	0,28	0,28	0,02
2011	34,94	18,26	7,44	2,37	2,05	1,48	1,47	0,98	0,80	0,35	0,29	0,25	0,25	0,02

Расширение в названии сайта: *net* – сеть; *com* – коммерческий; *mil* – военный; *gov* – правительственный; *org* – некоммерческая организация; *edu* – образовательный. Страновая принадлежность: *jp* – Япония; *de* – ФРГ; *cn* – КНР; *ru* – РФ; *eu* – ЕС; *uk* – Великобритания; *in* – Индия; *us* – США.

Подсчитано по: <http://ftp.isc.org>

Данные табл. 3 дают некоторое представление об информационно-техническом потенциале современных центров силы в системе международных отношений. Более того, на основе этих данных можно судить, что в значительной степени экономический рост современных центров силы был обусловлен информационно-техническим сектором экономики. Однако следует отметить, что важнейшую роль в формировании информационного потенциала государств играет собственно общество, население, которое является основным источником спроса на информационные ресурсы, а также их основным потребителем.

Несмотря на достигнутые успехи, американское руководство обеспокоено состоянием занятости в сфере НИОКР. В 2012 г. Торговая палата США совместно с рядом коммерческих предприятий подготовила доклад [11], в котором, в частности, говорится о том, что за последние 10 лет количество занятых в сфере *STEM*, включающей науку, технологии, инженерию и математику (*STEM: Science, Technology, Engineering and Mathematics*), утроилось. Средний уровень безработицы в стране составляет 8%, а уровень безработицы в областях *STEM* составляет 3,15% для лиц с дипломами докторов наук и 3,4% с дипломами магистров. Учитывая, что, согласно официальным документам, «отсутствие безработицы» составляет 4%, можно констатировать нехватку квалифицированных кадров в областях *STEM*. А по многим специальностям в сфере *STEM* нехватка кадров наблюдается фактически.

Авторы доклада обращают внимание на то, что значительное количество занятых в *STEM*-сфере не являются американскими гражданами (26,1% докторов и 17,7% магистров – иммигранты). Для сравнения, в областях, не связанных со *STEM*-специальностями данные показатели равны соответственно 6,4% и 5,2%.

В этой связи, помощник президента объявил о реформе образования в области *STEM*-специальностей. Предложено потратить из федерального бюджета 3,1 млрд. долл. на различные федеральные программы, направленные на развитие образования в *STEM*-области. Особое беспокойство американского политического руководства вызывает тот факт, что образование по этим специальностям в американских университетах получает много китайцев, которые впоследствии не реализуют эти знания в США, а возвращаются в Китай. Данные по количеству выданных патентов китайским резидентам, представленные в табл. 3, является тому доказательством.

В феврале 2011 г., на встрече президента США с американскими лидерами в области Интернет-технологий, основатель компании «Эппл» (*Apple*) Стив Джобс отметил, что был вынужден перенести производство товаров корпорации в Китай и создать там 700 тыс. рабочих мест по той причине, что не было возможности нанять 300 тыс. инженеров в США [12].

Развитие информационно-технического комплекса КНР идёт не только за счёт закупки иностранных техники и технологий. Китайская информационная техника пользуется колоссальным спросом на мировом рынке. В табл. 4 показаны объёмы двусторонней торговли информационной техникой в 2011 году.

Китай занимает уверенную позицию лидера в экспорте информационной техники вместе с Соединёнными Штатами и Европейским Союзом. На них в совокупности приходится больше половины мировой торговли информационной техникой.

Бурный рост китайского информационного потенциала и его распространение в мире воспринимаются как угрозы национальной безопасности Соединённых Штатов Америки.

Одним из первых заметных сигналов грядущего противостояния США и КНР в информационном пространстве стал конфликт американской корпорации «Гугл» (*Google*) и китайского правительства в январе 2010 г. Под влиянием заметно участвовавших кибератак на серверы «Гугл» в Китае, а также постоянного введения новых технических требований к работе на внутреннем китайском рынке, руководство компании «Гугл» было вынуждено заявить, что уходит с китайского рынка.

Вскоре после этого заявления «Гугл» в скандал вмешалась государственная секретарь США Хиллари Клинтон. Она выступила с жёсткой критикой в отношении китайских властей, заявив: «Американские компании, принимая деловые решения, всё чаще учитывают такой фактор, как свобода Интернета и свобода информации. Надеюсь, что на эту тенденцию обратят внимание их конкуренты и иностранные правительства. Значительный интерес в последнее время вызвала ситуация, связанная с компанией «Гугл», и мы рассчитываем, что власти КНР проведут серьёзное расследование случаев кибератак, побудивших «Гугл» выступить со своим заявлением. Мы также надеемся, что расследование и его результаты будут прозрачными» [20].

Вскоре после этого газета «Вашингтон пост» (*Washington Post*) написала, что на помощь «Гугл» в борьбе с кибератаками призывается Агентство национальной безопасности США. «В соглашении, которое должно было быть подписано, говорится, что Агентство национальной безопасности США будет помогать «Гугл» анализировать основные коммерческие атаки и попытки шпионажа, источниками которых, согласно показаниям сотрудников корпорации, были граждане Китая. Цель заключаемого соглашения – защитить «Гугл» и её пользователей от будущих атак» [18]. Официально эта информация пока не подтверждена, однако моментально последовала реакция американских правозащитников. Директор американского союза по гражданским правам (*ACLU*) Энтони Ромеро призвал всех написать письма руководству «Гугл» с просьбой «не вступать в заговор с АНБ» [26].

Не удивительно, что американское политическое руководство использует элементы «протекционизма» в отношении собственных корпораций. Однако обращает на себя внимание тот факт, что защиту компаний в сфере ИТ обеспечивают американские спецслужбы и вооружённые силы.

Ещё большее беспокойство Соединённых Штатов вызывает развитие информационно-технического потенциала китайских вооружённых сил. Очевидно, что тот ущерб американским компаниям или национальной американской инфраструктуре, который может быть нанесён хакерами-хулиганами или даже организованной группой технических специалистов, не сопоставим с тем, что может сделать специально обученное и натренированное подразделение китайской армии.

Таблица 3

Численность патентозаявителей в Китае, Японии, России, США и ЕС, 1990–2009 гг.

Год		Китай, %	Япония, %	Россия, %	США, %	ЕС, %	Весь мир, %	Весь мир, тысяч	
								резиденты	нерезиденты
1990	Резиденты	0,74	42,41	н.д.	11,55	11,02	68,97		
1990	Нерезиденты	0,55	3,54	н.д.	10,26	5,66	31,03		
1990	Всего	1,29	45,95	н.д.	21,80	16,67	100	541,4	243,6
1995	Резиденты	1,03	34,26	1,80	12,73	9,41	68,28		
1995	Нерезиденты	0,89	3,60	0,71	10,69	3,50	31,72		
1995	Всего	1,92	37,86	2,51	23,42	12,91	100	665,1	309,0
2000	Резиденты	1,99	30,21	1,84	12,96	9,35	64,79		
2000	Нерезиденты	2,09	2,78	0,70	10,31	3,66	35,21		
2000	Всего	4,08	32,99	2,54	23,27	13,01	100	824,0	447,8
2005	Резиденты	6,01	23,66	1,52	13,36	6,51	62,03		
2005	Нерезиденты	5,13	3,80	0,55	11,76	2,12	37,97		
2005	Всего	11,14	27,46	2,07	25,12	8,63	100	964,8	590,7
2009	Резиденты	13,62	17,56	1,52	13,38	6,56	63,06		
2009	Нерезиденты	5,09	3,17	0,77	13,75	1,37	36,94		
2009	Всего	18,71	20,73	2,29	27,12	7,93	100	1 060,3	621,2

World Bank. World Development Indicators 2012.

Таблица 4

**Объёмы двустороннего экспорта информационных технологий
в 2011 г., млн. долл.**

	Китай	Япония	Россия	США	АСЕАН	ЕС	Весь мир
Китай		19 375,4	103,1	9 212,7	36 231,4	6 563,1	244 615,4
Япония	29 906,0		1,8	4 706,8	17 921,4	2 203,3	73 400,7
Россия	4 852,7	363,7		318,3	315,3	9 454,5	18 153,9
США	105 455,5	9 507,0	23,1		24 617,8	12 514,3	254 376,2
АСЕАН	31 354,0	13 808,3	65,5	16 865,0	50 656,0	11 038,6	169 754,4
ЕС	106 397,9	8 491,2	204,3	17 532,2	28 048,5	227 427,4	435 950,2
Весь мир	508 012,2	75 966,1	1 226,8	140 567,6	239 625,2	334 393,7	1 803 017,0

UNCTAD, UNCTADstat <http://unctadstat.unctad.org>

Проблема милитаризации информационного пространства давно является приоритетным направлением международного права. Различные американские источники регулярно публикуют разведданные о военном китайском потенциале в области информационных войн.

Основная дискуссия международных экспертов разворачивается вокруг вопроса о том, в какой степени можно считать информационные ресурсы частью государственного суверенитета и в какой степени можно применить международное военное право в отношении использования информационного оружия.

По этой причине киберугрозы, исходящие именно от вооружённых сил государств, воспринимаются Соединёнными Штатами как наиболее серьёзные. Согласно многочисленным оценкам американской разведки, именно китайские и российские киберугрозы являются наиболее серьёзными для национальной безопасности США.

В докладе корпорации «Нортроп Грумман» (*Northrop Grumman*), выполненном по заказу Американо-китайской комиссии по экономике и безопасности (*US-China Economic and Security Review Commission*) отмечается, в частности, что в доктринальном документе «Военно-стратегические рекомендации» для китайских вооружённых сил по долгосрочному развитию и модернизации китайской армии хотя и нет прямого указания о разработке техники и технологий информационных войн, однако ряд формулировок даёт основания полагать, что «информатизация вооружённых сил» [16] является стратегическим направлением развития китайской военной машины.

Учитывая, что экономика Китая всё в большей степени становится зависимой от информационной инфраструктуры, нет ничего удивительного в том, что китайские вооружённые силы стремятся обеспечить безопасность в киберпространстве. Но беспокойство Соединённых Штатов вызывает разработка наступательных информационных средств.

В 2010 г. в вооружённых силах КНР была создана База информационной безопасности – подразделение, отвечающее за координацию и контроль за проведением компьютерных сетевых операций.

Согласно оценке военной разведки Соединённых Штатов, возможности кибероружия могут быть востребованы китайскими вооружёнными силами в

трёх случаях: во-первых, для сбора разведданных в целях проведения компьютерных атак; во-вторых, для сдерживания действий или для нарушения процесса принятия решения посредством поражения информационно-телекоммуникационной инфраструктуры противника. В третьих, для использования кибероружия в качестве инструмента, дополняющего традиционные военные возможности КНР [4, р. 36].

Вместе с тем, все американские источники, предоставляющие информацию о китайском информационном военном потенциале, отмечают, что данная информация носит секретный характер, а детали развития китайского информационного наступательного потенциала не отражены даже в стратегических доктринальных документах.

Большой интерес представляют материалы компании «Мандиант», которая по заказу Министерства обороны США расследовала многочисленные инциденты проникновения в военные информационные сети. В докладах «Мандиант» утверждается, что компания при помощи специальных инструментов определила источник многочисленных информационных атак на сети Министерства обороны и что именно этот источник является секретным подразделением китайской армии, сотрудники которого атакуют Соединённые Штаты в киберпространстве.

Авторы доклада называют его «подразделение 61398». По оценке «Мандиант», это подразделение располагается в 12-этажном здании в Шанхае общей площадью 130663 кв. футов (более 1200 кв. м), построенном в начале 2007 г. Численность подразделения составляет от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Компания «Чайна телеком» (*China Telecom*) предоставляет специальное оптоволоконное соединение с Интернетом. Каждый сотрудник должен быть экспертом по информационной безопасности, а также владеть английским языком [8]. Авторы доклада утверждают, что «подразделение 61398» является аналогом американского киберкомандования, созданного в 2010 году.

Учитывая вышесказанное, более чем логичными представляются появляющиеся данные о различных актах промышленного шпионажа и кражах конфиденциальной, коммерческой информации, а порой даже и государственных тайн.

В мае 2013 г. американское общество было потрясено публикацией в «Вашингтон пост», где говорилось об утечке критической информации о новейших разработках в области вооружений из десятков различных американских компаний ВПК. Среди украденных секретов оказались военные разработки региональной противоракетной обороны в Азии, Европе и Персидском заливе, система *THAAD*, системы ПРО «Патриот» и «Иджис». Кроме того, украденными оказались секреты таких критически важных технологий, как *F/A-18 Fighter Jet*, *the V-22 Osprey*, *the Black Hawk Helicopter* and *the Navy's new Littoral Combat Ship*, *the F-35 Joint Strike Fighter* [14]. «Неизвестный сотрудник Министерства обороны США оценил кражу в миллиарды долларов преимущества китайской армии, заявив, что в результате произошедшей утечки КНР сэкономила 25 лет НИОКР» [14].

Противодействие китайским киберугрозам

В определённой степени деятельность в киберпространстве может осуществляться анонимно. Определить источник атаки не всегда представляется возможным. В случае с китайской киберугрозой принципиальное значение для Соединённых Штатов имеет определение источника угрозы: была ли атака инициирована негосударственными акторами или органами государственного управления.

Как представляется, в течение долгого времени Соединённые Штаты воспринимали китайские киберугрозы как негосударственные. Об этом свидетельствует тот факт, что на разных дипломатических уровнях американское руководство призывало китайские власти принять меры по обеспечению кибербезопасности и наказать виновных в атаках на США.

Однако, как представляется, в конце 2012 – начале 2013 г. риторика изменилась, американское руководство стало воспринимать китайские кибератаки как действия, выполняемые по приказу китайского военного командования.

В настоящее время ещё не понятно, какие ответные действия планируют Соединённые Штаты на китайские киберугрозы. Согласно американской информационной доктрине, США для противодействия кибератакам оставляют за собой право применять любые средства (военные, экономические, дипломатические, политические).

Так, в частности, помощник президента США по национальной безопасности Т. Донилон в марте 2013 г. в своём выступлении в Азиатском обществе Нью-Йорка заявил, что «проблема кибербезопасности стала серьёзной проблемой в двусторонних американо-китайских отношениях. США сделают всё возможное для защиты национальных сетей, критических инфраструктур и частной собственности, представляющей большую ценность. США ожидают от КНР действий в трёх направлениях: во-первых, признания приоритетности решения проблем кибербезопасности и рисков, которые возникают в результате промышленного шпионажа и экономической разведки; во-вторых, Пекин должен провести расследование кибератак на американские сети, чтобы положить конец непрекращающимся кибератакам; и, в-третьих, США рассчитывают на конструктивный диалог с китайскими властями, направленный на установление взаимовыгодных норм поведения в киберпространстве» [19].

Кроме того, как представляется, Соединённые Штаты будут максимально использовать свой информационный оборонный потенциал. В подобных случаях как раз и призвано действовать созданное в 2010 г. киберкомандование.

В целях предотвращения китайских кибератак на информационные сети органов государственного управления Соединённых Штатов в 2013 г. был принят закон, запрещающий федеральным ведомствам Соединённых Штатов приобретать информационные технику и технологии китайского производства.

В этой связи, особо следует отметить, что президент Обама в послании «О состоянии в государстве» в 2013 г. с гордостью заявил, что корпорация «Эппл» переводит производство из Китая обратно в Соединённые Штаты. Важно подчеркнуть, что смартфоны *iPhone* и планшетные компьютеры *iPad* фирмы «Эппл» широко востребованы в американских вооружённых силах.

Соединённые Штаты ведут достаточно активную внешнеполитическую деятельность, направленную на укрепление сотрудничества по вопросам кибербезопасности со своими ключевыми военно-политическими союзниками. Вопросы кибербезопасности были включены в ряд международно-правовых договоров, посвящённых коллективной безопасности, в частности, в договор АНЗЮС. В официальном совместном заявлении, подписанном 15 сентября 2011 г. министрами обороны и иностранных дел США и Австралии, говорится, что «в случае кибератак, угрожающих территориальной целостности, политической независимости или безопасности любого из государств, Австралия и Соединённые Штаты проведут совместные консультации и выработают адекватные меры по противодействию угрозе» [17].

Особый интерес в данном контексте вызывает активизация усилий в области кибербезопасности в рамках Организации Североатлантического договора. Доктринально стратегия НАТО в области кибербезопасности была закреплена в Стратегической концепции обороны и безопасности членов Североатлантического договора [24], а также в декларации, подписанной по итогам лиссабонского саммита в ноябре 2010 г. [13]. В июне 2011 г. в НАТО была принята доктрина кибербезопасности, которая широкой публике на данный момент недоступна. Кроме того, в рамках НАТО создаются административные и организационные структуры, в функции которых входит обеспечение коллективной кибербезопасности.

В середине июня 2010 г. в Таллине прошла первая международная конференция «Киберконфликт-2010», организованная НАТО. Примечательно, что именно Эстония настаивала на создании в рамках НАТО института противодействия киберугрозам после скандала, в ходе которого Россия была обвинена в организации массированных кибератак против эстонских государственных информационных систем.

Особого внимания заслуживает появившийся в марте 2013 г. документ «Таллинское пособие по международно-правовому регулированию кибервойны» [25]. Документ затрагивает самые сложные вопросы относительно использования киберинструментов в вооружённых действиях. Авторами пособия была проделана колоссальная работа по изучению норм международного права, регламентирующих использование информационной техники вооружёнными силами. Особый интерес представляет попытка интерпретировать транснациональные информационные атаки как нарушение государственного суверенитета, т.е. фактически как условие для применения пятой статьи Североатлантического договора.

Так, авторы пособия утверждают, что суверенитет государства распространяется на киберинфраструктуру, находящуюся на его территории. «Киберинфраструктура является субъектом государственного правового регулирования, и, соответственно, на все её элементы распространяется государственный суверенитет, независимо от того, находится она в частной или государственной собственности. Кибератака одного государства, направленная на поражение информационной инфраструктуры другого, определённо является нарушением суверенитета последнего» [25]. Публикация пособия спровоцировала острую дискуссию в экспертном сообществе. Можно предположить, что в во-

енных кругах некоторых стран активно лоббируется идея создания военно-политических коалиций для сотрудничества в области кибербезопасности.

В настоящее время пока неясным остаётся вопрос о том, насколько совпадают взгляды американского и натовского руководства относительно стратегии кибербезопасности. Очевидно, что проблемы военной политики приобретают всё большее значение среди вопросов международного регулирования информационного пространства.

В случае если мировые лидеры согласятся с тем, что кибератаки являются актом войны, в отношении Китая может быть применена пятая статья Северо-атлантического договора.

Заключение

В формирующемся полицентричном мире, в условиях появления в системе международных отношений различных акторов, назревает противостояние США и Китая, в том числе в такой «новой» области, как киберпространство.

Это противостояние имеет стратегическое значение и в значительной степени непредсказуемо. В отличие от сценария гонки вооружений времён «холодной войны», развитие кибервооружений предсказать труднее. Из всех существующих государственных участников международных отношений, судя по всему, именно Китай и США станут основными лидерами кибервооружений. Последствия эскалации киберконфликта также непредсказуемы.

В своей последней книге «О Китае» Генри Киссинджер отметил, что «если Соединённые Штаты будут рассматривать каждый шаг в развитии китайской военной мощи как враждебный, они быстро окажутся втянутыми в бесконечную серию споров по поводу неких тайных замыслов. Но Китай, исходя из собственной истории, должен осознавать невидимую грань между наступательными и оборонительными возможностями и видеть последствия ничем не ограниченной гонки вооружений» [2, с. 572–573]. Как представляется, классик американской дипломатии говорил, в том числе, и о перспективах гонки кибервооружений между Соединёнными Штатами и Китаем.

Конфликт США и Китая в данной области также нашёл выражение на конференции Международного союза электросвязи в Дубае в декабре 2012 г., Китай принял сторону России и подписал новый регламент по управлению Интернетом. Это вызвало серьёзную озабоченность американских властей.

И США, и Китай имеют немало союзников в киберпространстве. В этой связи особое место занимает Россия и многочисленные инициативы российских дипломатов. В частности, Россия и Китай являются участниками предложенной Российской Федерацией Конвенции по международной информационной безопасности.

Проблема отражения китайских киберугроз национальной безопасности Соединённых Штатов осложняется также и тем, что у США и Китая практически нет общих дипломатических площадок для обсуждения этих вопросов.

Фактически первая американо-китайская встреча на высшем уровне, на которой поднимались вопросы кибербезопасности, состоялась в начале июня 2013 г. в США. Президент Б. Обама начал встречу с Си Цзиньпином с обсуж-

дения вопросов кибербезопасности в рамках американо-китайского «Стратегического диалога по экономике и безопасности». На пресс-конференции Б. Обамы, состоявшейся после встречи с китайским руководством, американский президент заявил, что была достигнута договорённость с Китаем о необходимости выработки общих подходов по вопросам кибербезопасности [18]. Президент Китая также заявил, что китайские власти обеспокоены проблемами кибербезопасности.

Список литературы

1. *Бжезинский Зб.* Ещё один шанс: три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения, 2010. С. 177.
2. *Киссинджер Г.* О Китае. М.: Астрель, 2013. С. 572–573.
3. *Примаков Е.* Мир без России. К чему ведёт политическая близорукость. М.: Российская газета, 2009. С. 24.
4. Annual Report to Congress on Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2013. Office of the Secretary of Defense 2013. P. 36.
5. Annual Threat Assessment of the Director of National Intelligence for the Senate Select Committee on Intelligence 5 February 2008 J. Michael McConnell, Director of National Intelligence (<http://www.intelligence.senate.gov/080205/mcconnell.pdf>).
6. Annual Threat Assessment of the Intelligence Community for the Senate Select Committee on Intelligence Dennis C. Blair, Director of National Intelligence. 12.02.2009 (<http://www.intelligence.senate.gov/090212/blair.pdf>).
7. Annual Threat Assessment of the US Intelligence Community for the Senate Select Committee on Intelligence Dennis C. Blair, Director of National Intelligence. 2.02.2010 (<http://www.intelligence.senate.gov/100202/blair.pdf>).
8. APT1 (Advanced Persistent Threat 1) Exposing One of China's Cyber Espionage Units. Mandiant. Report. August 2013 (www.mandiant.com).
9. Attorney General Janet Reno Cybercrime Summit: A Law Enforcement/Information Technology Industry Dialogue on Prevention, Detection, Investigation and Cooperation. Stanford University Law School, California. 5.04.2000.
10. China's New Domain Names: Lost in Translation. 28.02.2006. Rebecca MacKinnon CircleID (http://www.circleid.com/posts/chinas_new_domain_names_lost_in_translation/).
11. Help Wanted: The Role of Foreign Workers in the Innovation Economy. New American Economy, Information Technology Industry Council and U.S. Chamber of Commerce. November 2012.
12. *Isaacson W.* Steve Jobs. Simon and Schuster, 2011.
13. Lisbon Summit Declaration, issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council. Lisbon. 20.11.2010.
14. *Nakashima E.* Confidential Report Lists U.S. Weapons System Designs Compromised by Chinese Cyberspies // The Washington Post. 29.05.2013.
15. *Nakashima E.* Google to Enlist NSA to Help It Ward off Cyberattacks // The Washington Post. 4.02.2010 (http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/02/03/AR2010020304057_pf.html).
16. Occupying the Information High Ground: Chinese Capabilities for Computer Network Operations and Cyber Espionage Prepared for the U.S.-China Economic and Security

Review Commission by Northrop Grumman Corp. Bryan Krekel, Patton Adams, George Bakos. 7.04.2012. P. 14.

17. Panetta: Regional Defense, Cyber Highlight AUSMIN Talks by Cheryl Pellerin American Forces Press Service
(<http://www.defense.gov/news/newsarticle.aspx?id=65337>).

18. Remarks by President Obama and President Xi Jinping of the People's Republic of China after Bilateral Meeting Sunnylands Retreat Rancho Mirage. California 8.06.2013
(<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/08/remarks-president-obama-and-president-xi-jinping-peoples-republic-china->).

19. Remarks by Tom Donilon, National Security Advisor to the President: The United States and the Asia-Pacific in 2013. The Asia Society. New York, New York. 11.03.2013
(<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/03/11/remarks-tom-donilon-national-security-advisory-president-united-states-a>).

20. Remarks on Internet Freedom; Secretary of State Hillary Rodham Clinton. The Newseum. Washington, DC. 21.01.2010
(<http://www.state.gov/documents/organization/135878.pdf>).

21. Robert S. Mueller, III Director Federal Bureau of Investigation before the Select Committee on Intelligence of the United States Senate. 11.01.2007
(<http://www.intelligence.senate.gov/070111/mueller.pdf>).

22. Statement for the Record on the Worldwide Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community for the Senate Select Committee in Intelligence. James R. Clapper, Director of National Intelligence. 19.02.2011
(<http://www.intelligence.senate.gov/110216/dni.pdf>).

23. Statement for the Record Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community Senate Select Committee on Intelligence James R. Clapper, Director of National Intelligence. 12.03.2013 (<http://www.intelligence.senate.gov/130312/clapper.pdf>). 23

24. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation adopted by Heads of State and Government. Lisbon. 19.11.2010.

25. Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare / Prepared by the International Group of Experts at the Invitation of the NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. General Editor Michael N. Schmitt. Cambridge University Press, 2013. P. 25.

26. Tell Google not to Enter into Agreement with NSA
(<http://www.aclu.org/blog/national-security-technology-and-liberty/tell-google-not-enter-agreement-nsa>).

27. Unclassified Statement for the Record on the Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community for the Senate Select Committee in Intelligence. James R. Clapper, Director of National Intelligence. 31.01.2012
(<http://www.intelligence.senate.gov/120131/clapper.pdf>).

28. <http://ftp.isc.org>

РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПОСТУЛАТОВ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ США: КОНСЕРВАТИВНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ 2008–2011 гг.

© 2013 г. **М.А. Алхименков***
Институт США и Канады РАН, Москва

В статье рассматривается развитие идеологической платформы Республиканской партии после 2008 г. Находясь в оппозиции к администрации Обамы и пытаясь сохранить лидерство США в мире, республиканцы всё больше обращаются к религиозному консерватизму и стремятся объединить верующую часть избирателей вокруг своей партии. Идеалом для правых политиков и их электората по-прежнему является Р. Рейган с его ультраконсервативными взглядами. Роль религии и влияние «правых христиан» внутри Республиканской партии постепенно становятся определяющими.

Ключевые слова: Республиканская партия США, «христианские правые», американский мессианизм, внешнеполитический реализм и идеализм, выборы президента США – 2012, Конгресс 112-го созыва, религиозное лобби.

Моральные ценности – неотъемлемый элемент общественной и политической жизни США. Решения политиков, отражающие национальную этику и мораль, способны гораздо быстрее завоевать сердца избирателей. При этом моральные ценности носят подчас самый различный характер, варьируясь от возведения в абсолют индивидуальной свободы человека до следования пуританской логике «града Божьего на Холме». Однако, пожалуй, главный источник национальных ценностей это религия. Политик в США не может обходить её стороной. Он должен выглядеть в глазах избирателей человеком достойным с точки зрения морали и потому, зачастую, в своей деятельности отталкивается от религиозных принципов. Особенно это важно для политиков правого политического спектра, преимущественно представителей Республиканской партии.

Отношение к религии – один из ключевых разграничителей между двумя флангами политической элиты США. Эта грань особенно актуальна сейчас. Победа Демократической партии и светского либерала Б. Обамы на президентских выборах 2008 и 2012 гг. обозначила своеобразный ценностный рубеж, разделив две главные партии не только по политическим и экономическим принципам, но и по взглядам на религию и глобальную роль Соединённых Штатов. Оба аспекта

* АЛХИМЕНКОВ Михаил Александрович – младший научный сотрудник Института США и Канады РАН. E-mail: Alkhimenkov@yandex.ru

взаимосвязаны, поскольку религиозно-мессианское обоснование первенства США в мире почти исчезло в риторике и политике демократов. Для республиканцев же религиозный компонент стал даже более значимым.

Идейное размежевание также отразилось на сфере внешней политики. Поэтому роль религии в мировосприятии стремящихся к реваншу правых, которые всё сильнее заявляют о себе в стане республиканцев, требует отдельного рассмотрения.

Религия как основа идеологии современных американских правых

Интересна роль религии в формировании идеологии двух доминирующих партий и американского истеблишмента в целом. Демократы, особенно в последние десятилетия, стали менее религиозны и чаще всего отталкиваются от либеральных течений протестантизма; кроме того, исторически к ним всегда примыкали представители католической общины, а также все те, кто не разделял традиционный протестантский взгляд на мир.

Для Республиканской партии напротив, в большей степени характерен религиозный консерватизм. Республиканцы, экспериментировавшие с политическим реализмом во внешней политике в первой половине 1970-х годов, в начале 2000-х годов вернулись к религиозному мировосприятию и сегодня претендуют на то, чтобы продолжать американский исторический мессианский проект, появившийся в Северной Америке в начале XVII века, ещё с первыми кораблями переселенцев-пилигримов.

Актуальным историческим «водоразделом» для отношения партий к религии следует назвать период с середины 1970-х по начало 1980-х годов. Именно в это время сошли с политического олимпа последний видный республиканец-прогрессист президент Никсон и консервативный демократ президент Картер. В сфере внешней политики тогда же закончился период советско-американской разрядки времён прагматичного реалиста республиканца Генри Киссинджера и настроенного на доминирование США в мире демократа Збигнева Бжезинского. Параллельный рост влияния протестантов-евангелистов во главе с проповедником Джерри Фолуэллом и окончательное оформление «неоконсерватизма» как правоконсервативной идеологии, благодаря одному из его отцов-основателей Ирвингу Кристоу, быстро подтолкнули республиканцев к религиозному мессианству.

Так, они выдвинули ультраконсерватора Рональда Рейгана. Его отношение к внешнему миру пронизывала эсхатологическая, вдохновлённая апокалиптическими идеями протестантская мораль. Эпоха Рейгана закрепила консервативный, во многом фундаменталистский, политический идеал «Великой старой партии». Российский американист В.Н. Гарбузов отметил роль «новых правых христиан» в этом процессе: «Существенным идейным компонентом рейганизма было почтение (с явным оттенком популизма) к нормам морали и религии, приводившее порой к показному *морализму* его адептов. Источником и опорой этого морализма были так называемые новые христианские правые» [5, с. 171].

Поэтому начиная с 1980-х годов само наличие идейного акцента на религиозных ценностях является индикатором различий между двумя партиями. Если демократы в последние десятилетия твёрдо придерживаются либеральных, временами близких по духу к атеистическим, взглядов на мир (разумеется, формально не порывая с религией), то для республиканцев, особенно правых консерваторов, характерна апелляция к вопросам веры и морали. К этому добавляются их ультра-патриотичность и выраженный милитаризм. Такая тенденция гегемонизма была присуща не только Р. Рейгану и Дж. Бушу-мл. с их администрациями, но и большинству республиканских избирателей.

При этом было бы преувеличением полагать, что между политическими «правыми» (или, тем более, «правыми христианами») и Республиканской партией установился знак равенства. В партии есть и куда более умеренные в плане религиозного мессианства люди. Среди них такие разные политики, как экс-мэр Нью-Йорка бизнесмен Рудольф Джулиани, глава внешнеполитического комитета Палаты представителей Илеана Рос-Лехтинен или бывший конгрессмен от Техаса Рон Пол. Религиозность республиканцев – вещь не абсолютная и характерна она, прежде всего, для «христианских правых».

Однако важно то, что влияние последних в партии росло в течение 40 лет и ещё больше упрочилось после 2008 г. В настоящий момент именно правая идеология – главное идейное течение, своеобразный «мейнстрим» среди республиканцев, а 40-й президент США Рональд Рейган до сих пор служит образцом для партии, в том числе и в сфере внешней политики.

Поражение от демократов на выборах в обе ветви власти в 2008 г. лишь ускорило поправление республиканцев. Это неудивительно, если взглянуть на электоральную статистику. «Сторонники Республиканской партии чаще, чем демократы, посещают церковь, – согласно данным нового опроса общественного мнения, проведённого Институтом Гэллапа. – Если участие республиканцев в церковной жизни носит регулярный характер, то большинство демократов, напротив, редко или вообще никогда не ходят в церковь. В процессе проведённого социологического исследования выяснилось, что 43% тех, кто идентифицирует себя в качестве приверженцев Республиканской партии, еженедельно посещают церковные службы. Ещё 20% сторонников республиканцев бывают в храме, по крайней мере, ежемесячно. Для сравнения можно привести такие цифры: 33% всех граждан США посещают церковь еженедельно и 20% – ежемесячно. Среди демократов эти показатели ниже средних для всего населения США: 27% бывают на богослужении еженедельно и 20% – ежемесячно. При этом 52% демократов (т.е. большинство) утверждают, что они крайне редко или никогда не посещают церковь» [10]. Таким образом политическое разделение основано во многом на ценностных идеалах политиков и их избирателей. Биполярное отношение к религии всё больше совпадает с биполярной партийной системой США.

Будучи в оппозиции Белому дому и играя в 2008–2010 гг. роль меньшинства в Конгрессе, республиканцы с негодованием восприняли изменения во внешней политике США. Их недовольство особенно остро проявилось на фоне финансово-экономического кризиса и угрозы доминированию доллара в каче-

стве глобальной резервной валюты, т.е. в целом положению США в роли мирового гегемона. «Перезагрузка» отношений с Россией, сворачивание гегемонистской внешней политики «неоконов» и неготовность администрации демократов к жёстким действиям в отношении Ирана – эти и другие шаги выглядят в глазах правых проявлением слабости, постепенным демонтажем «Американского мира» и отказом от исполнения Соединёнными Штатами «назначенной им Богом миссии».

И неудивительно, ведь по взглядам правые избиратели и политики, скажем, сенаторы Джон Маккейн или Рик Санторум (уже покинувший Сенат Конгресса) – своего рода консервативные идеалисты. Для них суть того или иного государственного режима (с точки зрения не только доктрины прав человека, но и христианской этики или даже эсхатологии) имеет основополагающее значение. США в их глазах должны оставаться непререкаемым мировым лидером, преодолевающим любые трудности, в том числе военно-политическими методами.

Реализм и идеализм в современной внешней политике США в контексте религиозной идеологии

В то же время нынешняя демократическая администрация исповедует внешнеполитический реализм, пусть и в либеральном ключе. Демократы довольно скептически относятся как к религиозному мировосприятию, так и к возможности поддержания мировой гегемонии США. В значительной степени это традиционно и для американского дипломатического корпуса, в котором видную роль играет либеральная элита Восточного побережья, далёкая от христианского мессианизма. Администрация Обамы и демократы в целом, осознав ограниченность возможностей США в современном мире, выступают за постепенное сворачивание единоличного американского лидерства и перенос акцентов на многостороннюю дипломатию, укрепление партнёрства с заинтересованными государствами для совместного решения международных проблем.

Для правых такой подход глубоко непатриотичен. Забвение неовильсоновских идеалов, «глобального продвижения демократии» времён Дж. Буша-мл. для них обидно и даже аморально. Но их подход, близкий историческим американским ценностям, далёк от традиций американской дипломатии.

Серьёзно влияя на общественную и духовную жизнь США, религия не всегда была важным политическим, а уж тем более внешнеполитическим фактором. Ортодоксальные идеи воспринимались дипломатами из Госдепартамента весьма прохладно. Дж. Локонте отмечает: «Одной из установок американского внешнеполитического истеблишмента, укоренённой в Госдепартаменте как минимум в течение одного поколения, является то, что религия – враг рациональной дипломатии. Согласно этому посылу, всё что имеет отношение к религиозной вере должно тщательно контролироваться или считаться неподходящим: вера не может играть конструктивной роли в достижении внешнеполитических целей» [24].

Современные демократы становятся либеральными реалистами, прагматично подходя к внешнеполитическим вопросам, будь то израильско-палестин-

ский и ирано-израильский конфликты, отношения с Китаем или с постсоветским пространством. По мнению того же Дж. Локонте, президент Обама осуществил лишь символические шаги (наподобие учреждения дипломатического поста по продвижению религиозной свободы) в сторону тех, кто выступает против чисто прагматичного, секуляристского внешнеполитического образа мышления [24].

На фоне внешнеполитического прагматизма демократов современные республиканцы словно цепляются за прошлое, стремясь сохранить ещё недавно столь сильный неоконсервативный дух. Совпадение идеи гегемонии и веры неслучайно, ведь правый мессианизм предполагает активную борьбу «за устранение зла в мире», в том числе внешнеполитическими методами, включая применение военной силы. В. Крашенинникова пишет, что американский протестантизм подразумевает фундаментальную оппозицию добра к злу, правоты к неправоте. Космология пуританства не несёт в себе никаких оттенков, в ней есть только сражение между Светом и Тьмой [7, с. 139]. Соответственно, и во внешнеполитической платформе республиканцев 2012 г. отразилось характерное для периода 2000–2008 гг. деление стран и режимов на «хорошие» и «плохие». С уверенностью можно сказать, что религиозный фундаментализм играет сейчас важную роль во внешнеполитических идеалах республиканцев.

Конгресс 112-го созыва и религия

Промежуточные выборы в Конгресс, прошедшие в ноябре 2010 г., стали ярким примером изменений в политических предпочтениях религиозно настроенных кругов американского общества. Голосование показало, что не только республиканцы склоняются к религии, но и религиозные избиратели предпочитают республиканцев. Исследования американских аналитиков свидетельствовали: «Две группы, из числа самых крупных религиозных страт среди избирателей, показали в ходе выборов 2010 г. в Палату представителей схожие предпочтения с теми, что были продемонстрированы ими на предыдущих выборах. Белые протестанты голосовали преимущественно за республиканцев, а избиратели, не связанные с какой-либо религиозной группой, отдали свои голоса, в основном, в пользу демократов. Но католические избиратели, которые поддерживали демократов с двузначным преимуществом в течение двух последних выборов в Конгресс, в 2010 г. переметнулись к "Великой старой партии". И внутри этих ключевых религиозных групп поддержка Республиканской партии выросла в сравнении с 2006 г., фактически достигнув или превзойдя уровень любых недавних выборов. Голоса, полученные республиканцами среди религиозных избирателей, сравнимы с тем, что партия получила среди всего электората и, в особенности, среди белых американцев» [27, р.]. В итоге мы видим отражение тенденции к смещению политических предпочтений религиозного электората «вправо», что немаловажно, так как это коснулось католиков, многие из которых оказались недовольны либерализмом демократов и лично Б. Обамы.

Нынешнее влияние «правых христиан» получило вполне ощутимую социальную базу. Автор газеты «Лос-Анджелес таймс» М. Ландсберг пишет: «Ра-

бочий класс верит в Бога, или хотя бы в религиозную принадлежность. Каждый третий трудящийся и более характеризует себя как протестанта-евангелиста и около 40% разделились между католиками и “мейнстримовскими протестантами”. Белые представители из рабочего класса более чем в два раза в сравнении с аналогичными показателями для белых американцев, закончивших колледж, верят в то, что Библия в буквальном смысле “слово Божье”» [22]. Это, без сомнения, делает их потенциальными сторонниками «правых христиан» (прежде всего, представителей евангелистских церквей), а следовательно, склоняет поддерживать республиканцев. Для последних такой расклад немаловажен, учитывая весьма неблагоприятную для них этнодемографическую динамику: не секрет, что увеличивающие свою долю в населении США мигранты из Латинской Америки и афроамериканцы куда охотней поддерживают демократов.

Очевидно, что влияние правых в стане Республиканской партии растёт во многом снизу. Широкие протестантские слои смещаются в сторону евангелизма, в то время как «мейнстримовские» ветви американского протестантизма теряют влияние в обществе. В ответ республиканцы закономерно усиливают консервативный религиозный аспект своей идеологии. Связь этих социальных и политических процессов убыстряется ввиду широкой критики в адрес администрации Обамы.

После выборов 2010 г. Республиканская партия серьёзно укрепила своё положение в законодательной ветви власти. При этом с точки зрения религиозной принадлежности конгрессменов особых изменений не произошло. Как говорится в аналитической справке Конгресса «многие аналитики описывали выборы 2010 г. как смену политической конъюнктуры вместе с получением республиканцами контроля над Палатой представителей и сокращением демократического большинства в Сенате. Но эта политическая перестройка не слишком повлияла на религиозный состав законодательного собрания, который оказался почти таким же, как и в палатах предыдущего созыва» [18].

Действительно, согласно аналитическому отчёту «Пью рिसёрч сентр», Конгресс 112-го созыва состоял по большей части из протестантов, прежде всего, баптистов и методистов (как и в целом по стране), а также на четверть – из католиков. Религиозный состав законодательного собрания оказался весьма любопытен. Помимо протестантов и католиков в нём присутствуют 39 иудеев и 15 мормонов. Есть также мусульмане, буддисты и квакеры, но нет ни одного пятидесятника, индуиста, анабаптиста или свидетеля Иеговы [15]. Нет в нём и тех, кто не соотносит себя с каким-либо вероисповеданием: американскому политику трудно завоевать симпатии избирателей без учёта морального фактора и религиозной принадлежности. Обращают на себя внимание те деноминации, процент которых среди законодателей выше, чем в целом по США. «Несколько религиозных групп, имеющихся в стране, – говорится в отчёте, – включая членов Епископальной церкви, пресвитериан и иудеев, шире представлены в Конгрессе, нежели в общей структуре населения» [15]. Эти церкви влиятельны в верхних эшелонах власти. Здесь стоит вспомнить главу внешнеполитического комитета Палаты пред-

ставителей Илеану Рос-Лехтинен, которая входит в традиционно считающуюся элитной епископальную церковь США, являясь также другом церкви сайентологии [12]. Данный факт говорит о том, что некоторые видные республиканские политики всё-таки придерживаются более либеральной ориентации и не относят себя к религиозным консерваторам.

Основной же реципиент консервативных религиозных идей – правые республиканцы. Именно их усиление в партии симптоматично. Однако это происходит в первую очередь на уровне идеологии Республиканской партии, пока не сказываясь особо на структуре религиозной принадлежности законодателей.

Религиозная структура Конгресса связана с внешней политикой США. Например, она формирует основу для такого явления, как религиозное лобби. Данные американских исследователей показывают устойчивую тенденцию к его росту: «Число организаций, вовлечённых в процесс лоббирования на почве защиты религии и прав человека в вопросах, с ней связанных, возросло в Вашингтоне приблизительно в пять раз за последние четыре десятилетия. В 1970 г. таких организованных групп было менее 40, сейчас – более 200. В них занята, по меньшей мере, тысяча человек, работающих в самом Вашингтоне. Ежегодные траты на усилия, связанные с воздействием на национальную политику, составляют, не менее 350 млн. долл. В целом, группы по защите религиозных интересов сталкиваются примерно с 300 различными политическими вопросами. В течение большей части прошлого столетия они были сосредоточены, главным образом, на внутренних делах США. Однако сегодня на международной сфере сконцентрировано примерно столько же групп, сколько на сугубо внутренних делах. При этом две трети религиозных лоббистских организаций занимаются и тем, и другим» [23].

Таким образом, общественно-политическая роль религиозного лобби довольно значима. В качестве примера среди относительно молодых структур такого рода можно привести ААХЛ – Американскую ассоциацию христианских лоббистов (*The American Christian Lobbyists Association*). На официальном сайте организации сообщается: «ААХЛ была основана в июле 2004 г., чтобы поощрять политически активные консервативные семьи, отдельных личностей, деловых людей, церкви и организации к участию в законодательном процессе и помогать им повышать значение своего голоса в период до президентских выборов 6 ноября 2012 года» [29].

Подчас влияние религиозного лобби проявляется вполне открыто. Многие события за пределами США не проходят незамеченными для американских религиозных деятелей. Например, их заботит вопрос прав человека в России. Как писалось в документе, «представители девяти религиозных организаций США выступили в поддержку закона Магнитского, предусматривающего визовые и финансовые ограничения в отношении ряда российских чиновников. В направленном в Конгресс США письме девяти религиозных организаций говорится, что принятие этого закона будет способствовать предотвращению репрессий в отношении борцов за религиозные свободы» [6]. В этой связи стоит отметить и такую тенденцию как рост внимания религиозных структур США к гуманитарным аспектам внешней политики Вашингтона. Это особен-

но характерно для евангелистов, являющихся электоральной опорой Республиканской партии.

Другой пример лоббизма такого рода (по сообщениям СМИ, 20 июля 2011 г.): «Комитет по иностранным делам Палаты представителей рассмотрел резолюцию, призывающую власти Турции вернуть христианским общинам страны, в частности армянской, греческой и ассирийской, захваченные церкви, монастыри и другие духовные институты». Автором документа, как сообщается, стал конгрессмен-республиканец от Калифорнии Эдвард Ройс, он же сопредседатель группы армянской поддержки на Капитолийском холме. Документ призвал Турцию «уважать права христианских граждан республики» [3]. Со схожим предложением выступил уже в 2012 г. и его коллега по партии конгрессмен-республиканец из штата Флорида Гас Билиракис призвавший официальный Вашингтон сделать внешнеполитическим приоритетом защиту прав и свобод христиан, живущих в Сирии, в том числе и сирийских армян. С этой целью в Палате представителей Конгресса США разработана специальная резолюция, уже введенная в действие на Капитолии [1].

Поэтому помимо религиозного мировосприятия, т.е. духовно-психологического фактора и религиозной принадлежности как социально-этического аспекта, на деятельность конгрессменов воздействует и религиозное лобби в качестве общественно-политического компонента. Таковы три аспекта воздействия религиозной идеологии на практическую политику.

Религиозное лобби, при всей кажущейся локальности целей и задач, может воздействовать на политику США в ключевых странах и регионах мира, а также оказывать давление на отношения Вашингтона с союзниками. Оно зачастую тесно связано с «правыми христианами» и через них влияет на Республиканскую партию.

«Правые христиане» и внешняя политика США

Правоконсервативные идеи распространяются разными путями. Оппозиционный статус выражающих эти идеи сил даже способствовал диверсификации способов. Исследователь внешней политики США из Университета Восточной Англии Л. Марсден пишет о том, как сторонники идей «правых христиан» смогли усилить воздействие на партию: «Настоящее достижение и заявка на долгосрочное влияние осуществляется на микроуровне. "Христианские правые" стали очень умело проникать в местные партийные ячейки республиканцев в целях контроля. Их сторонники лоббируют в пользу узкого круга интересов и поощряют сенаторов и конгрессменов голосовать в поддержку вопросов, поднимаемых движением, используя "осуждение" и "поощрение", на основе записей голосования. Поддержка Израиля в обеих палатах Конгресса остаётся огромной. Консервативные евангелисты достигли больших успехов внутри Вооружённых сил США и сейчас составляют почти две трети всех военных капелланов. В итоге, представители "христианских правых" непропорционально значительно представлены на выходе американской внешней политики» [25]. По мнению аналитика, давление «правых христиан» на местах

превращается в электоральное влияние, укрепляет религиозное лобби и в итоге воздействует и на внешнюю политику США.

Л. Марсден приводит примеры влияния «правых христиан» и на деятельность американских внешнеполитических агентств. Так, – пишет автор, – «Агентство международного развития продолжает добиваться грантовых программ для доставки зарубежной помощи от организаций "христианских правых", создавая впечатление, особенно среди мусульманских получателей, что американская внешняя политика и христианство идут нога в ногу. Способность движения вступать в союзы с другими правыми группами, например, неоконсерваторами и, совсем недавно, с «Чайной партией», означает, что они не будут списаны со счетов в ближайшее время. "Христианские правые" в какой-то степени оказались изолированы ввиду того, что президент Обама значительно увеличил религиозное представительство в совещательных органах, но они, продолжают оказывать влияние на людей, поскольку осуществляют внешнюю политику США на местах» [25].

Если Б. Обама старается с помощью различных инициатив исправить имидж своей администрации в сфере религии, задействовав возможности исполнительной власти, то «правые христиане» попытались воспользоваться победой республиканцев на выборах в Конгресс. Т. Тулен писал в «Спиричьюел джеральд» в 2011 г.: «Евангелисты и консервативные католики, выиграв ключевые выборы в Конгресс в прошлом году, достигли успеха в рекрутировании новых членов правохристианского лагеря» [30]. Основными в их повестке дня являются внутренние вопросы (такие как ограничение государственного влияния на экономику или запрет на аборт), однако внешнеполитическая сфера также не остаётся без внимания. Особенно это касается гуманитарных вопросов и палестино-израильского конфликта.

Отношения Израиля с Палестиной и в целом Ближний Восток привлекают наибольшее внимание правых. У евангелистов, особенно «фундаментальных христиан», есть чёткая цель – поддержать Израиль в борьбе с арабами и Ираном. По их мнению, так выполняется религиозный долг Америки. Это тем более актуально сейчас, когда перед США остро стоит вопрос о возможном конфликте с Ираном.

Тенденция к ценностно-религиозной мотивации внешнеполитических действий была очень характерна для времён Дж. Буша-мл. Д. Халтон (Университет Торонто) критически отмечал: «Для Белого дома не имело значения, абсурдны взгляды евангелистов или нет. Главное было то, что голоса этой группы слишком важны, чтобы игнорировать их позицию по Израилю. Как следствие, Джордж Буш-мл. редко принимал ту или иную позицию в израильско-палестинском конфликте, без того, чтобы не принять во внимание взгляды религиозных правых» [19]. Напомним, что евангелисты фундаментального толка активно поддерживали кампании Дж. Буша в Ираке и Афганистане, равно как и вообще стремление к доминированию на Ближнем Востоке. Тот же Д. Халтон сокрушался по этому поводу: «Грустная правда заключается в том, что, несмотря на огромное количество мусульман, видящих, что США вовлечены в крестовый поход против ислама, есть много американцев-евангелистов,

которые приветствуют идею Америки как нации-крестоносца, ведущей священную войну» [21]. Данной идеей была внутренне пронизана доктрина Дж. Буша-мл., хотя на официальном уровне это и не звучало напрямую.

Сейчас правые продолжают сохранять те же принципы. Речь идёт не только о рациональном различии интересов либералов и консерваторов, обострившемся в связи с геополитическими и экономическими проблемами, но и о ценностном споре. И спор этот обостряется по мере того, как лидерство США в мире всё больше ставится под вопрос.

Внешняя политика и президентская кампания-2012: идейно-религиозный аспект

Президентская избирательная кампания 2012 г. показала преемственность внешнеполитических установок и идеалов республиканцев по сравнению с периодом до 2008 г. Директор Института США и Канады, академик Рогов отмечал зависимость Митта Ромни от идей «неоконсерваторов»: «Ромни не имеет вообще никакого внешнеполитического опыта. На протяжении избирательной кампании он выступал с речами, которые явно были написаны неоконсервативными советниками, такими как Джон Болтон, бывший американский представитель в ООН, один из лидеров неоконсерваторов» [14].

В ходе кампании большинство республиканских претендентов на президентский пост стремились показать себя жёсткими лидерами в сфере внешней политики. Это неудивительно: силовой подход и вера в превосходство США – органичные компоненты идеологии «христианских правых». Серьёзным исключением здесь стал лишь либертарианец Рон Пол, призывавший, по сути, к изоляционизму. Однако он не принадлежит к господствующему идейному течению республиканцев. И хотя сами либертарианские идеи (это подтвердил в определённом смысле успех Пола, набравшего больше голосов на праймериз-2012 г., чем в 2008 г.) приобрели значительную популярность, оказавшись в каком-то смысле альтернативой росту влияния «правых христиан», консервативные идеи пока явно сильнее.

Постулат о величии Соединённых Штатов, которым правые руководствуются, имеет религиозно-мессианский фундамент. Во внешней политике такой подход тесно связан с представлениями об особой роли США в мире, например, с знаменитой идеей Генри Люса об американском веке или неоконсервативном «Проекте за Новый американский век». Неслучайно, на съезде Республиканской партии, проходившем в конце августа 1912 г. в Тампе, влиятельный республиканский политик и идеолог, губернатор штата Нью-Джерси Крис Кристи, заявил: «Я хочу, чтобы мои потомки жили во втором великом американском столетии» [9].

Эта идея по своим императивам близка к одноимённому неоконсервативному проекту. Ещё в 2005 г. российский американист Э.Я. Баталов писал: «Неоконсерваторы не устают, впрочем, повторять, что Новый Американский век не придёт сам собой. Колоссальный потенциал, которым располагают Соединённые Штаты, должен быть реализован посредством активной наступатель-

ной внешней политики а-ля Рональд Рейган» [2, с. 66]. Э.Я. Баталов обоснованно констатировал отсутствие глубины у такого рода идей: «Аргументы защитников идеи «второго американского века» просты, чтобы не сказать примитивны. В обобщённом виде они выглядят следующим образом. 1) Сегодня Америка сильна как никогда и далеко превосходит другие великие державы (в некоторых случаях вместе взятые). 2) Динамика мирового развития такова, что появление полноценных конкурентов Америки в обозримом будущем не предвидится. 3) Мир остро нуждается в «просвещённом руководстве», а выступить в роли глобального лидера XXI века способны только США» [2, с. 66]

За период первого срока президентства Б. Обамы позиция республиканцев в отношении самого главного внешнеполитического идеала – американской гегемонии в мире – фактически не изменилась. Зато серьёзно изменились внешнеполитические условия: мир становится всё более полицентричным; глобальный экономический кризис обнажил назревшие проблемы американской экономики; положение доллара как мировой резервной валюты поставлено под вопрос; Китай продолжил рост и стал претендовать на позицию мирового лидера; усилился ряд региональных держав. Наконец, военная мощь США не увеличилась, зато Россия и Китай развернули масштабные программы перевооружения.

Ко всему прочему США так и не смогли развить первоначальный успех в региональных войнах в Ираке и Афганистане, столкнувшись в этих странах с огромными проблемами. Поэтому сама возможность полной реализации целей неоконсервативного «Проекта за Новый американский век» оказалась иллюзорной. Ещё в 2005–2006 гг. этот исследовательский центр прекратил свою некогда активную деятельность.

Глава комитета Госдумы по внешней политике А. Пушков отмечал, что правые пытаются вернуть уходящее первенство США и, резко критикуя «пораженца» Б. Обаму, ставят перед своим кандидатом именно такую цель. По его словам, Б. Обаму обвиняют в том, что он является носителем идеи «американской слабости», необходимости приспособливаться, извиняться за свое величие и т.д. По мнению А. Пушкова, М. Ромни мог бы стать вторым изданием Дж. Буша-мл., но уже без убеждённости последнего в том, что Америка все-сила, поскольку войны в Ираке и Афганистане показали, что США не обладают всемогуществом [4].

Правые круги совершенно не могут смириться с потерей американского превосходства. При всей идеологизированности они, так или иначе, выступают со своих религиозных, патриотических и корпоративных позиций. Правда, такой подход не отвечает интересам ряда других центров влияния в мире и потому чреват для США изоляцией и вообще крупными издержками. В свою очередь, администрация Обамы постепенно сворачивает американскую гегемонию в мире или, как минимум, переводит политику в русло использования «мягкой силы». Однако она сталкивается с резкой оппозицией в Конгрессе.

В ответ на действия демократов, республиканцы постарались использовать и традиционный для американского консервативного мышления образ силы как составной части внешней политики США и жёсткого ответа на угрозы.

Одной из задач республиканцев в ходе президентской кампании стала попытка представить Б. Обаму слабым президентом. Когда-то им удалось осуществить подобную атаку на Дж. Картера после провала операции по освобождению заложников, захваченных в посольстве США в Иране в ноябре 1979 года.

В 2012 г. мишенью стал Госдепартамент, его реакция на убийство в Ливии американского посла и вообще атаки на американские дипломатические представительства на Ближнем Востоке. Так, заместитель главы республиканского меньшинства в Сенате Джон Кайл, сравнил первоначальную реакцию администрации Обамы на события в Ливии и Египте с перекладыванием вины с преступника на жертву. Это заявление влиятельного республиканца стало вполне предсказуемым ударом по президенту США в разгар предвыборной кампании [13]. Впрочем, результат оказался не столь успешным, как в 1980 г. Представители Б. Обамы смогли удачно отбить удар, к тому же часть республиканцев не поддержала почин коллег. Вместе с тем, данный приём достаточно типичен для республиканцев как с политтехнологической, так и с ценностной позиции. Силовой подход имеет непосредственное отношение к правохристианской идеологии, поскольку в этическом плане представляет собой своеобразное наказание зла, характерное для исторической американской религиозной этики.

Республиканцы вполне предсказуемо задействовали религиозный дух в борьбе с Б. Обамой. Например, в предвыборном ролике М. Ромни действующий президент обвинялся в развязывании «войны против религии» [11]. При этом, мобилизуя своих сторонников на общей антиобамовской и религиозной платформе, правые, также как и на выборах в Конгресс в 2010 г. апеллировали к католикам. Те всё больше поддерживают республиканцев, а вовсе не исторически близкую им Демократическую партию, и в 2012 г. данная тенденция нашла своё продолжение. Римско-католическая церковь (а это потенциально 80 млн. американских избирателей) заказала телевизионные ролики, в которых предупреждала страну «об авторитарных импульсах администрации». Архиепископ Нью-Йорка, влиятельный кардинал Тимоти Долан, даже благословил общенациональный съезд Республиканской партии в Тампе [8].

Заслуживает внимания ряд внешнеполитических пунктов предвыборной платформы республиканцев в 2012 г. под названием «Мы верим в Америку». К примеру, в разделе «Американская исключительность» перечислялся набор типичных правых ценностей, идеалов и целей. Там также заявлено: «Мы партия мира посредством силы. Признание американской исключительности – это убежденность в том, что наша страна занимает уникальное место и играет особенную роль в человеческой истории» [28, р. 39]. Основной исторический посыл таков – республиканцы обещают сохранить первенство Соединённых Штатов в мире и продолжить свою миссию: «В то время как двадцатый век, бесспорно, был Американским веком – с сильным лидерством, преданностью принципам свободы и демократии наших отцов-основателей, бережно хранимым в нашей национальной Декларации независимости и Конституции, и в непрерывной уверенности республиканцев в Божественном провидении, двадцать первый век также будет веком американского величия» [28, р. 39].

Разницу между двумя партиями в идеологических подходах к внешней политике хорошо иллюстрирует выдержка из аналогичной предвыборной платформы демократов: «Перенастроив нашу внешнюю политику, мы восстановили связи с другими странами по всему миру. От Европы и Азии до Ближнего Востока, Африки и обеих Америк, мы укрепили альянсы и партнёрские отношения, которые так важны для глобальной безопасности, и мы предприняли шаги, чтобы вновь оживить международные институты» [17, р. 21]. Таким образом, если риторику республиканцев характеризует религиозная вера в исключительность США, то демократы склонны к прагматизму. Они подчас игнорируют исторические идеалы в обмен на более гибкую позицию на мировой арене.

Кроме того, демократы позитивно оценивают предпринятые ими шаги в отношении России в рамках «перезагрузки»: «Мышление времён “холодной войны”, представленное Миттом Ромни при характеристике России как “геополитического противника американцев номер один” игнорирует наш реально существующий общий интерес с ней в вопросе сокращения ядерных боезапасов, их дальнейшего распространения в таких странах, как Иран и Северная Корея, и предотвращения попадания ядерных материалов в руки террористов. Политика президента по “перезагрузке” отношений с Россией принесла результат в виде значительного сотрудничества в этих сферах, а также в вопросе поддержки российской стороной северной сети поставок по снабжению американских войск в Афганистане» [17, р. 24].

Религиозная же, зачастую эсхатологическая, идеология республиканцев тесно переплетена с консервативной экономической программой и милитаристским патриотизмом. В частности, в предвыборной платформе-2012 республиканцев было сказано: «Как доказал Рональд Рейган победоносным завершением “холодной войны”, только наша способность обладать ошеломляющей военной силой может надёжно удерживать врагов Соединённых Штатов от угроз нашему народу и нашим интересам» [28, р. 42]. Таким образом, религиозная вера в величие Соединённых Штатов подкрепляется намерениями с помощью силы управлять мировыми процессами.

Показательно, что идеалом республиканцев по-прежнему остаётся «ястреб холодной войны», президент Рейган с его «чёрно-белым» видением внешнего мира. Автор статьи в журнале «Американ консерватив» Дж. Хантер писал: «Возможно, лучшее определение того, что представляет собой консерватизм, было дано самой популярной фигурой для правых – Рональдом Рейганом. Рейган считал, что консерватизм представляют три группы – религиозные консерваторы, консерваторы в сфере национальной безопасности и экономические (либертарианские) консерваторы» [21]. Поэтому сейчас проблемой для республиканцев является необходимость гармонизировать “экономические взгляды” с “неэкономными целями” сторонников жёсткой силы и религиозного мессианизма. Сочетать активное участие в делах Ближнего Востока со снижением налогов на фоне огромных финансовых трудностей – сложная задача. Авторы журнала «Политико» А. Бёрнс и М. Хагерман делают вывод: «Что значит такое сочетание для республиканцев – партии со склонностью к ин-

тервенционизму, которая за последние несколько лет отклонилась от более расчётливого налогового консерватизма, – можно только гадать» [16].

Приверженность идее американского мессианства сочетается у правых республиканцев с настороженным отношением к глобализму. Собственно, одна из сторон правых мессианских идей – недоверие к внешнему миру, который необходимо «направить на путь истинный», причём, в том числе жёсткими методами. Критики правых отмечают: «Мораль продолжает отсутствовать в господствующей идеологии республиканцев после событий 11 сентября 2001 г. В значительной степени аморальная “теория собственного интереса” Гоббса удерживает господство внутри “Великой старой партии”, поддерживаемая неистовой глобофобией» [26]. Поэтому, понятно, что республиканцы могут удовлетворять свои внешнеполитические запросы только за счёт кардинальных шагов, связанных с обострением международной ситуации.

* * *

Итак, двойное поражение Республиканской партии в 2008 г. не остановило тенденцию её идейно-политического смещения вправо. Консерватизм, традиционно присущий партии, стал в последующие четыре года ещё более выраженным, а роль религии и влияние «правых христиан» возросли. Это нашло отражение в ценностной ориентации республиканцев и выдвигаемой ими внешнеполитической повестке дня.

С одной стороны, рост религиозного консерватизма стал продолжением тенденции республиканцев к мессианско-эсхатологическому восприятию мира, которая доминирует в их идеологии с 1981 г., т.е. с начала президентства Р. Рейгана. Он связан для правых с победой США в «холодной войне» и их представлениями об исторической миссии Америки. Крен партии в сторону ультраконсервативного видения мира стал настолько резким, что умеренная часть республиканцев постепенно оказывается в меньшинстве. Чего стоит только фраза бывшего бюджетного аналитика Конгресса республиканца М. Лофгрена, недавно вышедшего из «Великой старой партии»: «Я покинул партию, потому что она стала превращаться в апокалиптическую секту» [20].

С другой стороны, «фундаментализация» значительной части республиканцев – своеобразная реакция на исторические проблемы, вставшие перед США. Возможность потерять привычное первенство в мире, тяжёлое финансовое положение и социально-демографическая ситуация внутри самих Соединённых Штатов, ведущая к снижению процента белых американцев – эти и другие факторы бросают прямой вызов представлениям консерваторов о том, как должны быть устроены мир и их страна.

Неприятие республиканцами внешней политики Б. Обамы было не только политико-экономическим, но и ценностным. Победа на промежуточных выборах в Конгресс в 2010 г. укрепила решимость правого лагеря, оформившего идейный «мейнстрим» республиканцев. Внешнеполитический идеал партии отразился в её предвыборной платформе в 2012 г. В то же время религиозное лобби продолжило активное сотрудничество с конгрессменами-республиканцами, а религиозный фактор превратился в «линию фронта» в борьбе с

либералом Б. Обамой. Отражением данной тенденции стало и объединение значительной части религиозных избирателей (включая католиков) вокруг правого лагеря.

Таким образом, современные республиканцы становятся ярко выраженными консервативными идеалистами, отошедшими от реалистского подхода к внешней политике. Демократы же, окончательно занявшие либеральные позиции уже при Б. Обаме, совершают следующий важный шаг – переходят в своей политике на мировой арене от либерального идеализма клинтоновского образца к либеральному реализму. Этот фактор ещё больше усиливает тенденцию к поправлению Республиканской партии.

При этом процесс смещения республиканцев вправо создаёт ряд проблем для них самих. Во-первых, им становится всё сложнее бороться за голоса нейтральных избирателей, ведь умеренные кандидаты не находят полной поддержки внутри самой партии, а многочисленный электорат США не может поддержать откровенно консервативного политика. Эта ситуация отчётливо заметна на примере мормона Ромни, который сначала вынужден был убеждать соратников по партии в своём консерватизме, а затем нейтральных избирателей – в своей умеренности. Результат оказался неутешительным.

Во-вторых, влияние религиозных консерваторов наталкивается на оппозицию либертарианского крыла партии (Р. Пол, в некоторой степени «Чайная партия» и т.п.), которая выступает с изоляционистских позиций, не приветствуя милитаризм ультраконсервативных коллег.

Наконец, в-третьих, сама возможность проведения гегемонистского курса на мировой арене ставится под сомнение в результате возникновения тех экономических и геополитических проблем (прежде всего, глобальный экономический кризис, рост влияния Китая и других стран БРИКС), которые возникли перед США в настоящий момент.

Однако шансы христианских консерваторов на доминирование в партии увеличиваются в связи с ростом числа протестантов-евангелистов и переходом значительной части католических избирателей на сторону республиканцев. Способствует этому и не очень-то популярная экономическая политика демократической администрации.

В целом, налицо поляризация элиты Соединённых Штатов по самым главным вопросам политики на мировой арене – будущему США как единственной сверхдержавы, мессианскому проекту Америки и ближневосточному кризису. Эти вопросы, в отличие от текущей политики, имеют принципиальный исторический характер. Так что «правый уклон» республиканцев не только усиливает противоречия внутри американского истеблишмента и общества в целом, но и придаёт им характер конфликта ценностей, который, как известно, с трудом поддаётся разрешению компромиссным путём.

Список литературы

1. Американский конгрессмен: США должны позаботиться о христианах Сирии. 11.08.2012 (<http://novostink.ru/mir/36917-amerikanskiy-kongressmen-ssha-dolzny-pozabotitsya-o-hristianah-sirii.html>).
2. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: РОССПЭН, 2005. 376 с.
3. В Конгрессе США рассмотрели резолюцию поддержки прав христианских общин Турции. 21.07.2011 (<http://www.turkishnews.ru/politika-i-obschestvo-turcii/news/v-kongresse-ssha-rassmotreli-rezolyuciyu-podderjki-prav-hristianskih-obshchin-turcii>).
4. Второе издание Джорджа Буша. В Госдуме прогнозируют, каким может стать отношение США к России в случае победы Митта Ромни на выборах президента (<http://vz.ru/politics/2012/5/31/549941.html>).
5. Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. М.: Наука, 2008. 567 с.
6. Группа религиозных деятелей США поддержала «закон Магнитского» (<http://www.newsru.com/religy/18jun2012/relde.html>).
7. Крашенинникова В.С. Америка – Россия: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М.: Европа, 2007. 392 с.
8. Республиканцы могут положить конец пятнадцати годам глупости США (http://rus.ruvr.ru/2012_08_30/Respublikanci-mogut-polozhit-konec-pjatnadcati-godam-gluposti-SSHA/).
9. Республиканцы определились. Митт Ромни официально стал главным соперником Обамы на выборах (http://mn.ru/world_usa/20120830/326114302.html).
10. Республиканцы США религиозней демократов. 10.11.2011 (http://www.religare.ru/2_90334.html).
11. Ромни обвинил Обаму в войне против религии (<http://www.lenta.ru/news/2012/08/09/romneyad/>).
12. Савин Л. Религия и внешняя политика США. 14.06.2011 (<http://geopolitica.ru/Articles/1253/>).
13. Сенатор сравнил реакцию США на теракты с реакцией на жертву насилия (<http://ria.ru/world/20120913/748860743.html>).
14. Смогут ли республиканцы во главе с Миттом Ромни взять реванш у Барака Обамы? 28.08.2012 (<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24691438.html>).
15. Burke D. RNS: Religious Profile of 112th Congress Remains Stable. 6.01.2011 (<http://www.pewforum.org/Press-Room/Pew-Forum-in-the-News/RNS-Religious-profile-of-112th-Congress-remains-stable.aspx#>).
16. Burns A. and Haberman M. The GOP's Foreign Policy Muddle. 14.09.2012 (<http://www.politico.com/news/stories/0912/81232.html>).
17. Democratic Platform 2012 «Moving America Forward». Stronger in the World, Safer and More Secure at Home (<http://www.democrats.org/democratic-national-platform>).
18. Faith on the Hill. The Religious Composition of the 112th Congress. 5.01.2011 (<http://www.pewforum.org/Government/Faith-on-the-Hill--The-Religious-Composition-of-the-112th-Congress.aspx>).

19. *Halton D.* Faith and Politics: The Rise of the Religious Right and Its Impact on American Domestic and Foreign Policy. Part 1. 8-9.03.2007
(http://www.trinity.utoronto.ca/News_Events/News/halton.htm).
20. How Republicans Went Crazy, Democrats Became Useless and the Middle Class Got Shafted. Interview by Bill Moyers. 04.09.2012
(<http://truth-out.org/news/item/11304-the-party-is-over>).
21. *Hunter J.* The Conservative View on Foreign Aid. 24.09.2012
(<http://www.theamericanconservative.com/articles/the-conservative-view-on-foreign-aid/>).
22. *Landsberg M.* White Working Class: Clinging to Guns, Religion and Romney
(http://www.latimes.com/news/politics/la-pn-white-working-class-guns-religion-20120920,0,533490.story?track=rss&utm_source=feedburner&utm_medium=feed&utm_campaign=Feed%3A+latimes%2Fmostviewed+%28L.A.+Times+-+Most+Viewed+Stories%29).
23. Lobbying for the Faithful Religious Advocacy Groups in Washington, D.C. 21.11.2011 (<http://www.pewforum.org/Government/Lobbying-for-the-faithful--exec.aspx>).
24. *Loconte J.* Faith, Doubt, and U.S. Foreign Policy
(<http://www.american.com/archive/2010/june-2010/faith-doubt-and-u-s-foreign-policy>).
25. *Marsden L.* The Christian Right And US Foreign Policy Today
(<http://www.e-ir.info/2010/04/14/the-christian-right-and-us-foreign-policy-today/>).
26. *Palen M-W.* The Ideology that Drives the Republican Party. 25.07.2011
(http://www.fpif.org/articles/the_ideology_that_drives_the_republican_party).
27. Religion in the 2010 Elections: A Preliminary Look. 3.11.2010
(<http://www.pewforum.org/Politics-and-Elections/Religion-in-the-2010-Election-A-Preliminary-Look.aspx>).
28. Republican Platform 2012 «We believe in America». American Exceptionalism
(<http://www.gop.com/wp-content/uploads/2012/08/2012GOPPlatform.pdf>).
29. The American Christian Lobbyists Association. A Conservative Christian & Church Lobbying Firm (http://www.americancla.org/acla_home_page.html).
30. *Toolen T.* Christian Right Groups Sway the Congress on Big Issues. May 2011
(<http://www.thespiritualherald.org/article.php?id=160>).

УДК 339.97

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ДУОПОЛИЯ В БЕСПОЛЯРНОМ МИРЕ

© 2013 г. **А.В. Кузнецов***

*Институт мировой экономики и международных отношений
Национальной академии наук Украины, Киев*

В статье анализируются преимущества США и Великобритании в установлении правил и стандартов современных международных отношений, раскрываются особенности англо-американского глобального доминирования в условиях бесполярности. Автор приходит к выводу, что восстановление глобального баланса сил возможно лишь на новой ценностной платформе альтернативной рыночному фундаментализму.

Ключевые слова: *бесполярность, баланс сил, англо-американская дуополия, британская монархия, международные финансовые рынки, глобальный финансовый центр, финансовая глобализация, рыночный фундаментализм, БРИКС, альтернативная модель развития.*

Расклад сил на мировой арене в эпоху биполярности был чётким и понятным. На геополитической карте мира сосуществовали два диалектически противоположных полюса концентрации власти – лагерь капиталистических и лагерь социалистических (коммунистических) стран, которые были антагонистически настроены по отношению друг к другу. Мировой экономический баланс поддерживался благодаря действию простого принципа: каждая из систем функционировала практически в закрытом режиме, обеспечивая удовлетворение своих потребностей главным образом за счёт собственного производства. В обоих лагерях господствовала и исповедовалась своя собственная «идеальная» система ценностей, которая в лагере противника воспринималась как угроза, а потому всячески осуждалась и принижалась. Жёсткий контроль, осуществлявшийся обеими системами над своим информационным пространством, оказывал достаточно эффективное противодействие попыткам распространения ценностных ориентиров противника на собственной территории. Во главе коммунистической системы стоял Советский Союз, в то время как неоспоримым лидером капиталистического лагеря признавались Соединённые Штаты Америки.

С крахом СССР планетарный баланс сил был нарушен, что привело к противостоянию различных социально-экономических подсистем уже в рамках

* КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Национальной академии наук Украины, г. Киев. E-mail: kuznetsov0572@mail.ru

самой капиталистической системы. Однако после непродолжительного спарринга победу в поединке подсистем одержала неолиберальная англосаксонская (англо-американская) модель капитализма, отдельные составные элементы которой стали воспроизводиться также в рамках экономической и финансовой глобализации, набирающей обороты вследствие полномасштабной либерализации экономического, финансового и информационного пространств.

Отметим наиболее значимые составляющие данной модели. *Во-первых*, это доминирование финансового сектора, который перераспределяет в свою пользу до двух третей создаваемой в мировой экономике прибыли. *Во-вторых*, это десуверенизация, выражающаяся в возрастающей зависимости национального социально-экономического развития от изменчивой и непредсказуемой конъюнктуры международных финансовых рынков, неподконтрольных национальному регулированию, которые фактически монополизировали функции перераспределения дефицитных финансовых ресурсов на глобальном уровне. *В-третьих*, это формирование новой мировой элиты, состоящей из ведущих политиков, финансистов, коммерсантов, известных учёных, топ-менеджеров вплоть до поп-звезд. Одним из связующих элементов этой элиты выступает, ставший по сути международным, английский язык, а также транснациональная лояльность [2, с. 178–179]. *В-четвёртых*, это глубокая антипатия к социальным общностям и социально-пространственному перераспределению [7, с. 118]. *В-пятых*, это создание ощущения полной победы над пространством, климатом и временем при помощи *денег* [5, с. 26–27]. *В-шестых*, это всеобщая коммерциализация глобального социума, которая достигается путём устранения запретов и ограничений, безжалостной эксплуатации человеческих страстей и пороков вплоть до примитивных животных инстинктов. *В-седьмых*, это отсутствие каких-либо высоких целей развития общества; низвержение авторитетов и умаление значимости исторического процесса (парадигма конца истории Ф. Фукуямы). *В-восьмых*, это поддержание хаоса и неразберихи в глобальном информационном пространстве.

В 2008 г. в журнале «Форин афферс» было опубликовано эссе «Эпоха бесполярности». Его автор, президент Совета по международным отношениям Р. Хаас утверждал, что, в отличие от биполярного мира, определявшего организацию международных отношений на протяжении большей части XX века, современный мир бесполярен в том смысле, что, наряду с такими ключевыми суверенными игроками, как США, ЕС, Россия, Индия, Бразилия и Китай, в мире доминирует не один десяток других игроков, обладающих различными инструментами глобального влияния и использующих их для продвижения собственных интересов в международных отношениях. К ним, в частности, относятся транснациональные корпорации, глобальные средства массовой информации, международные, благотворительные неправительственные, религиозные организации, политические партии, террористические группировки, наркокартели. Итак, Р. Хаас делает вывод, что сила и влияние в современном мире не столько сконцентрированы, сколько распределены [17].

В общем и целом данное утверждение не вызывает особых возражений, если только не принимать во внимание тот факт, что все упомянутые глобальные игроки так называемого бесполярного мира взаимодействуют в рамках

практически единого идеологического, политического, экономического, юридического и информационного поля. Функционирование этого пространства в значительной степени подчиняется законам и правилам, имеющим своё происхождение из вполне определённого уникального цивилизационного центра – Великобритании. Ведь именно британцам принадлежит первенство в реализации тех революционных идей, которые изначально предопределили мотивацию человека в борьбе за обретение индивидуальных прав и свобод, а также в значительной мере содействовали ликвидации барьеров, стоящих на пути международного сотрудничества, посредством интеграции региональных экономик и культур через глобальную систему торговли и коммуникаций.

Итак, предположение, что неформальным дирижёром современных глобализационных процессов являются не столько США, сколько Британия, представляется довольно простой и незамысловатой истиной, лежащей на поверхности. Однако далеко не для всех эта истина столь однозначна и приемлема. Для того, чтобы несколько прояснить данное положение вещей, рассмотрим ряд исторических фактов.

Прежде всего, обратимся к такому неотъемлемому атрибуту современного рыночного хозяйства, как *право частной собственности на землю*. Британия первой среди европейских государств, ещё в 1085 г., по приказу Вильгельма Завоевателя провела поземельную перепись, ставшую известной под названием «Книга Страшного суда», которая заложила основу современной практики ведения земельного кадастра. А уже в 1215 г. в Англии была принята Великая хартия вольностей, которая ограничила власть монарха в пользу крупных частных землевладельцев и послужила примером для подражания другим европейским странам.

Теперь, что касается *индивидуальных свобод*. Крепостное положение в Англии исчезло к концу XVI века [3, с. 258], тогда как в США система рабовладения просуществовала вплоть до 1865 г. Также стоит отметить значительный вклад в зарождение либеральной идеологии таких британских мыслителей, как А. Смит, Дж. Локк, Дж. Ст. Милль, идеи которых приобрели чрезвычайную популярность во всём мире.

Промышленная революция. Англия первой осуществила переход от аграрного уклада к индустриальной экономике, невероятно усовершенствовав возможности мировой торговли и коммуникаций благодаря широкомасштабному строительству железных дорог и проведению межконтинентального кабельного телеграфа. Используя в производственном процессе революционную идею разделения труда и вооружив мир идеологией «невидимой руки» частного благополучия, Британия тем самым поспособствовала зарождению современной эры массового потребления и материального фетишизма.

Свободное рыночное хозяйство. Именно британским философам и экономистам принадлежит первенство в популяризации принципа государственного невмешательства в экономические процессы (*laissez-faire*), что открыло дорогу к отмене государственных субсидий и снятию юридических барьеров для осуществления свободной международной торговли. Следует помнить и о том, что идея снижения тарифных барьеров, положенная американцами в основу ГАТТ/ВТО в 1947 г., была реализована на практике Великобританией ещё в

1860 г., когда страна упразднила импортные пошлины на промышленные товары и безуспешно пыталась добиться принятия режима свободной торговли с другими странами мира.

Теоретическое обоснование современной теории международной торговли также было представлено британцами – Д. Юмом, А. Смитом, Д. Рикардо. Идеи ещё одного британского гения Дж. М. Кейнса были положены в основу ныне действующей международной валютной системы (которые, однако, были несколько искажены американцами на Бреттон-Вудской конференции).

Информационное общество. Не последняя роль принадлежит Британии также и в информационной революции. Общеизвестно, что изобретателем Всемирной паутины считается британец Тим Бернерс-Ли. Коммерциализация этого проекта и вовсе привела к созданию нового виртуального жизненного пространства с обеспечением всех жителей планеты индивидуальной «жилплощадью» в интернетовских соцсетях. Стремительное и всепроникающее внедрение англосаксонских ценностей в традиции и быт различных рас и народов было осуществлено благодаря британскому первенству в открытии передовых информационных технологий, их широкому практическому применению, популяризации английского как языка международного общения, а также монополизации англо-американскими компаниями глобальных средств массовой информации. И это далеко не полный перечень всех исторических заслуг англичан.

Необходимо признать, что после Второй мировой войны доминирующее положение в процессах глобализации занимают США, особенно вслед за тем, как по их инициативе был создан ряд международных организаций, в которых они получили ведущие позиции. Однако в стратегическом плане США всё же принадлежит второстепенное место, поскольку под стратегией понимается общий план действий, охватывающий более продолжительный период времени. Это способ длительного достижения сложной цели.

Конечно же, если рассматривать глобализацию как процесс слияния рынков отдельных продуктов, производимых транснациональными компаниями (определение Т. Левитта), тогда, преимущества США – бесспорны (если только не учитывать того факта, что в британской столице находится больше корпоративных штаб-квартир, чем в любом другом городе мира). Но, если посмотреть на глобализацию не в узком корпоративном смысле, а в более широком контексте – как на распространение определённой системы ценностей (образа жизни), тогда очевидно, что инициатором этого процесса выступает Великобритания.

Именно Великобритания стала родоначальником современных услуг поддержки бизнеса (в частности аудиторских) и разработчиком различных стандартов профессиональной деятельности. Эта страна имеет одну из самых старых, развитых и эффективных налоговых и судебных систем. Даже когда речь идёт о механизмах глобализации, которые используют США, то они стратегически существенно не отличаются от тех, что применялись Великобританией в достижении целей мировой гегемонии в период существования Британской империи.

Несомненна также и популярность *британской* модели представительного правления. Несмотря на то, что с 1974 г. по 2007 г. число демократических го-

сударств увеличилось с 41 до 123 [12, р. 3], британская монархия по-прежнему остаётся самой влиятельной в мире. Будучи главой Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, английская королева также выступает главой 15 государств Содружества наций, главой самого Содружества (между прочим, крупнейшего в мире интеграционного объединения, насчитывающего 54 государства), верховным правителем Англиканской церкви (выступающей оплотом мирового протестантизма) и верховным главнокомандующим британскими вооружёнными силами. *Большой концентрацией власти не обладает ни один другой человек в мире.* Что же касается официальных рейтингов, то они случайно или намеренно не учитывают этих факторов. Так, аналитики журнала «Форбс» в номинации «наиболее влиятельные женщины мира» отвели британской королеве скромную 49-ю позицию.

В этой связи особого внимания заслуживает ещё один сенсационный факт, приводимый в работах британского исследователя К. Кэйхилла, который утверждает, что королева Елизавета II считается юридическим собственником одной шестой части неокееанической поверхности Земли и единолично владеет территориями тех стран, которые официально признают британского монарха главой государства. Помимо Великобритании к ним относятся Канада, Австралия, Новая Зеландия и зависимые от этих стран территории (включая Австралийскую и Британскую части Антарктики), Папуа Новая Гвинея, Багамские острова, Антигуа и Барбуда, Барбадос, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Белиз, Гренада, Сент-Винсент и Гренадины, Ямайка, Соломоновы острова, Тувалу [13]. Речь идёт об общей территории в 27 млн. кв км., что по факту и соответствует одной шестой части неокееанической поверхности планеты (табл. 1).

Некоторые из вышеуказанных территорий имеют значительные разведанные и предполагаемые запасы сырьевых ресурсов, в первую очередь нефти и газа, а также чистой питьевой воды, что делает их стратегическим элементом энергетической и экологической безопасности Великобритании.

Согласно английскому общему праву, земля никогда не отчуждается от её индивидуальных владельцев. Эта норма, естественно, касается и земельной собственности британских монархов. Таким образом, на всех территориях, которыми владеет британская корона, включая Австралию, Новую Зеландию и Соединённое Королевство, правительства этих стран землёй не владеют, но могут (и на практике это реально происходит) от имени королевы выполнять административные функции по земельному управлению. Все виды землевладения на этих территориях основаны формально или юридически на верховном владении британской короны. Поэтому земельный кадастр в этих странах регистрирует не право собственности на землю, а только временное владение землёй (*freehold*) или временное владение на правах арендатора (*leasehold*). Таким образом, в лице королевы Елизаветы II Британия представляет собой крупнейшего в мире землевладельца.

В США федеральное правительство обладает лишь одной третью территории страны, и право правительства на владение землёй юридически уравнивается с любым другим землевладельцем в стране. Хотя правительство имеет право на приобретение частной земельной собственности для государственных целей, тем не менее принцип верховенства на это право не распространяется.

Таблица 1

**Площадь стран и зависимых территорий, официально признающих
британскую королеву главой государства**

Страна	Площадь, кв. км
Великобритания и зависимые территории	1 947 460
Канада	9 984 670
Австралия и зависимые территории	13 431 736
Новая Зеландия и территории	1 009 773
Багамские острова	13 939
Антигуа и Барбуда	442
Барбадос	430
Сент-Китс и Невис	261
Сент-Люсия	620
Белиз	22 966
Гренада	344
Сент-Винсент и Гренадины	390
Ямайка	10 991
Папуа Новая Гвинея	462 840
Соломоновы острова	28 896
Тувалу	26
Общая площадь	26 915 784

IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors / IMF. 26.02.2013 (<http://www.imf.org/external/np/sec/memdir/members.aspx>). P. 51.

Также в общественном сознании недооценивается и геофинансовый вес Соединённого Королевства. Несмотря на снижение в последние годы рейтинга Великобритании среди крупнейших экономик мира по размеру ВВП, эта страна уверенно сохраняет за собой статус крупнейшего в мире финансового центра. Так, по данным, опубликованным в сентябре 2012 г., Лондон в очередной раз занял первое место среди крупнейших финансовых центров мира, шестой год подряд опережая Нью-Йорк [23]. Согласно результатам специального опроса, проведённого среди руководителей 500 крупнейших компаний мира в 2011 г., Лондон в 22-й раз подряд занял первое место в списке европейских городов, наиболее благоприятных для ведения бизнеса [14].

Великобритания продолжает доминировать в крупнейших сегментах финансовых рынков, в частности таких, как торговля международными облигациями, внебиржевыми деривативами с процентными ставками, международная валютная торговля, международное межбанковское кредитование, торговля цветными металлами, рынок страховых морских услуг (табл. 2).

Лондон считается самым ликвидным спотовым рынком золота и мировым клиринговым центром торговли золотом и серебром. Именно в Лондоне ежедневно рассчитывается ставка предложения по межбанковским депозитам – ЛИБОР (*London Interbank Offered Rate*), – самая важная ставка в мире международных финансов, на которую ориентированы финансовые продукты общей стоимостью около 800 трлн. долл. [15]. Столица Великобритании лидирует в международной валютной торговле, в частности благодаря тому, что через

Таблица 2

Рыночная доля Лондона на крупнейших финансовых рынках мира, 2011 г.

	Финансовый рынок	Рыночная доля Лондона, %	Место Лондона среди прочих финансовых центров мира	Размер рынка, трлн., долл.
1.	Торговля цветными металлами	90	1	9,5
2.	Торговля международными облигациями	70	1	27,0
3.	Услуги по фрахту судов	50	1	0,034
4.	Внебиржевые деривативы с процентными ставками	46	1	478,0
5.	Международная валютная торговля (ежедневный объем торгов)	37	1	4,3
6.	Международное межбанковское кредитование	18	1	34,0
7.	Страховые морские услуги (премии)	21	1	4,1
8.	Активы хедж-фондов	20	2	1,7
9.	Частная (небиржевая) эмиссия акций	13	2	0,09
10.	Торговля международными акциями	17	2	6,3

Составлено по: <http://www.ifsl.org.uk/what-we-do/the-research-centre/reports.aspx>

неё проходит нулевой меридиан, от которого традиционно ведётся отсчёт часовых поясов, что позволяет Британии вести торговлю одновременно с финансовыми центрами сначала Азии и Европы, а затем Европы и Америки.

Кроме того, Великобритания – крупнейший глобальный иностранный инвестор, уступающий по этому показателю только США. По состоянию на конец 2010 г. общий размер британских зарубежных активов составил 9,9 трлн. фунтов стерлингов [24, р. 183]. В британском платежном балансе финансовые услуги (наряду с деловыми услугами) – самая значительная статья, имеющая положительное сальдо. По этому показателю Британия выступает неоспоримым мировым лидером. По итогам 2010 г. положительное сальдо торговли финансовыми услугами Великобритании составило 38,7 млрд. фунтов стерлингов [24, р. 48]. Основные «производители» британских финансовых услуг – страховые компании, банки и фондовая биржа.

Английская валюта – фунт стерлингов, который существует в виде монет с XIII века, а в виде банкнот с XVII века – самая стабильная и самая дорогая валюта в мировой истории. Подтверждением беспрецедентной мощи английских финансов может служить также валютный курс фунта стерлингов. Французский историк Ф. Бродель отмечал: «Фунт стерлингов, стабилизированный королевой Елизаветой в 1560–1561 гг., более варьировать не будет и сохранит свою действительную стоимость вплоть до 1920, даже до 1931 г.» [4, с. 378]. Следует подчеркнуть, что, хотя уже к 1880 г. США обошли Англию по объёму внешней торговли, курсовой паритет вплоть до начала Первой мировой войны сохранялся на отметке 4,87 долл. за 1 фунт. И поныне,

несмотря на растущую конкуренцию со стороны евро, фунт продолжает оставаться самой дорогой и самой надёжной среди ключевых валют мира.

Итак, именно Лондон выступает крупнейшим финансовым центром. Нью-Йорк занимает лишь почётное второе место. В свою очередь США имеют наибольшую долю капитала в таких влиятельных международных финансовых организациях, как МВФ, Всемирный банк, ЕБРР, Межамериканский банк развития, Азиатский банк развития (одинаковая доля капитала с Японией). Доллар по-прежнему остаётся важнейшей валютой цены* во внешнеторговых контрактах и основной валютой расчётов в международной торговле. В долларе также номинировано более половины мирового рынка долговых ценных бумаг, международных кредитов и депозитов, а также официальных валютных резервов. 15 из 25 крупнейших товарных бирж мира расположены в США и Великобритании, на которых ежедневно устанавливаются цены на сырьевые продукты, включая нефть. Более половины (28 из 50) крупнейших инновационных компаний мира ведут своё происхождение из США [1].

В 2011 г. под эгидой Евросоюза и Швейцарского федерального технологического института в Цюрихе было проведено исследование «Сеть глобального корпоративного контроля», авторы которого выявили, что всего 147 крупнейших глобальных компаний контролируют 40% мировых активов транснациональных корпораций; при этом из 40 компаний с наивысшим глобальным контролем 21 – американская, 8 британские, а весь список возглавила английская компания «Барклайс плс» (*Barclays plc*), которая, по экспертным оценкам, считается мощнейшей финансовой группой мира [9, с. 10].

Столь же беспрецедентно англо-американское доминирование на международных финансовых рынках. По данным, опубликованным в сентябре 2012 г. компанией «Сити-Ю-Кей» (*TheCityUK*), США и Великобритания вместе контролируют 31% рынка международных кредитов, 55% глобальных инвестиционных фондов, 56% международной валютной торговли, 58% глобального частного выпуска акций, 70% международной внебиржевой торговли деривативами, 70% рынка международных облигаций, 81% выпусков секьюритизированных финансовых продуктов, 83% активов хедж-фондов [19, р. 14]. Почти все 50 крупнейших мировых юридических компаний ведут свое происхождение из США и Великобритании [20, р. 6]. Похожая ситуация наблюдается и в сфере предоставления аудиторских услуг. США – Британия имеют огромное информационное влияние на международные финансовые рынки через подконтрольные им средства массовой информации, включая международные службы новостей Би-би-си, Си-эн-эн, газеты «Файнэншл таймс» и «Уолл-стрит джорнэл», журнал «Экономист», информационные агентства «Блумберг», «Томсон рейтер», а также рейтинговые агентства «Стэндард энд пурс», «Мудиз» и «Фитч». По данным газеты «Файнэншл таймс», в 2012 г. 11 из 13 крупнейших по размеру рыночной капитализации мультимедийных концернов мира были англо-американскими [16].

* Денежная единица, в которой выражена цена товара во внешнеторговом контракте; называется также валютой сделки.

В настоящее время весьма популярно мнение о том, что финансовый кризис положил конец развитию англосаксонской модели. Подобные оценки нельзя считать достаточно убедительными, хотя бы потому, что они не учитывают её возраста. А она, по мнению президента Института Адама Смита М. Пири, зародилась ещё в V–VII веках н. э. и с тех пор неоднократно проходила проверку на прочность [22]. Кроме того, отличие текущего финансового кризиса от предыдущих заключается ещё и в том, что современные механизмы «секьюритизации» обрели практически безграничную власть над рынком, обществом и государством, поскольку ассортимент низколиквидных активов, пригодных для трансформации в ликвидные активы практически неограничен (предметом биржевых торгов могут выступать любые активы вплоть до воздуха в виде квот на выбросы углекислого газа). При этом основные рычаги управления данными процессами сосредоточены в США и Великобритании – наиболее ликвидных и инновационных в плане разработки сложных финансовых продуктов рынках.

Следует подчеркнуть, что более 50% американских семей имеют свой фондовый портфель, т.е. самостоятельно участвуют в торгах на рынках ценных бумаг. «Фактически США уже стали обществом инвесторов, в котором буквально всё население занято «игрой» с различными финансовыми инструментами», – отмечает руководитель Центра военно-промышленной политики Института США и Канады РАН Е.А. Роговский [8, с. 16]. «Оптимальная стратегия «игры» США в инновационную экономику состоит в опережающей конкурентов коммерциализации бесплатных (или пока ещё дешёвых) глобальных ресурсов и их использовании в качестве своеобразного «залога» под свои обязательства... Ключевое условие реализации этой стратегии – опережающее финансирование новых проектов, которое начинается ещё до окупаемости старых. В результате экономика информационного общества США приобретает несбалансированный характер и будет опираться на механизм наращивания (рефинансирования) заведомо неоплачиваемых долгов» [8, с. 358].

Подчеркнём, что на текущий момент не задействованы никакие эффективные механизмы, которые реально могли бы противодействовать дальнейшему расширению денежно-кредитной массы по вышеозначенной схеме, что, в частности, связано со следующими факторами.

1. Монетарные стратегии основных денежных эмитентов – ФРС США, Европейского центрального банка и Банка Англии – ориентированы на контроль над показателем инфляции (который фиксирует рост потребительских цен, но не цен финансовых активов) и не имеют целью ограничивать расширение показателя широких денег (M3) или совокупного денежного предложения (хотя в случае с Европейским центральным банком последнее формально прописано в его монетарной стратегии).

2. В отличие от Бреттон-Вудской системы, ныне действующая Ямайская валютная система не предусматривает никаких ограничений на свободное международное движение капитала и международную валютную торговлю, выступая автоматическим акселератором дестабилизационных процессов международной валютно-финансовой системы.

3. В результате глобального распространения идеалов рыночного фундаментализма в мире образовалось значительное число самостоятельных гло-

бальных игроков, неподконтрольных наднациональным органам регулирования, которые, обладая значительными финансовыми ресурсами и преследуя свои локальные интересы, извлекают максимальную выгоду из установившегося в мире статус-кво нестабильности.

4. Имплементация принятого президентом США Б. Обамой в 2010 г. закона Додда – Фрэнка о реформировании финансового сектора США проходит очень медленно и не имеет того эффекта по ограничению инвестиционных спекулятивных операций, который обеспечивали в данной сфере соответствующие положения закона Гласса – Стигала, подписанного Ф. Рузвельтом во время «Великой депрессии» и аннулированного в 1999 г. вследствие лоббизма финансового сообщества. Поэтому частные инвестиционные компании продолжают оказывать практически неограниченное влияние на глобальную рыночную конъюнктуру, не неся при этом практически никакой ответственности за её постоянное ухудшение.

5. Срачивание государственных и частных интересов в рамках антикризисной поддержки финансового сектора свидетельствует о глубокой коррумпированности глобальной капиталистической экономики, что обуславливает ее возрастающую недееспособность. Как отмечает нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, для преодоления последствий кризиса «Уолл-стрит получила деньги в таких количествах, о которых даже самые коррумпированные руководители в развивающихся странах никогда и не думали в самых смелых своих мечтах» [10, с. 274].

6. На сегодняшний день ни один государственный лидер Запада не в состоянии оказать эффективное противодействие организаторам глобального финансового казино, не рискуя при этом потерять доверие своего электората, сознанием которого манипулируют средства массовой информации, фактически подконтрольные глобальным финансовым посредникам. Подобная ситуация естественна и закономерна с учётом того, что современным миром управляет алчность.

С точки зрения геофинансового влияния сегодняшнее положение дел в мире во многом напоминает обстоятельства полуторасотлетней давности. Тогда, как и сейчас, Лондон считался финансовой столицей мира. Все потенциальные конкуренты были фактически нейтрализованы. Франция и Германия – разгромлены в ходе наполеоновских войн. Феодальная Россия всё ещё снабжала Британию пенькой и лесом для строительства кораблей, не создавая ей конкуренции в международной экономике. Зарождающееся капиталистическое хозяйство Индии фактически уничтожили английские колонизаторы, а экономика Китая после проигрыша Британии в так называемых «опиумных» войнах была практически подчинена торговым интересам западных метрополий. Япония вплоть до реставрации Мейдзи представляла собой закрытое феодальное государство. В США промышленность хоть и развивалась быстрыми темпами, но в стране не было ещё той централизации финансовой системы, которой обладала Британия, контролировавшая золотой стандарт и систему международных займов.

В своё время Австро-Германский валютный союз (1857–1866 гг.) распался из-за чрезмерно завышенных притязаний Австрии на политическое управле-

ние Германией, которая при этом значительно уступала последней в темпах промышленного развития, уровне организации банковской и финансовой систем. Сегодня угроза распада Еврозоны исходит из усиливающихся противоречий между Германией и Францией, поскольку Париж претендует на главную роль в политическом управлении Евросоюзом, не имея тех экономических и финансовых преимуществ, которыми обладает Берлин.

Китай, превратившись в мировую мануфактуру, пока ещё не в состоянии проводить независимую глобальную финансовую, экономическую и технологическую политику; рост ВВП Китая во многом зависит от конъюнктуры внешних рынков.

Страны Ближнего Востока, кроме Сирии и Ирана, практически полностью подчинены англо-американским интересам. Несмотря на очевидный провал попыток создания панамериканского объединения на двух американских континентах во главе с США, последние продолжают оказывать существенное влияние на страны Латинской Америки через рынки капиталов, не отказываясь от идеи доминирования и в этом регионе.

Япония сегодня не представляет реальной конкуренции англосаксам, поскольку ее финансовая система, отягощенная непомерным и возрастающим государственным долгом после кризиса 1990-х годов, продолжает терять свою глобальную конкурентоспособность.

Россия также не может считаться активным участником процессов финансовой глобализации, поскольку её роль всё больше сводится к функции мирового поставщика сырьевых ресурсов, несмотря на предпринимаемые попытки форсирования инновационной модели развития.

Таким образом, на сегодняшний день англо-американский альянс имеет абсолютные преимущества контроля над мировыми финансовыми потоками. Крайне важным представляется осознание этого факта странами БРИКС при разработке альтернативной модели глобального развития. Эффективность их совместных усилий в данном направлении зависит также от успешного разрешения ряда насущных проблем.

Во-первых, невзирая на значительное увеличение относительного веса стран БРИКС в мировой экономике, их роль в регулировании международной валютно-финансовой системы остаётся практически неизменной. Так, в соответствии с решением лидеров «Группы двадцати» происходит перераспределение долей квот МВФ в пользу стран, которые наиболее динамично развиваются (в первую очередь страны БРИКС). Однако по сравнению с 2006 г. (когда МВФ принял решение о проведении внутренней реформы квот и голосов) размер квоты Китая сегодня увеличился всего лишь с 2,98 до 4,00, Индии с 1,35 до 2,45, Бразилии с 1,42 до 1,79, а России даже уменьшился с 2,78 до 2,50 [18]. И хотя реформа продолжается, но, согласно последним данным, суммарная доля квот стран БРИКС в МВФ пока не даёт этим странам права на блокирующий пакет голосов (15%), который, как и раньше, остается за США (табл. 3).

Во-вторых, интеграция Китая в глобальное финансовое пространство в значительной степени сдерживается колеблющейся позицией китайских властей относительно предоставления юаню статуса внешне конвертируемой валюты, без чего номинирование международных финансовых активов в Китай-

Таблица 3

Размер квот и голосов стран БРИКС и США в МВФ, февраль 2012 г.

Страна	% общего размера квот	% общего размера голосов
Бразилия	1,79	1,72
Китай	4,00	3,81
Индия	2,45	2,34
Россия	2,50	2,39
Южная Африка	0,78	0,77
Всего БРИКС	11,51	11,03
США	17,69	16,75

The Global Financial Centers Index 12 / Z/Yen Group. London, September 2012.

ской валюте является невозможным. При этом Китай продолжает оставаться крупнейшим в мире инвестором в американские государственные облигации, поддерживая тем самым статус доллара как неофициальной мировой резервной валюты. По данным Министерства финансов США, в сентябре 2012 г. общий размер американских казначейских бумаг, находящихся в китайском портфеле, составлял 1,156 трлн. долл. [21]. Впрочем, следует признать, что в последнее время Китай выступил с рядом инициатив по интернационализации юаня и сокращению портфеля американских облигаций.

В-третьих, страны БРИКС достаточно разные с точки зрения моделей хозяйствования, экономических структур и обеспеченности факторами производства. Снижение мировых цен на сырьевые товары, продукцию сельского хозяйства, металлы и энергоносители выгодно Китаю и Индии, в то время как Россия, Бразилия и Южная Африка, наоборот, несут от этого прямые убытки [11, с. 72]. К тому же, БРИКС представляют существенно отличные цивилизации. По классификации С. Хантингтона – православную, синскую, индуистскую, латиноамериканскую и африканскую. Кроме того, политическая ситуация в Китае характеризуется нарастанием внутренних конфликтов и противоречий и её стабилизация потребует значительных расходов. Следовательно, существование цивилизационных и структурных отличий, а также необходимость преодоления внутриполитических противоречий значительно усложняют консолидацию усилий БРИКС в направлении разработки единой геочивилизационной, геоэкономической и геополитической стратегии.

В-четвёртых, международный эффект кооперации БРИКС пока что незначителен из-за того, что у данного интеграционного объединения отсутствуют общие институциональные органы. Хотя, как показал саммит БРИКС в Нью-Дели в марте 2012 г., некоторые шаги в этом направлении предпринимаются.

Следовательно, без получения блокирующего пакета голосов в МВФ или создания собственной институциональной базы, по крайней мере, в виде банков развития и институтов фондового рынка, которые бы образовывали альтернативу англосаксонской системе в перераспределении глобальных финансовых ресурсов, влияние БРИКС на развитие международных валютно-финансовых отношений будет достаточно условным и ограниченным.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Дезинтеграция Советского Союза не привела, как ожидалось, к установлению общих для всех правил игры на мировой геоэкономической арене, а лишь

способствовала выдвижению США на роль единственной мировой сверхдержавы, которая в тандеме с Великобританией к собственной выгоде перекраивает систему международных отношений под верховенство принципа тотальной экономической эффективности [6].

После разрушения системы государственного социализма страны англосаксонского ядра получили абсолютные преимущества в формировании правил международной хозяйственной деятельности. Высокая эффективность англосаксонской модели капитализма как метода хозяйствования (несмотря на очередной её кризис) обеспечивается благодаря взаимодействию ряда институтов, воплощающих в себе цивилизационную и социально-экономическую специфику данной модели. Благодаря созданию единого идеологического, политического, экономического, юридического и информационного поля, а также поддержанию глобальной информационной асимметрии англо-американской дуополии удастся перераспределять в свою пользу значительную долю добавленной стоимости, создаваемой другими участниками процессов финансовой глобализации. Сегодня США и Великобритания через собственные транснациональные юридические, аудиторские и финансовые компании фактически осуществляют контроль над сферой международных публичных, корпоративных и финансовых отношений.

Многочисленные региональные интеграционные объединения, действующие на всех континентах в форме полных или частичных зон свободной торговли, постоянно демонстрируют несостоятельность в противостоянии гегемонии англосаксов, о чём свидетельствуют финансовые кризисы, периодически охватывающие означенные региональные группировки. Причина кризисов всегда одна и та же – чрезмерное заимствование кредитных ресурсов у глобальных финансовых посредников, не являющихся субъектами наднационального регулирования. Даже такая высокая форма региональной интеграции, как Европейский экономический и валютный союз, не представляет исключения из данной практики, поскольку не в состоянии обеспечить стабильность внутри-регионального развития в условиях сложившегося глобального дисбаланса сил. ЕС не формирует политического союза наподобие американских штатов и поэтому, с одной стороны, находится в финансовой зависимости от своих членов, а с другой – от глобальных финансовых посредников, обслуживающих долговые обязательства стран – участниц Еврзоны (в которую Великобритания не входит). Кроме того, Евросоюз не имеет собственных сырьевых ресурсов, достаточных для независимого обеспечения своей хозяйственной деятельности.

Очевидно, что реальным противовесом сложившемуся глобальному цивилизационному дисбалансу сил может выступить лишь мощное многонациональное политическое объединение, полностью самостоятельное в территориальном, сырьевом, военно-промышленном, интеллектуальном, культурном, научно-техническом, технологическом и финансовом контексте. Формирование такого объединения может осуществляться только на абсолютно новой ценностной платформе, представляющей собой реальную альтернативу идеологии рыночного фундаментализма. В XX веке такой альтернативой выступил СССР. Удастся ли сегодня странам БРИКС или другому геостратегическому альянсу извлечь конструктивный опыт из провалившегося советского эксперимента? Ведь именно от этого в конечном счёте будет зависеть направление вектора социально-экономического развития XXI века.

Список литературы

1. *Баррет В.* Пятьдесят самых инновационных компаний мира // *Forbes Украина*. 2011. № 7. С. 92–97.
2. *Бжезинский З.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2006. 288 с.
3. *Бокль Г.Т.* История цивилизации в Англии / Пер. А.Н. Буйницкого. С.-Петербург: Типография Ю.Н. Эрлихъ, 1896. 628 с.
4. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3-х т. / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля. 2-е изд. М.: Весь мир, 2007. Т. 3. Время мира. 752 с.
5. *Кара-Мурза С.Г.* Евроцентризм – эдипов комплекс интеллигенции. М.: Эксмо, 2002. 256 с.
6. *Кузнецов А.В.* Функциональные роли Великобритании и США в процессах глобализации // *США ♦ Канада: экономика, политика, культура*. 2011. № 1. С. 99–108.
7. *Пек Д., Теодор Н., Бреннер Н.* Постнеолиберализм и борьба за него // *Прогнозис*. 2010. № 1(20). С. 108–130.
8. *Роговский Е.А.* США: информационное общество (экономика и политика). М.: Международные отношения, 2008. 408 с.
9. *Рябкова Д., Снежко Е.* Влияние корпораций. Глобальные корпорации имеют куда больший контроль над миром, чем кажется на первый взгляд // *Инвестгазета*. 2011. № 41. 31.10–06.11.2011. С. 8–11.
10. *Стиглиц Дж.Е.* Крутое пики: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Пер. с англ. В. Лопатка. М.: Эксмо, 2011. 512 с.
11. *Хейфец Б.* БРИКС: миф или реальность? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 9. С. 72–80.
12. *Aslund A., Darbrowski M.* The Challenges of Globalization: Macroeconomic Imbalances and Development Models. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2008. 300 p.
13. *Cahill K.* Who Owns the World: The Hidden Facts Behind Landownership. Edinburgh and London: Mainstream Publishing, 2007. 640 p.
14. *European Cities Monitor 2011.* Cushman & Wakefield. London, 2011. 36 p.
15. *Farrell M.* Barclays Not Alone in Rate-Fixing Scandal // *CNNMoney*. 10.07.2012 (<http://money.cnn.com/2012/07/03/investing/barclays-libor/index.htm>).
16. *Global 500 2012 Sector Ranks* // *The Financial Times* (<http://www.ft.com/intl/cms/a8bbd1dc-ca80-11e1-89f8-00144feabdc0.pdf>).
17. *Haass R.N.* The Age of Nonpolarity // *Foreign Affairs*. May-June 2008. P. 44-56.
18. *IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors* / IMF. 26.02.2013 (<http://www.imf.org/external/np/sec/memdir/members.aspx>).
19. *Key Facts about the UK as International Financial Centre* / *TheCityUk*. London, September 2012. 20 p.
20. *Legal Services* / *TheCityUk*. London. February 2011. 16 p.
21. *Major Foreign Holders of Treasury Securities.* U.S. Treasury (<http://www.treasury.gov/resource-center/data-chart-center/tic/documents/mfh.txt>).
22. *Pirie M.* The Anglo-Saxon Model of Capitalism (<http://madsen-pirie.com/the-things-that-i-do/communicating/the-anglo-saxon-model-of-capitalism/>).
23. *The Global Financial Centers Index 12* / *Z/Yen Group*. London, September 2012. 52 p.
24. *United Kingdom Balance of Payments: The Pink Book.* London: The Office for National Statistics, 2012. 282 p.

ОДНОПОЛЯРНІСТЬ ДОМІНУВАННЯ США В АЗІАТСЬКО-ТИХООКЕАНСЬКОМУ РЕГІОНІ

Шебет І.А.

Інститут всесвітньої історії Національної академії наук України

У статті аналізується політика Сполучених Штатів Америки щодо Азіатсько-Тихоокеанського регіону за часів правління Клінтона, Буша-мол., Буша-ст. та Обами. Охарактеризовані основні стратегії прийняті урядами США щодо політики у регіоні.

Ключові слова: США, АТР, Стратегія національної безпеки, безпека.

На тлі загальноновизнаних оцінок Азіатсько-Тихоокеанського феномену в зростаючому ступені відчувається явна однобічність характеристики регіону. Вона полягає в тому, що, по суті, уся увага концентрується на стані економіки АТР, але не надається належного значення аналізу військово-політичної обстановки в регіоні, його ролі у вирішенні найактуальнішої проблеми сучасності – проблеми збереження і зміцнення загального світу і безпеки, не робляться належні зусилля з метою мобілізації його потенціалу на побудову нового міжнародного співтовариства, основи якого закладаються сьогодні.

Азіатсько-Тихоокеанський регіон доки не грає в рішенні глобальних миротворчих завдань ролі, адекватної його величезним можливостям. Він явно відстає в цьому відношенні від європейського процесу. Навряд чи можна сумніватися, що при збереженні такого положення опиняються неспроможними претензії АТР стати лідером світового прогресу.

Міністр оборони США Чейні відверто заявив: «Європейський приклад не може бути порівнянний з різноманітністю ситуацій, які ми спостерігаємо в Азіатсько-Тихоокеанському регіоні. На наш погляд, Азія – це передусім морський театр військових дій, на якому відсутні союзницькі структури, що повністю перекривають один одного. США є свого роду балансуємим елементом в регіоні. Міністр підкреслив, що Сполучені Штати «продовжуватимуть чинити опір контролю над морськими озброєннями» [33].

Обнародована Вашингтоном 18 квітня 1990 р. «Стратегія США в АТР на ХХІ століття» [1] містить на відміну від минулого ряд нових тенденцій. Зокрема, вона передбачала зниження чисельності передового ешелону базування американських військ в АТР до 2000 р. при підвищенні якості їх бойової готовності, розвитку і поглибленні воєнно-стратегічного союзу з Японією та іншими союзниками США в Азії. Нову стратегічну концепцію Сполучених Штатів в Тихоокеанському регіоні, незважаючи на її обмеженість по масштабах, на наш погляд, можна розглядати як прояв позитивної тенденції в підходах США в області скорочення звичайних озброєнь в Східній Азії.

Таким чином, є численні ознаки того, що в АТР накопичуються елементи формування «азіатського процесу», в деякій мірі аналогічного європейському.

Грунтуючись на особливому статусі Сполучених Штатів Америки у сучасному світі, колишній міністр оборони США Дж. Най стверджує: «В цілому глобалізація вигідна США. Але якщо ми хочемо, щоб так було і надалі, нам потрібно навчитися мати справу з її незручностями... США повинні використовувати своє власне домінування, щоб надати форму інститутам, які виявляються корисними і для американців, і для всього іншого світу, по мірі того як буде розгортатися глобалізація, Америка повинна пристосовувати інститути співробітництва (multilateral institutions) і управління світовими справами (governance) до ши-

рокої концепції нашого національного інтересу» [2]. Практично аналогічну точку зору відстоює і відомий американський політолог, професор університету ім. Дж. Гопкінса (США), радник президента США з питань національної безпеки у 1977-1981 рр. Зб. Бжезинський. На його думку, специфіка сучасного становища США на міжнародній арені полягає в тому, що «Америка сьогодні панує у світі, але вона не всемогутня. Відповідно, Америка повинна, коли це потрібно, мобілізувати справжню і відверту підтримку інших країн, особливо своїх близьких союзників» [14].

Саме після того як у світі закінчився «перехідний період» США майже стали якщо не формально, то фактично – центром прийняття ключових міжнародних рішень. Новий порядок був «оцентований» під інтереси Вашингтона, котрі американські союзники в НАТО, очевидно, помилково вважали (або і досі продовжують вважати) «своїми також».

Один із провідних американських науковців у сфері міжнародних відносин Г. Кіссінджер стверджує: «Досягнувши апогею сили, США опинилися у безглуздому становищі. Перед обличчям глибоких змін, яких світ ще не бачив, США не мають у своєму розпорядженні настанов, релевантних реальності, яка на нас насувається. Перемога у «холодній війні» породила самозадоволення; задоволеність існуючим положенням створює ілюзію, що вчорашню політику можна буде продовжити і завтра; вражаючий економічний успіх зваблює тих, хто проектує політику, плутає стратегію із економікою і притупляє їх чутливість до того, які саме зміни, породжені впровадженням американської технології, впливають на політичне, культурне та духовне життя народів» [4].

Приступаючи до аналізу ролі США в АТР потрібно відзначити те, що інтереси і активи США в даному регіоні продовжують зростати. Крім того, в цьому регіоні знаходяться п'ять із семи військово-політичних партнерів США (Японія, РК, Таїланд, Філіппіни та Австралія), Америка раз за разом вибудовує орієнтування на ХХІ століття відносин з рядом інших країн регіону. Зокрема, США укріпили відносини з Індією, Пакистаном, Малайзією, Сінгапуром та В'єтнамом. Якщо взяти до уваги економічний аспект, дві держави регіону, Китай та Японія, то вони являються найкрупнішими зарубіжними тримачами боргових зобов'язань США. Торгівля з регіоном стійко зростає і значимість США як торговельного партнера збільшується, навіть не дивлячись на розширення економічних взаємозв'язків.

Під кінець «холодної війни» виникає питання, чи можна американські погляди і поведінку в світовій політиці все ще називати «гегемоном» в умовах наступаючої глобалізації і капіталу, що часто потребує зниження ролі держави в міжнародних справах і відсутності стратегічного бачення, котре могло б замінити антикомунізм. Сполучені Штати проявляють сильний вплив у світовій політиці, прагне зберегти

своє провідне становище в глобальних військових та економічних справах проти кого б то не було [5].

Ніяка інша країна не бере на себе, в якості свого мандату, активне формування світоустрою, щоб зробити вразливим для своїх власних інтересів та цінностей. Всі країни прагнуть досягти своїх інтересів; але ніхто з них, окрім Сполучених Штатів не розцінюють своє лідерство як «за потрібне», його владу життєво важливою а її цінності як універсально вжитими. І ні одна країна не втягує себе так глибоко і широко у внутрішні справи інших країн, як Сполучені Штати [6].

Гегемонія означає управління для власного блага, а отже, здатність і готовність діяти в односторонньому порядку, коли це необхідно, як Сполучені Штати діють в Азіатсько-Тихоокеанському регіоні [7]. Американська місія в тому, щоб зробити світ безпечним для американського способу життя – «американське століття Анрі Люса». У широкому сенсі американська політика охопила «призупинку міжнародної політики через гегемонію», тобто, не допускання інших країн переслідувати їх власний інтерес, щоб забезпечити сприятливий порядок [8].

Американська політика в Азії обмежена запобіганням будь-якої іншої держави отримати гегемонію. В АТР жодна держава або союз держав, не є серйозним суперником для гегемонії.

Сполучені Штати повинні бути партнерами з Азіатсько-Тихоокеанськими державами, але не стабілізатором або військовим союзником. Хоча існує безліч джерел тертя в регіоні і партнерство є більш ймовірним, ніж будь-коли раніше, оскільки більшість урядів країн регіону підтримує ідею використання регіонального діалогу, вирішення спорів і стимулювання співробітництва, співпраця зі сталого розвитку, щоб не допустити застосування сили для зміни політичних кордонів і запобігання ядерного розповсюдження. [9] За висловлюванням Головнокомандувача тихоокеанських сил США адміралом Денісом С. Блером «Фундаментальна проблема безпеки в Азіатсько-Тихоокеанському регіоні заключається в тому, щоб перетворити підхід до балансу сил, запропонований тими, хто захищає багатополосну глобальну структуру влади в ту, котра замість того прагне виробляти безпеку де є очікування мирних змін, а не використання збройних сил для розв'язання суперечок» [10].

З кінця 1980-х років відбувалася модифікація Ялтинсько-Потсдамської системи міжнародних відносин, яка завершилася розпадом біполярної системи у 1991 р. Унікальне положення США як єдиної наддержави відкрило перед ними можливості більш масштабного і цілеспрямованого впливу на хід і зміст міжнародних відносин. Перед американською політико-академічною елітою постало завдання ідейно обґрунтувати стратегію міжнародної діяльності США у нових умовах, представити модель нового світового порядку і глобальну стратегію на довгострокову перспективу.

Геополітичні трансформації початку 90-х рр. XX ст. спричинили пошук адміністрацією У. Клінтона концептуальних розробок щодо глобальної стратегії на період після розпаду біполярного порядку.

Прагнучи зберегти передові позиції США у справах світового співтовариства, адміністрація У. Клінтона замінила доктрину «стримування» комуністичної загрози стратегією «розширення» – розширення світового співтовариства вільних ринкових демократичних держав. Ця стратегія була представлена в щорічній доповіді президента США, в якій було відзначено, що необхідно підтримувати безпеку США, спираючись на американські збройні сили; сприяти

позбавленню американської економіки й зміцненню демократії за кордоном. Підкреслювалась важливість АТР для інтересів і безпеки США, і було відзначено, що США є тихоокеанською державою [11, с. 28-29].

Офіційний документ, представлений адміністрацією У. Клінтона, «Стратегія національної безпеки залучення і розширення» увібрав у себе різні концептуальні ідеї – як прибічників відвертої гегемонії, так і прибічників «прихованої» (ліберальної) гегемонії, яка достатньо часто ототожнюється із світовим лідерством [14].

На об'єднаній сесії Конгресу США 11 вересня 1990 р. президент Дж. Буш-ст. пояснив: «Нова ера буде більш вільною від загрози терору, більш безпечною і мирною, в її основі буде більш послідовна боротьба за справедливість» [13, с. 1358- 1359].

19 квітня 1990 р. міністерство оборони США підготувало доповідь «Стратегічні орієнтири для АТР: погляд у XXI століття», яка свідчила про готовність США переглянути свою військову стратегію в АТР після закінчення «холодної війни» [14]. В доповіді вказувалося на необхідність поступового скорочення американських військ у Східній Азії, водночас наголошувалося на необхідності покращання їх обороноздатності [14].

В 1990 р. американськими конгресменами було визначено, що для США важливими стратегічними завданнями в АТР є: не допустити, щоб будь-яка країна або група країн встановила політичний і військовий контроль у регіоні; забезпечити США політичний, економічний доступ до регіону; гарантувати безпеку друзям і американським союзникам і сприяти збільшенню кількості демократичних держав [15, с. 25].

В 1991 р. була проголошена «Стратегія національної безпеки США» (СНБ), в якій президент Дж. Буш-ст. заявив: «Ми вступаємо в нову еру. Американська оборонна стратегія й військова структура можуть і повинні змінитися... В зв'язку з сучасними вимогами і поліпшенням міжнародних відносин ми повинні переосмислити наші пріоритети та адаптувати наші обороноздатні можливості до нових стратегічних умов». Разом з тим Дж. Буш-ст. наголосив на необхідності збереження потенціалу стратегічного стримування і військової присутності США, збереження високої боєздатності американських сил і їх здатності до швидкого реагування [16, с. 15].

В 1992 р. була підготовлена доповідь Пентагона «Стратегічні орієнтири США в АТР», в якій констатувалось, що мета США – не допустити появи нового конкурента, який буде становити таку загрозу, як колись СРСР [18]. У доповіді також вказувалося, що США здатні захистити себе і своїх союзників, а збройні сили в районі Тихого океану сприяють регіональній стабільності й посилюють можливість США впливати на вирішення питань у регіоні [17]. Таким чином, політика США щодо КНР у постбіполярний період зазнала змін виключно у тактичній сфері, стратегічна мета залишалася колишньою – завдяки використанню американо-азійських союзів здійснювати стримування зростаючих політичних амбіцій Пекіна.

Обрана адміністрація на чолі з демократом У. Клінтоном продовжила лінію щодо пріоритетності Азійсько-Тихоокеанського регіону в шкалі зовнішньополітичної стратегії США, що знайшло своє відображення в проголошеній в липні 1993 р. концепції «нового тихоокеанського співтовариства» [18, с. 510].

Концепти відвертої гегемонії були в основному поширені серед представників Республіканської партії і консервативних кіл американської політичної науки, таких як 36. Бжезинський, Г. Кіссінджер, У. Одоум, Р. Кейган, І. Крістол, У. Краутхаммер, Дж. Муравчик, Х. Сичерман, 3. Халілжад та ін. Згідно

з точкою прибічники виразників ідеї гегемонії, повинна існувати спадковість між переможною стратегією США у роки «холодної війни» і сучасною міжнародною діяльністю. Вони стверджували, що стиль американської гегемонії у роки «холодної війни» відображав демократизм уряду США, а військова стратегія була спрямована на те, щоб попередити ядерну війну, і це супроводжувалось великим ризиком для самих американців, більша ж частина військових витрат перераховувалась на виконання військових зобов'язань, – відзначав старший науковий співробітник Фонду Карнегі за міжнародний мир (США) Р. Кейган [19, с. 24-35].

Прихильники гегемонії не визнають розбудову моделі мультиполярного світу, відстоюючи однополярну модель, у центрі якої США – гегемон, могутність і авторитет яких буде визначальною детермінантою майбутнього світового розвитку.

У найбільш концентрованому вигляді позиції американських політологів консервативного напрямку знайшла відображення в позиції Зб. Бжезінського, який сформулював положення щодо закономірності американської гегемонії, яка ґрунтується на: 1) військовій могутності, яка має глобальний характер; 2) економічному потенціалі, який робить США «локомотивом» світового зростання, незважаючи на те, що у деяких сферах американська економіка має серйозну конкуренцію зі сторони Японії і Німеччини; 3) технологічному лідерстві; 4) універсальному характері і привабливості американської культури, насамперед серед молоді, що не дозволяє жодній державі конкурувати із США у глобальному культурному впливі [20, с. 3].

Теза щодо «благотворного» характеру американської гегемонії, запропонована Р. Кейганом, не заперечувалась у повному обсязі тими політиками та експертами, які займалися розробкою стратегії, оформленої у ліберальних категоріях і термінах. Ідеї, висловлені ліберальними вченими, які прагнули концептуально оформити глобальну стратегію як глобальне лідерство, а не гегемонію (Д. Ебшайр, М. Лінд, Р. Асмус, Р. Блеквілл, С. Лар-Рабі, Ч. Купчан, Дж. Айкенберрі та ін.), були використані адміністрацією У. Клінтона, хоча і не в повному обсязі.

Характеризуючи діяльність команди У. Клінтона, відомий журналіст і публіцист М. Уокер писав, що вони вбачали свою місію аналогічною тій, яку відіграло покоління політиків і вчених у роки «холодної війни», привівши країну до перемоги. Їх задача була не менш амбітною: вирішити складні проблеми постбіполярного періоду та «озброїти світ стратегією для вступу у нове століття процвітання» [21, с. 357-359]. Під час виступу перед сенатським комітетом з міжнародних справ при затвердженні на посаду державного секретаря М. Олбрайт зазначила, що США (політична та академічна еліта) повинні «написати сучасну історію, створити умови для американського лідерства» [22, с. 357- 359].

Президент У. Клінтон представив нову американську стратегію 27 вересня 1993 р. на засіданні Генеральної Асамблеї ООН.

В липні 1994 р. концепція була оформлена у новий документ РНБ «Стратегія національної безпеки залучення і розширення» (National Security Strategy of Engagement and Enlargement).

Основним положенням документа було твердження щодо стирання меж між внутрішньою і зовнішньою політикою, зміцнення національної економіки, яке необхідне для підтримання військової могутності, проведення зовнішньої політики і підтримання світового впливу США, активна міжнародна діяльність, яка забезпечує розширення торгівлі і нові робочі місця для американців [11, с. 26-28].

Перемога на президентських виборах 1996 р. була розцінена адміністрацією У. Клінтона як національне визнання висунутої нею зовнішньополітичної стратегії США не лише на кінець ХХ ст., а й на майбутнє. У травні 1997 р. Білий дім представив ще одну важливу доповідь – «Стратегія національної безпеки в новому столітті» (A National Security Strategy for a new Century). Даний документ декларував основи політики адміністрації У. Клінтона на другий термін президентства і представляв стратегію на майбутнє.

У доповіді були виділені наступні основні положення стратегії: 1) США нація з глобальними інтересами; 2) завдання керівництва країни – підтримувати перевагу у всіх сферах дипломатичній, технологічній, індустріальній і військовій для захисту інтересів США; 3) для виконання цієї задачі США можуть діяти як спільно з іншими країнами, так і наодинці, коли це необхідно; 4) США є єдиною країною, здатною реалізовувати світове лідерство при розв'язанні міжнародних проблем [23].

Адміністрація У. Клінтона висунула зовнішньополітичну програму, мета якої – закріпити сприятливу для США розстановку сил у світовій системі міжнародних відносин і забезпечити можливості для контролю над розвитком міжнародної ситуації у відповідності з американськими інтересами і планами. Важливе місце було відведено ідеологічному компоненту – розповсюдженню американських цінностей і перетворенню міжнародного співтовариства у відповідності з американською моделлю демократії і економічної системи.

Науковий співробітник Гудзонівського інституту К. Джексон зазначає: «Адміністрація У. Клінтона прийшла до влади із переконанням, що Америці необхідно скоротити тягар міжнародних зобов'язань, які вона так довго несла. Зменшення інтересу до зовнішньої політики у Вашингтоні і нездатність ООН до рішучих дій, особливо коли потрібно застосування сили, призвело до великої кількості резолюцій і рішень з проблем колективної безпеки». На думку науковця, «... міжнародна система ще не здатна ефективно функціонувати без американського президента та повного рішучості відігравати роль лідера – НАТО» [24, с. 15].

Оцінюючи стан американської зовнішньої політики на рубежі 90-х рр.- 2000 рр., ХХ ст американські політологи відзначали, що майбутня адміністрація буде змушена продовжувати розпочату демократичної політики, оскільки вона найоптимальніше відповідає інтересам США. Так, відомий політолог, Професор міжнародних відносин Принстонського та Чиказького університетів С. Уолт підкреслив: «У республіканців немає можливості повністю знехтувати досягненнями демократичної адміністрації й представити абсолютно нову стра тегію, оскільки їм доведеться діяти в межах тієї ж системи міжнародних відносин, що склалася після закінчення епохи біполярності, і більшість процесів у сфері безпеки і на різних регіональних напрямках відбувається за керівної американської ролі» [24, с. 64].

Американський політолог М. Мей стверджував, що формування зовнішньополітичної стратегії США визначається не «дійсними завданнями із забезпечення безпеки, а політичними інтересами керівництва США. В столиці єдиної наддержави непопулярні розмови щодо розумності та прагматизму, не допускається думка про те, що США можуть програти війну» [25, с. 11].

Ідея щодо необхідності більшої концентрації уваги на силовому аспекті у відстоюванні національних інтересів та потреби перегляду концептуальних засад азійського вектора зовнішньополітичної стратегії США знайшла своє відображення в програмній

промові з питань зовнішньої політики кандидата в президенти від Республіканської партії Дж. Буша-мол., проголошений 19 листопада 1999 р. в Президентській бібліотеці Р. Рейгана. Характеризуючи роль США на міжнародній арені, майбутній президент відзначив: «Америка повинна брати участь у світових справах. Але це не означає, що наші збройні сили повинні ставати відповіддю на кожну складну зовнішньополітичну ситуацію, – це сурогат стратегії. Інтернаціоналізм Америки не повинен складатися з дій без широкого бачення, дій без пріоритетів і місій, без визначення терміну їх закінчення – такий підхід підриває волю Америки та виснажує її життєві сили» [26, с. 41]. Труднощі з визначення фокусу політики в азіатському регіоні полягають у тому, що «дві великі євразійські дерясави – Китай і Росія – знаходяться на перехідній стадії розвитку. Сьогодні важко зрозуміти їх наміри, оскільки вони самі не знають свого майбутнього. Якщо вони стануть друзями Америки, ця дружба зробить мир більш стійким. Але якщо цього не станеться, то ми можемо так і не прийти до миру, якого прагнемо» [26, с. 41].

Аналізуючи зовнішньополітичні дії президента США Дж. Буша-мол., американський політолог Б. Вудвард доходить висновку, що президент є дуже близьким до радикально орієнтованих груп у власній адміністрації. «Він неодноразово заявляв, що не хоче, щоб інші країни диктували умови США. В якийсь момент ми можемо залишитися одні. Мене це не турбує. Ми – Америка» [27, с. 81]. Дана теза була сприйнята представниками адміністрації як програма дій, а не як декларативний намір, зокрема віце-президент Д. Чейні підкреслив, що «США будуть діяти одноосібно, коли це необхідно» [27, с. 81].

Присутність США в регіоні і участь в його справах розглядається як позитивний фактор не тільки офіційними союзниками і близькими друзями Америки, а й іншими регіональними країнами, котрі цінують вклад США у світ і благоустрій АТР. Країни котрі раніше критикували поведінку Америки в регіоні, пом'якшили свою позицію.

Значна військова присутність Америки в АТР залишається однією з найбільш суттєвих передумов підтримки стабільності в регіоні. Більше того, американська військова потужність стає усе більш переважаючою силою в Азії і на Тихому океані.

Зовнішня політика адміністрації Дж. Буша критикується багатьма як егоїстична, ґрунтована виключно на національних інтересах. Представляється, що звинувачення в однобічності не цілком коректні. Американська зовнішня політика швидше є «багатосторонньою по можливості, односторонньою при необхідності» [28].

Дійсно, в Стратегії національної безпеки США говориться, що в умовах нестабільності і для відображення різних загроз безпеці Сполучені Штати потребуватимуть баз і місць для короткострокової і довгострокової дислокації своїх сил і засобів в Західній Європі і Північно-східній Азії. Це означає, що Сполучені Штати зацікавлені в стабільних партнерських стосунках з країнами регіону як мінімум для забезпечення своєї військової присутності.

Така модель «обмеженої» безпеки на основі співпраці може служити досягненню короткострокових і середньострокових цілей США в АТР, але вона не є вирішенням глобальної проблеми американського лідерства. Сполучені Штати досить могутні для того, щоб будувати стосунки з партнерами і союзниками на більш вільній і рівноправній основі. Тільки це зможе закріпити образ США як безкорисливого глобального лідера, здатного піклуватися не лише про себе, але і про своїх друзів і долю світу.

Як випливає із заяви Дональда Рамсфельда, для того, щоб захищати інтереси США і зміцнювати їх керівну роль у світі, збройні сили США повинні захищати свою територію і одночасно направляти американські війська в «віддалені куточки світу», оскільки там «всюди ворожа обстановка» [29].

Розпочата у 2008 році, як другорядна по військово-му значенні, авантюра в Іраку несподівано спровокувала широкий політико-дипломатичний розкол світу. У 2008-2009 рр., він набрав рис опозиції американської політики односторонніх дій, що перетворилося в тенденцію до централізації світової системи. Міжнародні умови американського лідерства змінилися.

У своєму виступі в австралійському парламенті в листопаді 2011 р. президент США Б.Обама підкреслив: «Наш новий акцент на цьому регіоні (АТР) відбиває фундаментальну істину: Сполучені Штати були і завжди будуть тихоокеанською державою» [30]. Представляючи в січні 2012 р. нову стратегію оборони США, він заявив: «Ми посилюватимемо нашу присутність в Азіатсько-тихоокеанському регіоні, бюджетні скорочення не робитимуться за рахунок цього критично важливого регіону» [31]. І це при тому, що нова стратегія не передбачає ведення одночасно «двох регіональних воєн». Для цього просто немає ресурсів: військовий бюджет країни передбачається в найближчі 10 років скоротити майже на \$500 млрд.

Зміщення центру зовнішньополітичної стратегії США із «Заходу на Схід», зміна атлантичного пріоритету на тихоокеанський стає основним глобальним викликом століття. І мета котру ставлять перед собою Сполучені Штати – це збереження лідируючих позицій у формуванні світопорядку, що змінюється, припускає спадкоємність американського домінування в ХХ столітті, названого «спочатку хвастовито, а потім з тугою американським століттям» [32]. Новий поворот стратегічного розвитку західної цивілізації, що здійснюється, зберігає незмінним «ключовий трикутник», що склався, – США, Європа, Японія в забезпеченні союзних інтересів геополітичного порядку. Намічений «транзит» американського ресурсу до азіатсько-тихоокеанського простору – це одна рефлексія вдосконалення прагматичного зовнішньополітичного курсу адміністрації Б. Обама, розрахованого на нове прочитання традиційної доктрини *raha americana* і створення в регіоні «союзного клубу» за участю «висхідних держав», в т.ч. «другого» круга: Індії, Південної Кореї, Індонезії, Філіппін. Стратегічний поворот до АТР «логічно» вбудовується, як заявила держсекретар США Х. Клінтон, в «наше глобальне зусилля забезпечити і підтримати глобальне лідерство Америки» [34]. Такий розвиток «на Тихому океані» створює якісно нову геостратегічну і торговельно-економічну ситуацію для країн регіону.

Варто зазначити, що ще 5 січня президент США Барак Обама оприлюднив стратегічну доповідь під заголовком «Зміцнення глобального лідерства США: пріоритети оборони в 21 столітті» Ця доповідь стала головною військовою стратегією США на майбутні 10 років. Основний зміст доповіді зводиться до трьох пунктів: перше – це здатність збройних сил США вести і отримати перемогу не в двох війнах, а в одній великій війні, успішно стримуючи при цьому агресивні спрямування ворога; друге – скорочення чисельності військ і військових витрат; третє – переміщення стратегічного центру тяжіння США в АТР.

Отже, нова стратегія США розглядається як чинник незамінності її ролі в АТР, спрямований на спадкоємність власного глобального лідерства.

Висунення адміністрацією Б. Обама тихоокеанської стратегії сприйняте в євроатлантичних структурах як остаточний переможний підсумок проти-

дії внутрішнім спробам «повернутися додому». Нова політика покладе кінець традиційним ізоляціоністським сумнівам і відповідним аргументам з їх «нульовою сумою логіки».

Аналіз наслідків американського «стратегічного витка» ведеться в союзних європейських номенклатурних і громадських структурах по широкому периметру виконання взаємних зобов'язань і захисту «загальних цінностей». У натівських оцінках ситуації, що складається, помітна схильність до того, що виникаючі із-за рішень Вашингтону «стратегічні виклики» зачіпають як США, так і євросоюзників.

Стратегічні наслідки «перезавантаження» євроатлантичного курсу США на користь нових пріоритетів в Азії оцінюються в західному співтоваристві неоднозначно. На міжнародній конференції в Мюнхені в лютому 2012 року виражалася заклопотаність перспективою європейської безпеки, непередбачуваністю розвитку. Завірення держсекретаря і міністра оборони США на конференції, що, незважаючи на «доктринальний» поворот до Азії, Європа залишається для Вашингтону партнером № 1, не усунули розчарувань і не «заспокоїли» євроатлантистів. Мотиви азіатсько-тихоокеанської переваги адміністрації Б. Обами убачаються, передусім, в зростаючій ролі Китаю і «нуклеаризації» Ірану як центральних викликів глобальним і регіональним інтересам США. «Деякі в нашій країні вбачають в прогресі Китаю загрозу для Сполучених Штатів, в той час як деякі в Китаї занепокоєні тим, що Америка прагне стримувати Китай»¹ [34].

Після приходу до влади Барака Обами, відбуваються всілякі «коригування» і зміни, збільшуються інвестиції, застосовуються різні прийоми. З одного боку, проголошуються різні політичні рішення, з іншою, посилюються контакти з представниками вищих кіл країн АТР, з третьою, здійснюється усебічна інтеграція ресурсів, втілюється в життя трибічна дипломатія (оборона, зовнішня політика, розвиток), приділяється увага ролі, яку грають неурядові організації. По-четверте, відбувається розділення відповідальності завдяки міжнародній співпраці.

Слід відмітити, що результати регулювання політичного курсу США у напрямі АТР були отримані за менш ніж два роки. Хілари Клінтон у своїй промові підкреслила, що Сполучені Штати в азіатській стратегії підтримують співпрацю з головними традиційними союзниками, новими партнерами і важливими регіональними організаціями. У число традиційних партнерів в якості «основи» входять Японія, РК, Австралія, Таїланд і Філіппіни.

Якщо переносити атлантичний досвід США на тихоокеанський, то скоро ми повинні побачити зміцнення колишніх і, можливо, формування нових військово-політичних блоків. Усе це відроджує побоювання з приводу можливого створення «міні – НАТО» для АТР, основу якої могли б скласти США, Японія, Індія і Австралія, причому Індія грала б роль контрбалансу Китаю [35].

Хілари Клінтон відверто говорить про необхідність розширення американської військової присутності в регіоні і зміцнення військової потужності своїх союзників. «МІНІ-НАТО» може вирости і до розмірів повноцінного азіатського НАТО, до якої могли б увійти Південна Корея, Філіппіни і Таїланд.

Зміцнення центру зовнішньополітичної стратегії США із Заходу на Схід, зміна атлантичного пріоритету на тихоокеанський стає основним глобальним викликом століття. Месіанська мета – зберегти за

США лідируючі позиції у формуванні світопорядку, що міняється, припускає спадкоємність американського домінування в ХХ столітті, названого «спочатку хвастовито, а потім з тугою американським століттям» [36]. Новий поворот стратегічного розвитку західної цивілізації, що здійснюється, зберігає незмінним «ключовий трикутник», що склався, – США, Європа, Японія в забезпеченні союзних інтересів геополітичного порядку. Намічений «транзит» американського ресурсу до азіатсько-тихоокеанського простору – ще одна рефлексія вдосконалення прагматичного зовнішньополітичного курсу адміністрації Б. Обами, розрахованого на нове прочитання традиційної доктрини рахування амерісана і створення в регіоні «союзного клубу» за участю «висхідних держав», в т.ч. «другого» круга: Індії, Південної Кореї, Індонезії Філіппін. Стратегічний поворот до АТР «логічно» вбудовується, як заявила держсекретар США Х. Клінтон, в «наше глобальне зусилля забезпечити і підтримати глобальне лідерство Америки» [14]. Такий розвиток «на Тихому океані» створює якісно нову геостратегічну і торговельно-економічну ситуацію для країн регіону, в першу чергу для інтересів Китаю і Росії. Близький подібному ходу справ прогноз висловлювався ще великим Д.І. Менделєєвим, що відмічав: «тут небезпечно зволікати і упускати, коли прокладається сталевий шлях в Китай, до Тихого океану, де так чи інакше повинні помиритися багатовікова стійкість Піднебесної імперії з невсипущим прогресом Заходу. Знаходячись в середині, між молотом і ковадлом, нас в такий час наслідують свідомо, тобто розумно, без забобонів і вникаючи зокрема, віднести не лише до міцних, старих засад побуту, але і до фабрик і заводів» [37].

Азіатсько-тихоокеанська ініціатива Б. Обами, як стратегічна адаптація, до геополітичної ситуації, що складається, знову «стимулює» розрахунки європейців на становлення самостійної ролі Європейської оборони в зоні Атлантики. Французькими дослідниками рішення Вашингтону розцінюється як «виклик» Європейській обороні, яка все ще «у зародку», а за американським визначенням – «в зимівлі» [37]. Висловлюється точка зору, що вашингтонська концепція оборонних пріоритетів ХХІ століття стала подвійним викликом Європі: а) європотенціалу як автономному чиннику безпеки, б) збереженню Європи як основного партнера США у рамках «спільних коаліційних дій».

Отже, стратегічні наслідки «перезавантаження» євроатлантичного курсу США на користь нових пріоритетів в Азії оцінюються в західному співтоваристві неоднозначно. На міжнародній конференції в Мюнхені в лютому 2012 року виражалася заклопотаність перспективою європейської безпеки, непередбачуваністю розвитку. Завірення держсекретаря і міністра оборони США на конференції, що, незважаючи на «доктринальний» поворот до Азії, Європа залишається для Вашингтону партнером № 1, не усунули розчарувань і не «заспокоїли» євроатлантистів. Мотиви азіатсько-тихоокеанської переваги адміністрації Б. Обами убачаються, передусім, в зростаючій ролі Китаю і «нуклеаризації» Ірану як центральних викликів глобальним і регіональним інтересам США. Другий набір причин повороту зв'язується не лише з проблемами дисбалансу військових витрат на «загальну оборону» в Євро-Атлантиці, але і із зацікавленістю США в підвищенні «ваги відповідальності» європейських союзників за власну безпеку. До того ж, як визнав мініборони ФРН Т. де Мезьер, нова стратегічна орієнтація Вашингтону відбиває факт відсутності нині для Європи «екзистенціальних загроз» [34].

¹ Цит., Х. Клінтон на виступі в гавайському Центрі «Схід-Захід».

Список літератури:

1. Arms control in Asia and US interests in the region: Hearing before the Subcomm. on Asian and Pacific Affairs of the Comm. On Foreign Affairs, House of Representatives, 101 st Cong., 2 nd sess. Jan. 31, March 13, 1990. – Washington: GPO, 1991. – 188 p.
2. Храбан І.А. Концепції колективної та кооперативної безпеки // Політика і час. – 2006. – № 1. – С. 24-43.
3. Купренюк Т.В. Старі узи і нові виклики. Трансатлантичне парт-нерство в концепціях і системі національної безпеки США // Політика і час. – 2003. – №12. – С. 83-43.
4. Шергін С.О. До справедливого міжнародного порядку. Китайські політологи про багатополосний світ // Політика і час. – 2003. – №5. – С. 56-60.
5. Фуркало В. Перемир'я, що затягнулося на півстоліття // Політика і час. – 2003. – М 8. – С. 52-61
6. Менделев Д.И. Грани познання предвидеть невозможно. М., 1991. – С. 213
7. Троицкий М. «Иллюзии треугольников» в современных отношениях Россия – Запад // www.intertrends.ru/two/009.htm
8. Водрук О.С. Фактор сили в сучасному світі. Геополітичні зміни сучасної міжнародної безпеки після трагічних подій 11 вересня 2001 р. // Політика і час. – 2002. – № 3. – С. 57-67.
9. An S.O.S from Taiwan. Hon. Tom DeLay of Texas in the House of Representatives. – Tuesday, May 18, 1999 // Congressional Record-Extensions of remarks. – May 18, 1998. – 2 p.
10. Кулінич М., Матвійчук В. Ядерна програма КНДР: велика гра чи реальна загроза? // Політика і час. – 2004. – М 5. – С. 60-70.
11. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House. – Washington, D.C.: GPO, 1995 (February) – 33 p.
12. H.R. 1838. To assist in the enhancement of the security of Taiwan, and for other purposes. 106th Congress 1 st. session. – May 18, 1998. – 69 p.
13. Bush George. Address Before Joint Session of the Congress. September 11, 1990 // Weekly Compilation of Presidential Documents. – 1990. – September 17. – Vol. 26. – М 37. – P 1358-1362.
14. A Strategic Framework for the Asian Pacific Rim: Looking toward the 21 st Century (1990) United States Department of Defense // www.russia.shaps.hawaii.edu/security/report-90.html.
15. The 2000 Democratic National Platform: Prosperity, Progress and Peace. National Democratic Party Convention. – Los Angeles. August 14-18, 2000 // www.dems2000.com/AboutTheConvention/03d_peace.html
16. National Security Strategy of the United States.- Washington: Brassey's Inc., 1990. – 38 p.
17. A Strategic Framework for the Asian Pacific Rim: United States Department of Defense (1992) United States Department of Defense // www.shaps.hawaii.edu/security/report-92.html
18. Clinton B. Fundamentals of Security for a New Pacific Community // U.S. Department of State Dispatch. – 1993. – July 19. – P. 509-510.
19. Kagan R. Benevolent Empire // Foreign Policy. – Summer 1998. – № 111. – P. 24-35.
20. Brzezinski Zb. The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostrategic Imperatives. – N.Y.: The Basic Books, 1998. – 305 p.
21. U.S. foreign policy in East Asia and the Pacific: challenges and priorities for the Bush administration: Hearing before the Subcommittee on Asia and the Pacific of the Comm. On International Relations House of Representatives 107 Cong., 1 sess., June 12, 2001. – Washington: GPO, 2001. – 136 p.
22. Walker M. Makers of the American Century – N.Y.: Alfred A. Knopf, Inc. – 393 p.
23. A National Security Strategy for a new Century. The White House.- Washington, D.C.: GPO, 1997 (May). – 29 p.
24. Jackson K.D. How to rebuild America's stature in Asia // Orbis. – 1995. – №1. – P. 11-17.
25. May M. The U.S. Enlargement Strategy and Nuclear Weapons. Center for International Security and Cooperation. – Stanford University. – March 2000. – 63p.
26. Выдержки из выступления кандидата в президенты от Республиканской партии Джорджа У. Буша // Внешняя политика США и президентские выборы 2000 года / Электронный журнал госдепартамента США «Внешняя политика США». – Сентябрь 2000. – Том 5. – № 2. – С. 40-44 // www.ueinfo.state.gov/journale/itpe/0900/iope/iope.htm
27. Woodward B. Bush at war. – N.Y.: Simon & Schuster, 2002. – 376 P-
28. Шергін С.О. Геополітична конфігурація регіональних суб'єктів АТР у контексті трансформації міжнародної системи // Науковий вісник Дипломатичної академії України. – Вип. 9. – Зовнішня політика та дипломатія: історичні традиції, сучасні реалії, перспективи / За заг. ред. В.І. Гумонюка, Л.С. Тугієнка, В.Г. Циватого. К., 2003. – С. 51-61.
29. Матвійчук В. Релікт холодної війни. Ядерне протистояння пів Кореїському півострові // Політика і час. – 2005. – №4. – С. 63-76.
30. Арин А.О. Мир без России. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 480 с.
31. Affirming the United State» commitment to Taiwan // U.S. Congress. Congressional Record. – Wash.. 1998. – Vol. 144: Proceedings and debates of the 105th Congress, 2 nd. session, pt. 91, July 10, 1998. – 24 p.
32. A national security strategy of engagement and enlargement / US President – Washington: GPO, 1995. – 33 p
33. Clinton H. America's Pacific Century. Foreign Affairs, November 2011
34. Spence F. China's Strategic Intentions and Goals. Opening Statement at Open Hearing. U.S. Congress. June 21, 2000. – 69 p.
35. The Cornerstones of Global Security Politics. The Munich Conference 2012
36. Загория Д. К стабильной Азиатско-Тихоокеанской структуре // Взаимная безопасность: новый подход к советско-американским отношениям / А. Картунов, Р. Смоук и др. – М.: Международные отношения, 1991. – С. 240-250.
37. Менделев Д.И. Грани познання предвидеть невозможно. М., 1991. – С. 213

Шемет И.А.

Институт всемирной истории Национальной академии наук Украины

**ОДНОПОЛЯРНОСТЬ ДОМИНИРОВАНИЕ США
В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОН****Аннотация**

В статье анализируется политика Соединенных Штатов Америки относительно Азиатско-Тихоокеанского региона во времена правления Клинтона, Буша-мл., Буша-ст. и Обамы. Охарактеризованные основные стратегии принятые правительствами США относительно политики в регионе.

Ключевые слова: США, АТР, Стратегия национальной безопасности, безопасность.

Shemet I.A.

Institute of World History of the National Academy of Sciences of Ukraine

UNIPOLARITY U.S. DOMINANCE IN THE ASIA-PACIFIC REGION**Summary**

In the article analysed politician of the United States of America in relation to the Тихоокеанського region in the days of the rule of Clinton, Bush-breakwater., Bush-century. but Obama. The described basic strategies are the USA accepted by governments in relation to politics in a region.

Keywords: United States, Asia Pacific, National Security Strategy, safety.

УДК 327.7:061.1

**ФУНКЦІОНАЛЬНІ ТЕНДЕНЦІЇ ПРОЦЕСУ ПРИЙНЯТТЯ ПОЛІТИЧНИХ РІШЕНЬ
(НА ПРИКЛАДІ ДІЯЛЬНОСТІ ЄС)****Шкуро А.С.**

Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича

У статті проаналізовано окремі принципи прийняття рішень в Європейському Союзі. Звертається увага на сучасний стан процедури прийняття рішень всередині ЄС, як регламентується дана норма спільними договорами між країнами-членами, яким чином відбувається голосування.

Ключові слова: кваліфікована більшість, легітимність, європейське право, інтеграція, прийняття рішень.

Постановка проблеми. Вивчення прийняття рішень в Європейському Союзі дедалі більше становить науковий інтерес для вітчизняних дослідників. Зважаючи на те, що саме ЄС вважають одним з головних носіїв демократичних механізмів при прийнятті політичних рішень перед нами постає завдання обґрунтувати особливості діяльності його акторів. Констатуємо, що дане утворення перебуває у полі зору зовнішньополітичних орієнтирів України слід звернути особливу увагу на внутрішні процеси у вирішенні питань за допомогою прийняття рішень. ЄС на сучасному етапі перебуває у стані постановки і вирішення політичних проблем і саме те, як їх розглядають із врахуванням міждержавних інтересів може бути прикладом застосування/не застосування методологічних напрацювань по прийняттю рішень в українській політиці.

Принциповими залишаються питання євроінтеграційної цілі України, як країни, що тільки стала на шлях становлення європейсько орієнтованої держави. Членство в ЄС Україні як мінімум надасть новий поштовх покращити рівень ефективності прийняття політичних рішень на національному рівні запозичивши європейські принципи і норми. Нажаль, поки тільки слід констатувати, як після президентських виборів в Україні відбулась певна перестановка акцентів на користь практичних сфер співробітництва. Київ продовжує наголошувати на прагненні отримати перспективу членства в ЄС, але робить це не шля-

хом систематичного педалювання цієї теми, погодившись відкласти її розгляд насамкінець переговорів щодо Угоди про асоціацію, а шляхом демонстрації негативних наслідків відсутності перспективи членства України для політики Євросоюзу. Тому існуючий підхід України до просування відносин з ЄС можна охарактеризувати як прагнення селективного поглиблення співробітництва в тих сферах, які становлять першочерговий політичний та економічний інтерес, при збереженні загальної орієнтації на приєднання до євроінтеграційного об'єднання [15, с. 33-34].

Вважають, що прийняття політичного рішення найчастіше визначається у двох вимірах: по-перше, як технологічне перетворення політичної влади в управління соціальними процесами, а по-друге, як центральний елемент перетворення політичних вимог різних груп громадян у прийнятні для всього суспільства засоби і методи регулювання соціальних відносин [4, с. 151]. У кожному з випадків рішення трансформує наявну ситуацію у раціональне русло при умові, що за прийняттям наступним алгоритмом буде його належне виконання.

За наявності можливих варіантів політичний вибір також є наслідком реалізації політичних інтересів, кроком на шляху до поставленої мети, зробленим під впливом ряду причин та політичної установи суб'єкта політики [1].

Слід зауважити, що специфіка процесу підготовки та прийняття політичних рішень в державах